

63.3(2)
М60
КР 1475103

Ср

МИЛЮТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Сборник научных работ
выпуск VII

Череповец
2016

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Череповецкий государственный университет

МИЛЮТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Сборник научных работ

Выпуск VII

КР 1475103

Череповец
2016

+ксп +кми

63.3(2)

УДК 94(470.12)
ББК 63.3.(2Рос-4Вол)
М 60

Рассмотрено на заседании кафедры истории и философии, протокол №4 от 2.12.15 г.
Одобрено НТС ЧГУ, протокол №4 от 17.12.14 г.

Рецензенты: *И.А. Птицын*, канд. филол. наук, доцент (ЧГУ)
А.В. Седов, канд. филол. наук, доцент (ЧГУ)

Редактор-составитель: А.Е. Новиков, канд. филол. наук, доцент

Редакционная коллегия: Ю.С. Бушенева (Музей «Дом И.А. Милютина» ЧерМО); А.Н. Егоров, докт. истор. наук, профессор (ЧГУ); М.Г. Мальцев (ПАО «Северсталь»); Е.А. Марков, докт. полит. наук, профессор (ЧГУ); А.Е. Новиков, канд. филол. наук, доцент (ЧГУ); Т.И. Посохова (ЧерМО); Э.П. Риммер, засл. работник культуры РФ (ЧерМО); О.Ю. Солодянкина, докт. истор. наук, профессор (ЧГУ); Е.В. Шалашов, канд. филол. наук (МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №17» г.Череповца)

М 60 Милютинские чтения. Социально-экономическое и культурное развитие России во второй половине XIX – начале XXI века: Сборник научных работ. Выпуск VII / Ред.-сост. А.Е.Новиков. – Череповец: ЧГУ, 2016. – 196 с.
ISBN 978-5-85341-671-0

Сборник научных работ «Милютинские чтения. Социально-экономическое и культурное развитие России во второй половине XIX – начале XXI века» включает материалы докладов, представленных на VIII Милютинских чтениях – региональной научно-практической конференции «И.А. Милютин и общественно-историческое развитие России во второй половине XIX – начале XX в.» (20 апреля 2012 г.) и IX Милютинских чтениях – всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «И.А. Милютин и проблемы социально-экономического и культурного развития городов во второй половине XIX – начале XXI в.» (19-20 апреля 2013 г.), посвященных 183-ей и 184-ой годовщинам со дня рождения выдающегося городского головы г. Череповца, а также в него вошли избранные материалы Малых Милютинских чтений этих лет. Конференции были организованы и проведены музеем «Дом И.А. Милютина» Череповецкого музейного объединения и Управлением по делам культуры мэрии г. Череповца совместно с Гуманитарным институтом Череповецкого государственного университета и Управлением образования мэрии г. Череповца.

Сборник предназначен для специалистов, студентов, аспирантов, всех интересующихся проблемами социально-экономического и культурного развития России и историей российских городов.

УДК 94(470.12)
ББК 63.3.(2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-85341-671-0

© Коллектив авторов, 2016
© ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

I.

История России рубежа XIX – XX веков в восприятии современников	
<i>Новиков А.Е.</i> Реалии исторического развития России конца XIX – начала XX века в «Дневнике» А.С. Суворина	6
Местное самоуправление и гражданское общество в российской провинции в конце XIX – начале XX века	
<i>Риммер Э.П.</i> И.А. Милютин: «Поприще для обращения мечты в дело» (И.А. Милютин и вопросы местного самоуправления)	14
<i>Солодянкина О.Ю.</i> Провинциальное сообщество в деятельности обществ взаимного вспоможения и вспомоществования (Череповец и Вологда на рубеже XIX–XX вв.)	20
Личность в истории России второй половины XIX – XX века	
<i>Мальцев М.Г.</i> Выдающийся современник И.А. Милютина протопресвитер военного и морского духовенства Александр Желобовский	24
<i>Баранова Е.М., Баранова О.А.</i> История семьи Кондорских	30
<i>Добровольский Е.С.</i> А.А. Эйдемюллер – директор средней школы №1 г. Череповца в годы Великой Отечественной войны	41
<i>Киселева Л.А., Орлова Т.Ю., Киселева Н.Н.</i> Андога – родина моих предков	46
Духовные традиции Русского Севера в конце XIX–XX столетии	
<i>Алексеева Н.В.</i> Традиции покаянно-очистительного характера в свадебном обряде северных русских в конце XIX – начале XX в.	50
<i>Молодов О.Б.</i> Владыка Гавриил (Огородников) – епископ Вологодский и Череповецкий (1949–1959 гг.)	54
Русская культура конца XVIII – начала XX века	
<i>Галунова С.Н.</i> Церковная живопись в Череповецком уезде в конце XVIII – XIX вв.	58
<i>Белановская Е.В.</i> Каменные храмы Череповецкого района второй половины XIX – начала XX в. История и современное состояние	60
<i>Новикова А.А.</i> Творчество игумении Таисии (Солоповой) и традиции русского романтизма	67

Социокультурные реалии русской провинции в начале XX века	
<i>Шалашов Е.В.</i> Борьба с пьянством в Череповце в начале XX века (по материалам местной периодики)	69
<i>Сорочинская А.Ю.</i> Лошадиные скачки в Череповце в первой трети XX века	71

II.

Милютинский архив

<i>Всеволодов А.В.</i> Черновики И.А. Милютина	75
--	----

И.А. Милютин-публицист

<i>Чернов А.В.</i> Книга И.А. Милютина «Россия и Германия»: экономический контекст российско-германских отношений	92
---	----

Местное самоуправление и его роль в развитии провинциальных городов

<i>Микитюк В.П.</i> Городской голова Илья Иванович Симанов	100
<i>Маркевич Н.С.</i> Роль И.А. Милютина в социально-экономическом, духовном и культурном развитии города Череповца	105
<i>Смирнова О.В.</i> Роль местного самоуправления в развитии образовательной сферы	109

Романовы в истории русской провинции

<i>Новикова Ан.А., Новикова Ал.А., Шалашов Е.В., Поверенная С.В.</i> Романовы и Череповец	113
<i>Климина И.А.</i> Последние Романовы и Череповец (Леушинский монастырь и царская семья)	118

Политические процессы в истории России: вторая половина XIX – XX вв.

<i>Егоров А.Н.</i> Образ либерала в революционно-демократических кругах России второй половины XIX века	125
<i>Брежнев С., Коробова И.В.</i> История одного репрессированного	133
<i>Эванс Э.</i> Демократизация г. Волжского	138

Православная Церковь в Советской России

<i>Мальцев М.Г.</i> Леушинский Иоанно-Предтеченский монастырь и его монахини в 1917–1941 гг.	145
---	-----

Город как социокультурный феномен

<i>Антонова З.В.</i> Английские города во второй половине XIX века	155
--	-----

<i>Риммер Э.П.</i> Постоянная повинность (к истории строительства воинской казармы в Череповце)	159
<i>Касаткина С.С.</i> Проблемы повседневной жизни индустриальных городов России	168
<i>Козлова О.В.</i> Противоположности мультикультурного пространства мегаполиса	171

Культурное пространство современного российского города

<i>Филиппова В.И.</i> Роль В.А. Ветрогонского в формировании и развитии художественных традиций в Череповце во второй половине XX века	177
<i>Новиков А.Е.</i> Театр в культурной среде современного города	184

Школьный музей как явление городской культуры

<i>Мокиевский С.Ю., Мокиевская Н.В.</i> История школьного историко-этнографического музея	189
Сведения об авторах	194

I.

История России рубежа XIX–XX веков в восприятии современников

А.Е. Новиков
г.Череповец, Россия

Реалии исторического развития России конца XIX – начала XX века в «Дневнике» А.С. Суворина

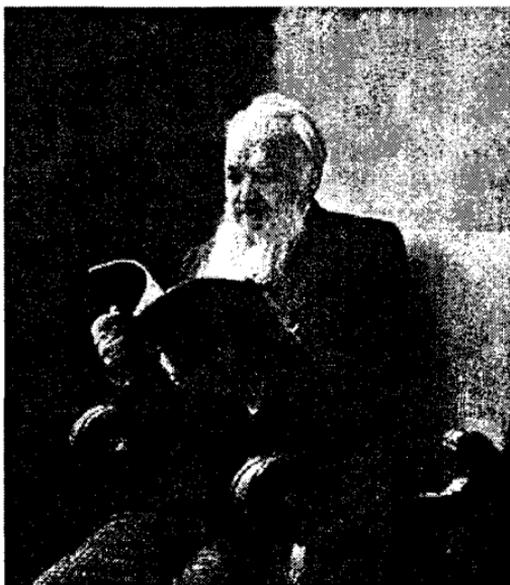
Конец XIX – начало XX столетия – один из самых сложных периодов в истории России, события которого неоднозначно интерпретируются исследователями. Противоречивые отклики оставили о нем и современники, одним из которых был Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) – журналист, издатель, писатель, драматург, театральный деятель. Некогда человек широкоизвестный, можно сказать, знаменитый, а ныне – почти совершенно забытый...

А знаменит он был прежде всего как издатель и владелец на протяжении почти 40 лет – с 1876 по 1912 гг. – крупнейшей национальной общерусской газеты «Новое время», одной из самых читаемых в России в это время. Современники даже называли его «дедушкой русской журналистики, который сделал для неё очень много»¹.

Суворин был известен и как оригинальный писатель: его литературное наследие весьма обширно – это и рассказы («Гарибальди», «Отверженный» и др.), и повести («Черничка», «Алёнка», «Солдат и солдатка»...), и роман «В конце века Любовь», и фельетоны, которые принесли Алексею Сергеевичу особую известность («Недельные очерки и картинки», публиковавшиеся в Санкт-Петербургских ведомостях под псевдонимом Незнакомец, «Маленькие письма» и др.), и драма из жизни акте-

ров «Татьяна Репина», шутки и комедии «Биржевая горячка», «Не пойман, не вор» и другие... Но все вышеперечисленное давно и прочно забыто и не переиздавалось после смерти автора... Известность же получил тайный «Дневник» писателя, совсем не предназначавшийся для печати и случайно сохранившийся в библиотеке сотрудника «Нового времени» и шахматиста Ю.О.Сосницкого².

«Дневник» Суворина – это записки для себя, в которых откровенно и нелицеприятно говорится о событиях в общественно-политической жизни страны, о тех, кто находился у кормила власти, обращается внимание на разные частные, даже интимные подробности жизни великих князей, министров, членов правительства и многих известных в обществе людей... «Дневник» Суворина чем-то напоминает знаменитую «Тайную историю» византийского историка VI века Прокопия Кесарийского... Не случайно он был издан почти сразу после Октябрьской революции 1917 г. – в 1923 году³, а в дальнейшем неоднократно переиздавался в постсоветское время – в 1992⁴, 1999⁵ и 2015⁶ годах.

А.С.Суворин

Одна из первых записей в «Дневнике» была сделана в 1887 г., однако относилась она к еще более раннему времени... Суворин рассказывает о своей встрече с Достоевским «в день покушения Млодецкого на Лорис-Меликова», т.е. 20 февраля 1880 г., когда состоялось неудачное покуше-

ние революционера-народника на главного начальника верховной распорядительной комиссии (впоследствии – министра внутренних дел).. Не зная еще о совершенном преступлении, они рассуждали о странном отношении в обществе к терроризму... «Общество как будто сочувствовало им (этим преступлениям) или, ближе к истине, не знало хорошенько, как к ним относиться»⁷, – отмечает Суворин...

Можно сказать, что вся описываемая Сувориным в «Дневнике» эпоха прошла под знаком терроризма, а Ф.М.Достоевский, как отмечает Алексей Сергеевич далее, умер незадолго до одного из самых громких терактов этого времени – «как раз перед убийством императора» Александра II 1 марта 1881 года (Достоевский умер 28 января (ст.ст.) этого же года)...

Помимо описания беседы с Достоевским на страницах «Дневника» Суворин рассказывает о своих встречах с Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, Д.В. Григоровичем и другими известными деятелями культуры...

Но прежде всего «Дневник» Суворина интересен, конечно же, неформальным осмыслением важнейших общественно-политических событий эпохи, изложением сплетен, слухов по их поводу, рассказами о реакции на них общества и их обсуждении в высших эшелонах власти.

Так, например, в 1893 г. развернулась т.н. таможенная война между Россией и Германией. Её возглавил «железный канцлер» Бисмарк. Находясь в Берлине, Суворин заносит в «Дневник» слова русского посла Шувалова о нем: «...он никогда не любил России. Он только настолько любил, чтобы пользоваться ею»⁸ (запись от 24 октября 1893 г.). К сожалению, позиция многих русских людей в вопросе противодействия Германии была далека от патриотичной. В Берлине Суворин записывает слова некоего священника Алексея по этому поводу: «Вот теперь пусть покажут, что могут обойтись без Германии. Как два шедринских генерала, которых питал мужик»⁹. В связи с этим, думается, вполне уместно вспомнить нашего знаменитого земляка И.А. Милютинина, который в своей книге «Россия и Германия» твердо поддержал позицию министра финансов С.Ю. Витте по отношению к Германии¹⁰...

20 октября 1894 г. после кончины императора Александра III на российский престол взошел его сын – Николай II. А в мае 1896 г. в Москве прошли торжества по случаю коронации императора Николая II, на которых присутствовал и Суворин. 14 мая он был в Успенском соборе на церемонии коронации. «Пришел туда в 7 час. 30 мин., окончилось в 12 час. 45 мин., – читаем в «Дневнике». – ...В соборе Владимир Анат. оправлял так усердно порфиру на царе, что оборвал часть цепи Андрея

Первозванного, которая надета была на государе. Государь прекрасно прочел «Верую», но молитву поспешно, неуверенно. «Новое время» напечатало молитву, которую произносил Павел Петрович. Я послал ее туда, вырвав из брошюры о коронации Павла I, и думал, что молитва эта остается тою же. Оказывается, что ее всю сократили, не желая утруждать императора долго стоять на коленях. Много недовольных милостями и наградами, но много и довольных...»¹¹

Торжества были продолжены 18 мая на Ходынском поле на окраине Москвы, где состоялись народные гуляния с участием императора Николая II и его свиты. Уже с вечера на поле стали прибывать со всей Москвы и ее окрестностей люди, привлеченные слухами о раздаче подарков. К утру 18 мая на поле собралось около 500 тысяч человек.

Как отмечает Суворин, для раздачи было заказано 400 000 кружек (с царским гербом и инициалами Императора), а также «на 5 копеек гостинцев с тощей брошюрой «Народный праздник»»¹² (которые были положены в каждый подарок)... Однако из-за того, что раздача кружек и угощения началась раньше, чем было назначено (в 5 часов утра), оказалось «задавлено, говорят, до 2000 человек. Трупы возили целый день...»¹³ – записывает Суворин в этот день. «2000 – ведь это битва редкая столько жертв уносит!»¹⁴ – восклицает он. И хотя жертв оказалось на самом деле меньше – 1138¹⁵, по донесениям полиции (сегодня в литературе фигурирует цифра 1960 погибших¹⁶), «это несчастье, – отмечает Суворин, – омрачило праздники и омрачило государя»¹⁷.

Суворин побывал на месте катастрофы, на Ваганьковском кладбище, где были похоронены погибшие, познакомился с материалами следственного дела... Выводы, сделанные Алексеем Сергеевичем, звучат убийственно. «Вообще, тут делалось все без головы...»¹⁸ – отмечает он. И далее: «Это действительно страшная драма, в которой начальство является поистине презренным, достойным народной расправы. Оно и в высших, и в низших своих представителях являлось презренным и дрянным...»¹⁹ (запись от 5 августа 1896 г.).

Еще одна тема, которая занимает значительное место на страницах суворинского «Дневника» – это студенты и студенческие волнения, под впечатлением от которых Алексей Сергеевич пишет 1 апреля 1899 г., о «бессилии правительства против кучки нигилистов»²⁰. Через два дня он пишет: «...правительство не стоим никакой поддержки... оно глупо, нелепо, бесхарактерно...»²¹ «Мы переживаем какое-то переходное время. Власть не чувствует под собою почвы, и она не стоит того, чтобы ее поддерживать. Беда в том, что общество слабо, общество ничтожно, и

может произойти кавардак невероятный. Он нежелателен»²², – отмечает А.С. Суворин.

24 февраля 1901 года, как известно, было провозглашено Определение Святейшего Синода об отлучении графа Льва Толстого от Церкви... А вот любопытная запись Суворина от 29 мая 1901 г., помогающая нам лучше представить непростую подоплёку этого события. «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой, – пишет Алексей Сергеевич. – Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, Синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и в зарубежных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджмает хвост. <...> Новое время настанет, и оно себя покажет. Оно уже себя показывает тем, что правительство совершенно спуталось и не знает, что начать. «Не то ложиться спать, не то вставать». Но долго ли протянется эта безурядица? Хоть умереть с этим убеждением, что произвол подточен и совсем не надо бури, чтобы он повалился. Обыкновенный ветер его повалит»²³.

Крайне драматично для России развивались события русско-японской войны 1904–1905 гг. Причем предпосылки к этому складываются задолго до начала военного противостояния, о чем свидетельствовал в своем «Дневнике» и А.С. Суворин. Еще 19 июля 1900 г. он записывает в нем: «Флот наш плох. <...> У японцев флот прекрасный, и они могут уничтожить нас живо. <...> Морской министр живет в Петергофе со своей любовницей и ничего не делает. Пока генерал-адмирал – великий князь, никакого у нас флота не будет. Великие князья никогда ничего не делают, а министры все: «Как бы не обеспокоить великих князей». Воровство колоссальное»²⁴.

А вот уже записи времен русско-японской войны, свидетельствующие о разладе в «верхах» Российской империи, приведшем к трагическим последствиям. «Буренин говорил, что будто царь поклялся, положив руку на голову сына, что он пожертвует всем своим состоянием, чтобы доконать японцев»²⁵, – записывает Суворин 4 августа 1904 г. А через несколько дней – 16 августа – он заносит в свой «Дневник» следующее: «Покупка флота у Аргентины не состоялась, потому что для великого князя Александра Михайловича просили взятку в 500 тысяч рублей. Там проливают кровь, а великие князья взятки берут! Россия – это поместье Романовых, и они наживаются всячески...»²⁶

Таким образом, в сложившейся ситуации поражение России в этой войне следует считать во многом закономерным. Понимая его неизбеж-

ность, Алексей Сергеевич в то же время тяжело переживает происходящее. Так, например, после поражения Куропаткина у Ляояна он с горечью записывает: «Кампания кончена. Флот уничтожен, армия наполовину уничтожена. <...> Режим показал себя с самой блестящей стороны. Какие же теперь потребны условия для того, чтоб прийти в какое-нибудь равновесие? <...> Довоевались, нечего сказать! <...> Целый день, как в лихорадке. В городе самые зловещие слухи. Не уснешь ночью»²⁷.

А.С. Суворин, как известно, был одним из организаторов монархического «Союза русского народа» и формально занимал консервативно-охранительные позиции. Тем неожиданнее читать его строки, посвященные революции 1905-1907 гг. «...Мне жаль затравленного зверя (революцию), – записывает Алексей Сергеевич 3 августа 1907 г. – Не то чтобы я жалел его острых зубов, его хищного наскока, его безумной ярости – помилуй Бог! Мне жаль улетевшей красоты этого единственного в своем роде русского медведя, столь много обещавшего и столь мало давшего. Мне жаль моих ожиданий, моей грусти, моих восторгов, моей веры и ошибок, жаль пролетевшей, как сон, молодости»²⁸. И далее: «Перед зрелищем затравленной революции я испытываю что-то среднее между тошнотой и раскаянием. Смелость сознавшей свою силу и отвагу задорной юности; наглость реакции, наглость торжествующей, злобно-старострастной, импозантной, но похотливой энергии старости»²⁹.

Кроме того, на страницах «Дневника» содержится немало критических высказываний о русском самодержавии и сочувственных – о парламентаризме. «Глупости говорят, что мы «не созрели» для парламентаризма. Напротив, созрели совершенно, да и созреть нечего. Дело обсуждения – самое обыкновенное дело, привычное всем...»³⁰, – отмечает Суворин 24 марта 1897 г. В другом месте он указывает, что отказался поместить в «Новом времени» материал против парламентаризма, ибо не нашел, что «парламентаризм плохая вещь»³¹. Не случайно Суворин с вниманием следит за работой первых Дум, отмечая, что это «дело... серьезное. Этими вещами не шутят»³².

Являясь издателем (а фактически и редактором) крупного печатного издания, Суворин постоянно общается с высшими чиновниками правительства, которые на страницах «Дневника» получают самые нелестные характеристики. «Не мы холопы, а правительство холопые и глупое, которое само ничего не умеет сделать путного»³³, – замечает он 2 августа 1900 г. В другом месте Суворин называет министров «дураками и олухами, грабителями и ворами»³⁴ (запись от 16 ноября 1904 г.). С уважением относился он, пожалуй, только к министру финансов и председателю Комитета министров С.Ю.Витте. «У Витте большой талант и большой

ум. Умение узнавать людей, но малое образование и полное отсутствие нравственных правил»³⁵, - записывает Суворин 23 июля 1907 г. характеристику, данную Сергею Юльевичу ученым-правоведом и известным общественным деятелем Ковалевским (с которой, по-видимому, был солидарен).

Неоднозначным было отношение Суворина и к сменившему С.Ю. Витте на посту премьер-министра П.А.Столыпину. Он указывает на слабые и неуверенные действия Столыпина (30 мая 1907 г.)³⁶. Называет его (со слов того же М.Ковалевского) «баринном... , но без государственного ума»³⁷ (31 мая 1907 г.). А когда Столыпин обрушивается за критику Меньшикова с угрозами на газету «Новое время», Суворин замечает с иронией: «Вот и доказывается, что у П.А.Столыпина есть большая нехватка в голове – сейчас же кулачки и показывает»³⁸ (17 августа 1907 г.).

«Дневник» Суворина – это еще и лирический дневник, отражающий самые разные личные переживания писателя и журналиста...

В целом же, заметим в заключение, материалы «Дневника» Алексея Сергеевича Суворина в значительной степени дополняют наши представления о сложной и противоречивой эпохе, в которую довелось жить этому яркому, своеобразному, неоднозначному и парадоксальному человеку.

Примечания

¹ Так А.С. Суворина назвал писатель А.А. Потехин. См.: Суворин А.С. Дневник. М.: Новости, 1992. С.271.

² Как уцелел «Дневник» А. С. Суворина? [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1032397/671/Suvorin_-_Dnevnik_A.S._Suvorina.html. Дата обращения: 22.07.2015.

³ Суворин А.С. Дневник. М.; Петроград: Изд-во Л.Д.Френкель, 1923.

⁴ Суворин А.С. Дневник. М.: Новости, 1992. Хотя настоящее издание не считается самым авторитетным с текстологической точки зрения (см. статью Р.Трофимова «Перечитывая «Дневник» Суворина», опубликованную в №1 журнала «Новый мир» за 1994 г. Электронная версия статьи. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/1/knoboz02.html. Дата обращения: 9.08.15 г.), однако при подготовке настоящей статьи мы пользовались именно этим изданием, не имея возможности воспользоваться другими, более авторитетными.

⁵ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Текстологическая расшифровка Н.А. Роскиной, подготовка текста Д. Рейфилда и О.Е. Макаровой. М.: Независимая газета, 1999.

⁶ Суворин А.С. Дневник. М.: Терра, 2015.

⁷ Суворин А.С. Дневник. М.: Новости, 1992. С. 15.

⁸ Там же. С. 87.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ См. статью А.В.Чернова в настоящем сборнике (с. 92–99).

¹¹ Суворин А.С. Дневник. М.: Новости, 1992. С. 123–124.

¹² Там же. С. 130.

¹³ Там же. С. 126.

¹⁴ Там же. С. 127.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Давка на Ходынском поле. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. Дата обращения: 17.08.2015.

¹⁷ Суворин А.С. Дневник. М.: Новости, 1992. С. 126.

¹⁸ Там же. С. 130.

¹⁹ Там же. С. 138.

²⁰ Там же. С. 230.

²¹ Там же. С. 234.

²² Там же. С. 235.

²³ Там же. С. 316.

²⁴ Там же. С. 294.

²⁵ Там же. С. 375.

²⁶ Там же. С. 379.

²⁷ Там же. С. 380.

²⁸ Там же. С. 452.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 181.

³¹ Там же. С. 220.

³² Там же. С. 426.

³³ Там же. С. 294.

³⁴ Там же. С. 392.

³⁵ Там же. С. 447.

³⁶ Там же. С. 397–398.

³⁷ Там же. С. 400.

³⁸ Там же. С. 456.

Местное самоуправление и гражданское общество в российской провинции в конце XIX – начале XX века

Э. П. Риммер
г. Череповец, Россия

**И.А. Милютин: «Поприще для обращения мечты в дело»
(И.А. Милютин и вопросы местного самоуправления)**

А бедность, по мне, худшее из рабств¹.
П.А. Столытин

Страна наша с 1991 года переживает эпоху возрождения местного самоуправления. Поэтому обращение к теме исторического переосмысления практики дореволюционного самоуправления вполне обосновано и актуально. Положительный опыт прошлого может быть использован и сегодня.

Следует заметить, что проблема организации местной власти, начиная с периода подготовки реформы 1861 года, была для русского правительства одной из наиболее острых и трудноразрешимых. Реализация законодательных инициатив зависела не только от уровня социально-экономического развития города, но и от уровня развития городского общества и его отношения к выборной службе. Череповцу в этом отношении повезло. «По выборам» во главе городского самоуправления стоял человек, для которого родной город, по его собственному признанию, стал «поприщем для обращения мечты в дело»².

Череповецкий городской голова – Иван Андреевич Милютин – был человеком уникальным и по своему энтузиазму, и по той почти мессианской уверенности в значимости своего дела. В основе всех его преобразований на благо родного города и всего края в целом лежал государственный взгляд на дело. Он был убеждён в том, что плодотворная работа на местах способствует не только укреплению всей страны, но и восстановлению её пошатнувшегося к тому времени международного положения.

Милютину как деятелю эпохи Великих реформ были свойственны системность и основательность, энтузиазм и идеологичность, либерализм и государственничество, а также критический склад ума, который сопровождал его всю жизнь и выражался иногда довольно резко.

В 1880 году в №№ 5-м и 10-м «Русской речи» появились его «Письма городского головы г. Череповца к своим согражданам». В 1883 году в Санкт-Петербурге они вышли отдельным изданием под названием «Между веками по жизненному полю. Вопросы дня».

Во вступлении автор книги писал, что при издании писем он «имел в виду запросто поделиться» своими и «вообще господствующими взглядами на общественные задачи с той средой, которая весьма сбивчиво смотрит на них». Кроме того, он хотел в своих заметках определить «те нравственные вехи, которые устраняют праздное блуждание по жизненному полю, и наметить более верные пути, ведущие к последовательному достижению довольства»³. Занимаясь общественными и коммерческими делами, Милютин имел возможность изучить жизнь народа снизу доверху, «благодаря живому соприкосновению» с ней.

Единственное, что смущало Ивана Андреевича при публикации писем, – это неумение стройно излагать свои мысли, а потому он просил снисхождения у читателей.

Цель «Писем к согражданам» городской голова определил как желание «скорее разобраться со старым и со всем тем новым, что загромоздило наши пути к поступательному движению вперёд»⁴. Ведь жизнь по Милютину, «как ладья в море, – требует постоянного, опытного, искусного направления, дабы достигнуть конечной цели без излишних кривул»⁵.

Иван Андреевич Милютин прошёл суровую, но, как оказалось, полезную школу выживания в жёстком мире коммерции и предпринимательства. Оставшись без отца в возрасте 9 лет, он и его семилетний брат Василий стали помощниками у предприимчивой матушки – торговали скотом, хлебом, с 1845 года завели собственный торговый флот. В 1860-е годы братья уже владели собственным судостроением, машиностроением, деревообработкой, благодаря чему в Череповце появились профессии, не виданные ранее.

Заработав необходимый капитал, Иван Андреевич получил право избирать и быть избранным, сначала в городской магистрат, потом в городскую Думу. Как общественный деятель Милютин чувствовал ответственность за своих земляков, удостоивших его чести быть городским головой на протяжении 46 лет – с 1861 по 1907 годы.

Главной задачей городского самоуправления Милютин считал задачу экономическую, с которой тесно связано материальное благополучие граждан. К 1880 году, моменту написания заметок, в Череповце, по подсчётам Милютина, лишь 25% из числа всех жителей были более или менее обеспеченными. Среди них – владельцы торговых или промышленных заведений, чиновники, получающие достойное вознаграждение за свою службу. Остальные – 50% населения перебивались изо дня в день, чем Бог послал, и 25% находились в полной бедности, или «в самой тяжёлой и безотрадней обстановке». «Вот, где великий грех лежит на нас!»⁶ – восклицает Милютин в своей «жизненной» заметке «Мимоходом».

Причину столь бедственного положения Иван Андреевич видит в том, что реформа 1861 года, ликвидировав «устои старой жизни» и не создав новых, оставила народ «под воздействием принципа свободы и государственного невмешательства», что привело к «бесплодности жизни и деморализации нравов»⁷. В результате – народ наш «сидит на распутьях, с которых видны только тощие поля да безлесные пространства с полуразвалившимися лачугами»⁸. Несмотря на то, что со времени реформ прошло уже 20 лет, – продолжает Милютин, – самого главного мы ещё не достигли, а именно – систематического воздействия на улучшение быта массы населения.

Как и многие его современники, Иван Андреевич мучительно ищет выход из создавшегося положения, положения сложного и, тем не менее, требующего, во избежание возможного социального взрыва, быстрого разрешения. Человек, бесспорно, философского, но в основном практического склада ума, он умел спокойно анализировать критические ситуации, расставить, так сказать, вехи на пути к их преодолению и, не медля, приступить к направленным и осмысленным действиям.

Большое значение придавал Милютин образованию и профессиональной подготовке населения. Он был убеждён, что «из правильного образования проистечёт и промышленность, и богатство, и здоровье, и сила страны». В этом направлении в Череповце к 1880 году сделано было уже немало – открыто шесть учебных заведений на 4000 жителей, в которых обучалось 760 учащихся. Но Милютин знал, что образование само по себе не даёт ни денег, ни хлеба. Всё это оно даёт впоследствии – в лице молодого поколения – и только в том случае, если будет подготовлена почва для экономической деятельности населения. «Здесь, – говорит Милютин, – нам похвастаться нечем. Здесь ещё много работы. А пока – «куда не оглянись, нигде не видно приветливо манящей перспективы,

нет ни живых образов маленьких сельских хозяйств на небольшом клочке земли, как это есть в культурных странах, ни других точек опоры в жизни»⁹.

Иван Андреевич приходит к выводу, что вослед реформ необходимо создать для народа систему «целой воспитательной экономической школы, которая охватывала бы жизнь с самых корней её, для водворения среди общества и народа правильных экономических понятий с практическим умением приложить их к делу, к земле, как лучшей основе благосостояния. Без такого направления, конечно, невозможно достигнуть ни общего довольства, ни стройного развития духовных и умственных сил, ибо последним не на чём будет покоиться. Праздный и ленивый насядут на трудящегося, и в результате явится всеобщее изнурение»¹⁰.

Милютинская концепция человека предполагала веру в его разум, предприимчивость, созидательные способности, чувство ответственности. Требовалось лишь создать благоприятные условия для полного раскрытия всех этих качеств. Иван Андреевич призывает государственные и общественные учреждения прекратить благотворить деньгами на внешнюю сторону жизни, а обратиться к внутренним, скрытым в человеке силам, вызвать их к деятельности так точно, как это делает садовод, создавая из зернышек богатые питомники. Только в этом случае человек сможет сам отыскать в себе слабые и сильные стороны, обрести веру в своё хорошее будущее. А когда он почувствует в себе задатки этого будущего, тогда и надо оставить его на свободе, только осветить ему путь, – всё остальное он разовьёт в себе сам и пойдёт в свой рост.

По мнению Милютин, в каждом уезде надо создать, с одной стороны, – центральную воспитательную земледельческую ферму со всеми «воспособлениями для рассады сытости в уезде» и другие школы, органически связанные с первой соответственными задачами, смысл которых был бы ясен каждому путём показа «живых результатов толкового хозяйства»¹¹. С другой стороны, – способствовать развитию производительности кустарной промышленности и торгово-промышленной деятельности населения в соответствии с местными потребностями и условиями быта. Образно говоря, – пишет он, – нужно «не вводить свекловицу и виноград там, где может расти один картофель да рябина»¹². Тогда и земля наша приобретёт тот цветущий и ухоженный вид, какой можно наблюдать в культурных странах.

В этом деле, – считает Милютин, – очень важен почин или «толковое единичное насаждение». В качестве примера он говорит о почине ростовских огородников, распространивших свою деятельность на треть

России по разведению огурцов, цикория, зелёного горошка, лука, аптекарских трав, семян и прочего, павловских кустарей из Нижегородской губернии, наводнивших рынки России баснословно дешёвыми ножами, вилками, замками и прочими изделиями из металла. Или, – пишет он, – «если бы Пётр Великий не привёз в Холмогоры несколько экземпляров голландских коров, то там и в окрестных губерниях, и в Петербурге – и до сих пор не было бы такого стада, этой прекрасной породы скота»¹³.

В качестве примера рачительного, успешного ведения хозяйства И.А.Милютин рассматривает деятельность известного сельского хозяина и сахарозаводчика, владельца двух обширных имений в Киевской и Тульской губерниях графа Алексея Алексеевича Бобринского, который в начале 1830-х годов устроил в селе Михайловском большой свёклосохарный завод. Свёклу он покупал у своих крестьян по выгодной для них цене, за счёт оброка. На исходе 1830-х годов Бобринский перенёс свою деятельность в Киевскую губернию, построил здесь несколько свёклосохарных заводов и один огромный рафинадный.

Постоянное стремление графа к совершенствованию свёклосохарного производства способствовало развитию машиностроительной промышленности в Киевской губернии. Управляющими на его заводах были русские инженеры, получившие образование в Технологическом институте. Кроме того, он приглашал на заводы учёных, которые своими исследованиями способствовали увеличению успеха предприятий. В круг интересов графа входило и усовершенствование сельскохозяйственных орудий, и введение многочисленных севооборотов, и применение в обширных размерах травосеяния, и многое другое.

Граф Бобринский неустанно заботился о благосостоянии крестьян. В своём огромном тульском имении он устроил среди них самоуправление, ввёл правильное распределение рекрутской повинности и применил особую систему образования хлебных запасов¹⁴. «На свёклосохарном производстве, развившемся по почину графа Бобринского, – пишет Милютин, – Россия сэкономила 80 миллионов рублей, прекратив ввозить сахар из заграницы»¹⁵.

Иван Андреевич напомнил читателю и о самом ближайшем почине – почине Н.В. Верещагина по распространению сыроварения и маслоделания. «Не примись Верещагин за сыроварение и не вложи в него свою душу, а правительство не помоги ему вышеуказанными зёрнышками, не было бы у нас до сих пор ни сыроварения, ни маслоделания, которое развивается теперь с необыкновенной быстротой, побуждая крестьян к улучшению породы скота и увеличению его, что в свою очередь удваи-

вает производительность земли, а там, посмотришь, крестьянин и его семья сделались и сытее и веселее: отсюда мысли его начинают наклоняться к достижению удобства в домашней обстановке, а это, в свою очередь, вызывает потребность в предметах крестьянского комфорта, приготовлением которого будет занята другая часть населения и т. д.»¹⁶.

Все приведённые факты, как пишет Милютин, говорят о том, какое великое значение имеет почин, даже единичный. И если кто следил за историей развития в той или другой местности того или другого промысла, тот вполне понимает, с какой силой этот промысел укореняется и развивается, если только первоначальное введение его согласовано с местными условиями и интересами живущих там людей. «Свежесть лишь вода движеньем сохраняет ...»¹⁷ – эту поэтическую строку любил приводить Иван Андреевич в качестве своего постоянного аргумента.

В заключение Милютин убеждает читателя в том, что главная задача самоуправления – чуткость и отзывчивость к нуждам населения. «Вот, если бы думцы и служащие управы были более чутки и отзывчивы к нуждам населения. Если бы гласные, собираясь в думу, представляли собой не одних только слушателей, а представители самоуправления – канцелярских докладчиков, а главное, являли бы собой истинных толкователей нужд населения и способов устранения их силой того же населения...»¹⁸ – пишет он.

По твёрдому убеждению Ивана Андреевича, гласные думы и служащие управы должны быть своего рода садовниками, духовными врачами и даже бабушками-ворчуньями, чтобы помочь каждому жителю города и уезда найти свой путь к улучшению собственной жизни. Такая характеристика задачи самоуправления может показаться иным странной и даже смешной, слишком семейной и сердечной и не совсем к лицу присутственному месту. А между тем, по словам Милютина, всё это имеет глубокий смысл. «И, если мы каждый день, по капле, по крошке, будем вкладывать в общественную сокровищницу своего толкового участия, своих забот и посильных жертв, то мы можем в немного лет создать твёрдое основание для благосостояния общественной и семейной жизни»¹⁹, – подчеркивает Иван Андреевич.

Сколь заманчиво и актуально всё это звучит сегодня! Кажется, ничего не надо выдумывать, а просто внимательно изучить труды и опыт Ивана Андреевича Милютина, который был уверен, что в общественной жизни вообще полезно оглядываться назад и искать уроков в прошлом.

Примечания

- ¹ Цит. по: Шинчук Борис. Жизнь как урок истории // Родина. 2012. апрель. С. 54.
- ² Милютин И.А. Россия и Германия. Экономические письма. СПб., 1894. С. VI.
- ³ Милютин И.А. Между веками по жизненному полю. Вып. I. СПб., 1883. С. 3.
- ⁴ Там же. С. 2.
- ⁵ Там же. С. 5.
- ⁶ Там же. С. 4.
- ⁷ Милютин И.А. Россия и Германия... С.V.
- ⁸ Милютин И. Письма череповецкого городского головы к своим согражданам. Письмо третье // Русская речь. 1880. № 10. С. 274.
- ⁹ Милютин И.А. Между веками по жизненному полю... С. 6.
- ¹⁰ Там же. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 8–9.
- ¹² Там же. С. 9.
- ¹³ Там же. С. 9.
- ¹⁴ Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908. С. 112–113.
- ¹⁵ Милютин И.А. Между веками... С. 10.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 11.
- ¹⁸ Милютин И.А. Письма череповецкого городского головы к своим согражданам. Письмо третье // Русская речь. 1880. №.10. С. 272.
- ¹⁹ Там же. С. 245–246.

О.Ю. Солодянкина
Череповец, Россия

**Провинциальное сообщество в деятельности обществ
взаимного вспоможения и вспомоществования
(Череповец и Вологда на рубеже XIX-XX вв.)**

Губернский город Вологда и уездный город Новгородской губернии Череповец располагались на расстоянии порядка 120 верст друг от друга и имели традиционные связи и контакты жителей. Структура городского населения до середины XIX в. была традиционной, но модернизационные процессы последней трети XIX в. привели к значительным изменениям в ней. Появлялись новые профессии, новые вакансии на рынке тру-

да, новые потребности у работодателей, в том числе – в квалифицированных работниках. Одно за другим возникали средние специальные учебные заведения (особенно интенсивно процесс шел в Череповце), и росла прослойка образованных людей. Значительная часть учебных заведений ориентировалась на детей мещан, крестьян, делая более гибким график учебного процесса. Для поддержки представителей низших сословий, стремившихся к получению образования, возникло (с 1893 г.) Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в городе Череповце¹. Общество взяло под свое покровительство реальное училище, Мариинскую женскую гимназию, учительскую семинарию, Александровское техническое училище, городское училище, женское профессиональное училище, начальную школу при учительской семинарии, приходское училище, Милютинскую сельскохозяйственную школу. Помощь учащимся могла предоставляться несколькими способами: в виде взноса платы за обучение, выдачи книг и учебных пособий, посредством покупки одежды (форменной) или материала для пошива одежды, покупки обуви (сапог или валенок), путем предоставления квартиры, пищи (обеспечение деятельности столовой для бедных учащихся). Деятельность Общества направлялась правлением, в котором активную роль играли учителя, деятели земства, представители технической интеллигенции и дамский кружок, в который входили жены видных горожан, в том числе инженеров. Регулярные встречи активистов Общества, организация благотворительных концертов, репетиции спектаклей – все это способствовало активному общению образованного слоя горожан, осознанию ими своей роли в деле распространения знаний и поддержки стремящейся к знаниям молодежи. По мере роста числа учебных заведений и учащихся все больше требовалось педагогов, специалистов в разных областях знания для работы в них. В Вологду и Череповец по переводу прибывали учителя из других городов страны, оставались работать свои талантливые выпускники учительской семинарии. Ежегодные отчеты Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце² показывают, как новоприбывшие интеллигенты включались в городскую жизнь, принимали на себя ответственность в решении проблем малоимущих, стремящихся к знаниям горожан.

Техническая интеллигенция формировалась сначала преимущественно за счет приезжих выпускников технических учебных заведений, а впоследствии – в основном за счет выпускников Череповецкого Александровского технического училища, весьма котировавшихся на рынке труда. Вчерашние крестьянские или мещанские дети, пройдя курс обу-

чения в техническом училище, могли рассчитывать на работу мастера, механика, чертежника или техника на заводе, в лаборатории, на железной дороге, на шхуне или электростанции. Техники осознавали свой высокий статус, своего рода «кастовость» и братство выпускников одной alma mater. В 1894 г. был утвержден Устав Общества взаимного вспоможения техников, окончивших курс в Череповецком Александровском техническом училище³, а в 1900 г. появилась Ссудо-сберегательная касса служащих в Александровском техническом училище⁴. Техники трудились по всей стране, поддерживая друг друга, сообщая о вакансиях, при продвижении оказывая содействие в назначениях выпускникам того же самого учебного заведения.

Высшее образование ни в Вологде, ни тем более в Череповце получить было невозможно, и жаждущие его отправлялись в более крупные города, обычно в Петербург. Нуждающиеся студенты петербургских учебных заведений, уроженцы Вологодской губернии, могли надеяться на помощь Общества вспомоществования учащимся в Санкт-Петербурге вологжанам⁵. Семьи местных интеллигентов, рассчитывая в недалеком будущем отправить своих детей на учебу в Петербург, активно участвовали в деятельности Общества: платили членские взносы, способствовали проведению благотворительных акций, приносивших средства в кассу Общества⁶. Вологжане, жившие в Петербурге, не забывали, откуда они родом, и энергично поддерживали молодых земляков. В арсенале средств Общества были устройство литературных чтений, публичных лекций, концертов, спектаклей, вечеров и благотворительных базаров, сбор средств по подписным листам и книжкам, публичный сбор средств и кружечный сбор. Заболевшие студенты могли рассчитывать на безвозмездную врачебную помощь врача – уроженца Вологды, трудившегося в Петербурге, а на лето члены Общества подыскивали студентам трудовые вакансии. Характерно, что членами Общества вспомоществования учащимся в Санкт-Петербурге вологжанам были не только лица, живущие в Вологде и Петербурге, но и уроженцы Вологды, устроившиеся жить в Манчжурии, Самаре, Москве, Харькове, Гатчине и других местах⁷. Членство в таком Обществе, активное участие в его деятельности, видимо, было способом сохранения своей идентичности, осознания принадлежности к определенному региону, любви к малой родине. Пожалуй, эти качества, как и социальная ответственность, социальная активность, являются характерными чертами провинциального интеллигента как социокультурного феномена.

Примечания

¹ Устав Общества Вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце. Череповец, 1910.

² См.: Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 октября 1893 г. по 1 января 1895 г. Череповец, 1895; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 января 1895 г. по 1 января 1896 г. Череповец, 1896; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 января 1896 г. по 1 января 1897 г. Череповец, 1897; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 января 1897 г. по 1 января 1898 г. Череповец, 1898; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 января 1898 г. по 1 января 1899 г. Череповец, 1899; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 января 1899 г. по 1 января 1900 г. Череповец, 1900; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г. Череповец, 1901; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 января 1902 г. по 1 января 1903 г. Череповец, 1903; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 января 1903 г. по 1 января 1904 г. Череповец, 1904; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 января 1910 г. по 1 января 1911 г. Череповец, 1911; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1 января 1911 г. по 1 января 1912 г. Череповец, 1912; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1-го января 1912 г. по 1-е января 1913 г. Череповец, 1913; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1-го января 1913 г. по 1-е января 1914 г. Череповец, 1914; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1-го января 1914 г. по 1-е января 1915 г. Череповец, 1915; Отчет Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце с 1-го января 1915 г. по 1-е января 1916 г. Череповец, 1916; Устав Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце. Череповец, 1910.

³ Устав Общества взаимного вспоможения техников, окончивших курс в Череповецком Александровском техническом училище. СПб., 1894.

⁴ Устав Ссудо-сберегательной кассы служащих в Александровском техническом училище в г. Череповце. Череповец, 1900.

⁵ Устав Общества вспомоществования учащимся в Санкт-Петербурге вологжанам. СПб., 1900.

⁶ Отчет о деятельности Общества вспомоществования учащимся в Санкт-Петербурге вологжанам за время с 11 марта 1901 г. по 1 января 1902 г. СПб., 1902. С. 4–5.

⁷ Отчет о деятельности Общества вспомоществования учащимся в Санкт-Петербурге вологжанам за время с 1 января 1903 г. по 1 января 1904 г. СПб., 1904. С. 16.

Личность в истории России второй половины XIX – XX века

М.Г. Мальцев
г. Череповец, Россия

**Выдающийся современник И.А. Милютина
протопресвитер военного и морского духовенства
Александр Желобовский**

Время, когда И.А. Милютин стал городским головой, нередко называют «эпохой великих реформ». Указанные реформы помогли выдвинуться целому ряду замечательных государственных и общественных деятелей, которые искренне, не думая о себе, служили государству и смогли сделать немало для его процветания. К числу таких людей, несомненно, следует отнести и И.А. Милютина. К таким людям относится и еще один выдающийся уроженец Череповецкого края – протопресвитер военного и морского духовенства Александр Алексеевич Желобовский.

Отца Александра можно отнести к личностям даже не общероссийского, а мирового масштаба, так как его деятельность распространялась далеко за пределы России в ее современных границах. А.А. Желобовскому принадлежит заслуга блестящего осуществления одной из сложнейших церковных реформ, результаты которой современники оценивали как наступление новой эры в жизни священнослужителей. По его инициативе было устроено множество приютов, богаделен, учебных заведений и более 400 церквей, располагавшихся не только на территории современной России, но и в Польше, Болгарии, Финляндии, Китае и других государствах. Важно отметить, что многие из названных храмов он сам и освящал, причем нередко в сослужении святого праведного Иоанна Кронштадтского и в присутствии императора. По благословению Александра Желобовского создавались даже целые церковные области, превращавшиеся позднее в епархии. То есть, его роль в истории России сложно переоценить.

Александр Алексеевич родился в 1834 году в семье простого дьячка Желобовской церкви Белозерского уезда (ныне – деревня Петропочинки Череповецкого района). Желобовский приход был одним из наиболее удаленных и беднейших приходов края. Такое происхождение, казалось

бы, лишало будущего протопресвитера возможности совершить сколь-нибудь существенную карьеру в жизни. Но, к счастью, он отличался недюжинным умом и огромным трудолюбием, что позволило юному Александру блестяще окончить Белозерское училище и Новгородскую семинарию, из которой он как лучший ученик был направлен в Санкт-Петербургскую духовную академию на казенное содержание. Академию Александр Алексеевич окончил также блестяще с ученой степенью не кандидата, как большинство студентов, а магистра богословия и сразу же получил предложение стать профессором семинарии. Карьера для сына бедного дьячка удивительная! Но Александр Алексеевич совершает, как тогда казалось, безумный поступок, он отказывается от этого лестного предложения и избирает путь рядового армейского священника. Следует отметить, что престиж военного духовенства в то время был крайне низким. Жалованье, получаемое священнослужителями, не позволяло им даже сводить концы с концами, известно немало случаев, когда священники, чтобы прокормить семью, подрабатывали. (Например, один из батюшек с целью обеспечения голодающих детей даже подрядился вместе с чернорабочими и каторжниками таскать камни на строительстве военных укреплений). Прибавьте к этому трудности и лишения армейской службы. Ведь священники вместе со своими частями достаточно часто вынуждены были переезжать с места на место, что самым негативным образом сказывалось на их материальном и семейном положении, они рисковали своей жизнью во время военных действий, а взамен не получали практически ничего. Стоит ли удивляться, что армейскими священниками нередко становились лица, уволенные из епархиального ведомства за какие-то проступки.

В таких условиях променять почетную и доходную профессорскую должность на бесприютную и низкооплачиваемую военную службу было в высшей степени опрометчиво. Но Александр Алексеевич являлся человеком, как бы сейчас сказали, «не от мира сего». Отличаясь искренней верой, он думал только об одном: не как престижнее устроиться, а как лучше угодить Богу и помочь людям. И что характерно, все, от чего он отказался (и слава, и почет, и деньги), впоследствии вернулось ему стоицей.

Правда, случилось это не сразу. В начале своего пастырского пути Александр Алексеевич в полной мере испытал все превратности и лишения армейской службы. Полк, в который он был командирован, вскоре отправился на фронт. И отец Александр самоотверженно, не жалея ни сил, ни здоровья, посещал в разных местечках православных воинов, толково вещая им истины Православной Веры и укрепляя их в нелегкой

ратной службе. Слава о замечательном проповеднике дошла даже до Петербурга. Поэтому уже через два года он был назначен благочинным 7 кавалерийской дивизии, а спустя еще пять лет определен священником лейб-гвардии Кирасирского полка, что само по себе было случаем неординарным. Армейские священники переводились в гвардию лишь в исключительных случаях. В 1868 году о. Александр переехал в Петербург, где стал сначала священником Благовещенской церкви лейб-гвардии Конного полка, а через год – настоятелем храма святых Захарии и Елисаветы знаменитого лейб-гвардии Кавалергардского полка; здесь он прослужил более 12 лет. В этот период батюшка составил ряд замечательных брошюр религиозно-нравственного содержания, выдержавших множество изданий до революции и продолжающих переиздаваться в настоящее время.

Переехав в Петербург, А.А. Желобовский стал выполнять значительное число общественных поручений. Он являлся членом Комиссии по делам присоединения духовенства военно-сухопутного ведомства к эмеритальной кассе (то есть гарантированному пенсионному обеспечению), членом Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического комитета (его перу принадлежат интересные и ценные с научной точки зрения описания храмов г. Санкт-Петербурга), членом Общества вспомоществования недостаточным (то есть беднейшим) ученикам и т.д.

В 1880 году его назначают благочинным гвардейского духовенства, а в 1883 году он начинает исполнять обязанности главного священника гвардии и гренадер. Случай опять же необычный, так как руководителями гвардейского духовенства становились, как правило, царские духовники, а о. Александр духовником императора не был.

Характерно, что именно в этот период бедственное положение армейских священников оказалось в центре внимания высшего руководства страны, и оно принимается за проведение церковных реформ. В частности, в 1884 году начала работу Комиссия по пересмотру «Положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств», в которой принял деятельное участие о. Александр. Военное духовенство тогда было разделено на 3 больших независимых группы: армейское, гвардейское и духовенство Кавказской армии, что создавало немало проблем. В то же время церковное управление было сильно затруднено из-за обширности Российской империи, территория которой значительно превышала современную, а средства коммуникации многократно уступали нынешним. Поэтому многие эксперты считали, что централизованное управление военными священниками невозможно, его следует упразднить, а функции передать на уровень епархий. Была и другая точка зре-

ния, сторонником которой являлся сам главнокомандующий великий князь Владимир Александрович: все три группы военных священников следует объединить под одним началом. Правда, как это сделать, сохранив управляемость армейским духовенством, практически никто не представлял. Ответить на данный вопрос и предстояло о. Александру Желобовскому. С 1887 года он объединил под своим началом две самых обширных группы духовенства (армейское и гвардейское), а в 1888 году был официально утвержден в должности главного священника гвардии, гренадер, армии и флота как «достойнейший из представителей военного духовенства».

Успешность его деятельности окончательно разбила доводы скептиков, и в 1890 году было, наконец, принято «Положение», согласно которому все армейское духовенство, включая Кавказскую армию, объединялось под началом одного священнослужителя, должность которого получала название «протопресвитер военного и морского духовенства». Стоит ли удивляться, что первым в истории армейским протопресвитером стал Александр Алексеевич Желобовский.

Вступив в эту, не имевшую аналогов в мировой истории, должность, о. Александр в полной мере проявил свой незаурядный организаторский талант. Применяя ряд нестандартных решений, он добился превращения армейского духовенства в одну из самых процветающих групп населения. При нем наблюдалось невиданное доселе церковное строительство, а престиж военных священников вырос настолько, что в 1899 году пришлось объявить: «отныне в ведомство протопресвитера будут брать преимущественно лиц с академическим образованием или окончивших семинарию по первому (высшему) разряду». В рядах армейских священников сочли за честь служить даже профессора духовных академий (к примеру, о. Евгений Аквилонov).

За свою деятельность Александр Желобовский был удостоен множества государственных наград. В частности, он, по-видимому, единственный из белых священнослужителей стал полным кавалером орденов святой Анны и святого Владимира. Примечательно, что на указе о награждении протопресвитера одной из самых высоких российских наград – орденом св. Владимира I степени, Николай II, помимо положенных слов «неизменно к Вам благосклонный», дописал от руки «и благодарный». Подобные отступления от придворного этикета для последнего русского императора были крайне нехарактерны, но и заслуги А.А. Желобовского сложно было переоценить.

Занимая высокое общественное положение, отец Александр никогда не забывал о своей малой родине. В Желобях (Петропочинке) он устроил

новый храм, богадельню, церковную ограду и колокольню, много жертвовал на содержание других окрестных церквей. Любовь к родным местам у о. Александра была настолько велика, что он завещал и похоронить себя не на лучшем кладбище столичного Петербурга (на это он вполне мог претендовать по своим заслугам и высокому общественному статусу), а в Желобях (на обычном сельском кладбище глухого удаленного прихода)¹.

То есть, местом упокоения выдающегося церковного деятеля России является Череповецкий край, что, с одной стороны, повышает его статус, а с другой – накладывает на череповчан дополнительную ответственность.

С сожалением следует отметить, что мы оказались не на высоте своего положения. И в этом отношении посмертные судьбы А.А. Желобовского и И.А. Милютина являются очень похожими.

Как известно, Иван Андреевич также сделал немало для Русской Церкви. При его деятельном участии в Череповце было устроено 4 храма: 1) Благовещенский на Благовещенской (ныне Красноармейской) площади, 2) иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» при городской тюрьме, 3) святого благоверного князя Александра Невского при реальном училище, 4) апостола и евангелиста Иоанна Богослова при Мариинской гимназии. Ни один из перечисленных храмов ныне не существует. Благовещенская церковь была разрушена еще в 1939 году (первой в городе). Здание, где располагалась Скорбященская церковь, снесли уже на наших глазах (в начале XXI века), последним в городе. Помещения, где располагались храмы Иоанна Богослова и Александра Невского переоборудованы до неузнаваемости и речь о возрождении в них церквей даже не идет. И, наконец, поруганию и осквернению оказалась предана могила И.А. Милютина, так что точное ее местоположение ныне установить не представляется возможным.

Почти также распорядились потомки и с духовным наследием, оставленным нам А.А. Желобовским. Как уже отмечалось нами, протопресвитер принял активное участие в постройке нескольких сотен храмов в России и за ее пределами, из которых утрачены были далеко не все. Как памятник архитектуры сохраняется величественный Морской собор в Кронштадте, продолжают совершаться богослужения в храме-памятнике Рождества Христова на Шипке в Болгарии, Покровской церкви на Ходынском поле в Москве, Гутуевской церкви в г. Санкт-Петербурге и многих других. Значительная часть устроенных при участии протопресвитера зданий приютов, богаделен, училищ также продолжает служить

людям. Например, в помещении бывшей Гатчинской богадельни имени А.А. Желобовского сейчас располагается местная администрация. Здание бывшего Белозерского духовного училища на территории кремля сохраняется как памятник архитектуры и в нем находится индустриально-педагогический колледж, которому в 2014 году было присвоено имя А.А. Желобовского². Но постройки протопресвитера, располагавшиеся на территории Череповецкого края (на его малой родине – в Петропочинке) оказались утрачены. Был до основания разрушен храм, к возведению которого Александр Алексеевич в свое время привлек лучших петербургских архитекторов; в этом храме имелась особая система отопления и вентиляции, которой тогда не обладало большинство столичных храмов, не говоря уж о сельских. В годы гонений была снесена колокольня, разобрана церковная ограда, уничтожено здание приюта и церковно-приходской школы. И, наконец, была осквернена и поругана могила протопресвитера, так что точное ее местоположение оказалось забыто.

Сейчас отношение к прошлому изменилось, мы понемногу начали исправлять ошибки своих предков и воздавать дань уважения людям, которые действительно этого достойны. Ныне, благодаря неравнодушной позиции Э.П. Риммер и других местных краеведов, восстановлена память о И.А. Милютине. В Череповце имеются улица Милютина, площадь его имени, бюст и памятник ему, музей «Дом И.А. Милютина», ежегодно проводятся Милютинские чтения.

Думается, настало время восстановить память и о другом нашем выдающемся земляке – протопресвитере Александре Желобовском. Давно назрела необходимость облагородить территорию церковного погоста, где покоится тело священнослужителя. Ведь его имя привлекает в Петропочинок жителей других городов и можно представить, какое впечатление о череповчанах они выносят, глядя на неблагоустроенность этого дорогого для них места³. Несомненно, о. Александр вполне заслужил, чтобы одна из улиц Череповца носила его имя, чтобы в городском музее действовала постоянная экспозиция, ему посвященная. Нельзя забывать также, что в настоящее время активно возрождается институт военного духовенства, а значит, становится востребован уникальный опыт Александра Алексеевича. Думаю, Череповец вполне может претендовать на право проведения первой научной конференции, посвященной его имени и осмыслению проблем военного духовенства России⁴. Не сомневаюсь, что затраты на перечисленные мероприятия окупятся сторицей, так как будут способствовать повышению имиджа Череповца.

Примечания

¹ О жизни и деятельности протопресвитера А.А. Желобовского более подробно см.: Мальцев М.Г. Протопресвитер военного и морского духовенства Александр Желобовский. СПб., 2011.

² Еще в ноябре 2012 г. на здании Белозерского индустриально-педагогического колледжа была установлена мемориальная доска в память о А.А. Желобовском, а 30 октября 2013 г. в колледже в присутствии архиепископа Вологодского и Великоустюжского Максимилиана состоялось открытие памятника-бюста А.А. Желобовскому (автор – заслуженный художник России скульптор М. Лушников). Инициатором установки памятной мемориальной доски и памятника стал священник Леонид Марков, клирик храма Державной иконы Божьей Матери в Санкт-Петербурге. Также 11 июля 2013 года в Белозерске состоялось открытие улицы протопресвитера А.А. Желобовского.

³ В настоящее время могила протопресвитера Александра Желобовского приведена в надлежащий вид, владыкой Флавианом, епископом Череповецким и Белозерским поставлен вопрос о возведении небольшого храма над могилой протопресвитера.

⁴ Чтения памяти протопресвитера А.А. Желобовского «За Веру и Отечество!» сейчас стали уже традиционными в Череповце. I чтения (региональные) прошли 6 апреля 2013 г. (по их материалам вышел научно-краеведческий сборник «Памяти протопресвитера Александра Желобовского» (Череповец: ЧГУ, 2013)). II Всероссийские научно-просветительские чтения памяти протопресвитера Александра Желобовского «За Веру и Отечество!» состоялись 12 и 13 мая в Белозерске и Череповце. III Всероссийские научно-просветительские чтения памяти протопресвитера Александра Желобовского «За веру и Отечество!» предполагается провести в Череповце 12–13 мая 2016 года. Кроме того, 9 сентября 2013 года в Санкт-Петербурге на кафедре церковно-исторических дисциплин Санкт-Петербургской православной духовной академии состоялась научно-историческая конференция «История военного и морского духовенства в Российской империи в конце XIX – начале XX в.», посвященная дню рождения протопресвитера военного и морского духовенства Александра Желобовского. По материалам указанной конференции в 2015 г. был издан сборник материалов.

Е.М. Баранова, О.А. Баранова

г. Ярославль – г. Нея Костромской области, Россия

История семьи Кондорских

В начале XX столетия в Великобритании было выпущено очередное издание толкового словаря, в котором в определении значения слова

«интеллигент» указывалось, что это «человек, профессионально занимающихся умственным трудом, развитием и распространением культуры». И отдельно расшифровывалось значение понятия «русский интеллигент» – тот, кого можно считать нравственным эталоном общества. Стало быть, столетие назад традиционно недолюбливавшие русских англичане тем не менее признавали приоритет русской интеллигенции в вопросах нравственности. На Западе до сих пор принято считать, что интеллигенция – это сугубо и даже типично русский феномен. Во всяком случае, люди, когда говорят по-английски, продолжают использовать это словосочетание «RussianIntelligentsia». Читая об этом, испытываешь невольную гордость за своих вековой давности соотечественников. Но была уверенность в том, что такие люди жили далеко от наших мест, в столицах. Разве могли эти носители высшей умственной и этической культуры жить в затерявшихся в лесах городах и сёлах Костромской губернии? Шанс проверить это нам вскоре представился...

В 2008 году средней школе №2 города Неи Костромской области исполнилось 100 лет. На протяжении нескольких лет до этого знаменательного события мы собирали материалы по её истории. Об образовании столетие назад школы удалось выяснить немного. В 1908 г. был утверждён общероссийский закон об отпуске земствам пособий на введение всеобщего начального обучения. Тогда же был составлен и «Проект нормальной школьной сети для Костромской губернии», по которому на территории нашего края стали открываться новые школы. Поскольку с начала существования Нея делилась на заводской и станционный посёлки, а больше строился и разрастался заводской – здесь жили рабочие завода приехавшего в Россию «за длинным рублём» англичанина Оскара Стивени (будущего лесозавода №8), то и первая в нашем городе школа появилась именно на его территории.

Она была открыта в 1908–1909 учебном году и состояла из трёх классов с общим количеством детей 38 человек. Это были дети рабочих, которые очень хотели учиться. И хотя владелец завода выделил для школы бывшую конюшню, здание низкое, мрачное, с маленькими оконцами (в народе так и называемое «конюшня»), дети с радостью ходили в школу, потому что им очень повезло с учительницей.

Первой учительницей школы была Анна Павловна Кондорская, дочь священника Никольской церкви в селе Коткишево. Человек образованный, творческий и увлечённый своей работой, она хорошо играла на различных музыкальных инструментах, пела, очень любила литературу и ставила с учащимися спектакли по пьесам А.Н. Островского.

Известный нейский краевед Андрей Андреевич Суворов, опубликовавший в районной газете «Нейские вести» свои заметки об истории лесозавода №8 писал об этой удивительной женщине следующее: «Об этой личности я так много слышал от её бывших учеников многие годы спустя и в таких восторженных выражениях, что, рассказывая о заводе, умолчать о ней я просто не имею права. Учительница начальных классов Кондорская от Бога получила многие таланты: она играла на пианино, на гитаре, на мандолине, прилично пела. Руководила хором и имела представление о режиссуре, к тому же обладала хорошими организаторскими способностями. Вот возле неё и собиралась молодёжь обоего пола, чтобы помузицировать, попить чайку с кренделями от Чернышова и, получив заряд творческой и физической бодрости на неделю, разойтись... Кроме музыкантов и хоровиков нашлись любители сценического искусства. Вот они-то и решили своими силами поставить спектакль по пьесе А.Н.Островского «Бедность не порок». Режиссура была Кондорской. Роли по исполнению разошлись удивительно удачно. Репетировали увлечённо всю зиму и весну. В Вербное Воскресение сделали заключительный прогон, и спектакль решили поставить в первое воскресенье после Пасхи. Между классами убрали некапитальную стену – получился вполне приличный зрительный зал человек на сто – сто двадцать, поставили на сцену декорации, написанные художником-самоучкой Готовцевым, и в сопровождении струнного оркестра и хора в назначенное время спектакль состоялся»¹.

Действительно, личность Анны Павловны, даже сейчас, по прошествии столетия, вызывает неподдельное уважение и искренний интерес. Мы не могли не заинтересоваться историей жизни и дальнейшей судьбой этой удивительной женщины и решили более подробно узнать о семье православных священников Кондорских, воспитавших такую замечательную дочь.

Увы, на самом начальном этапе поиска нас ждали горькие разочарования: мы узнали, что архив отдела образования администрации Нейского района сгорел в 1991 году, а документы в коткишевском сельском совете сгорели ещё в конце 60-х годов прошлого века...

В то же время игумен Варфоломей (Коломацкий), благочинный 12-го Нейского округа Костромской епархии, предоставил в наше распоряжение фотоархив семьи Кондорских. Кроме того, отец Варфоломей, еще будучи настоятелем коткишевской Никольской церкви, одним из первых в Костромской епархии создал православный сайт², на котором разместил достоверную, основанную на имеющихся у него документах информацию.

На этом сайте в списке настоятелей храма мы нашли упоминания о деде и отце первой учительницы нашей школы. Выяснилось, что «протоиерей Иоанн Кондорский (1824–1914) служил с 1857 по 1905 г.», а «протоиерей Павел Кондорский (1862–1930) служил с 1905 по 1930 г.»³.

В архиве Нейского филиала Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника нами был найден документ, повествующий о праздновании 50-летнего юбилея приходского служения Иоанна Кондорского 21 мая 1898 года.

«В Николаевской церкви села Коткишева с разрешения епархиально-го начальства состоялся 50-летний юбилей настоятеля церкви протоиерея Иоанна Кондорского, – читаем в этом интересном документе. – Масштабный юбиляр, благочинный 2 Кологривского округа, сын дьякона, 74 лет – Иоанн Парфентьевич Кондорский. 21 мая 1848 года, по окончании курса Костромской духовной семинарии с аттестатом первого разряда, рукоположен в священники в село Полому Кологривского уезда, а с 30 сентября 1857 года переведен в село Коткишево, где служит поныне.

25 февраля 1958 определен Преосвященным Платоном благочинным 2 Кологривского округа, с 20 апреля 1885 года предписано ему заведовать церквами 4 Кологривского округа. Возведен в сан протоиерея в 1875 году. Благочинный Иоанн Парфентьевич имеет все возможные награды для священнослужителя на селе:

- знак Красного креста от 13 мая 1871 года;
- от набедренника до наперсного креста;
- орден святой Анны 3 степени от 3 февраля 1871 года;
- орден святой Анны 2 степени от 18 июня 1886 года;
- орден святого Владимира 4 степени от 18 июня 1893 года.

Юбилейные торжества начались 20 мая в 6 часов в местном храме всенощным бдением, в приделе в честь Казанской иконы Божией Матери.

21 мая с 4 с половиной часов началась праздничная утренняя в честь Владимирской иконы Божией Матери (в день рукоположения юбиляра 21 мая 1848 года).

По окончании утрени протоиерей Иоанн Кондорский, наблюдатель церковных школ священник Павел Краснухин и прочее духовенство из храма крестным ходом отправились на закладку устраиваемого вблизи церковной ограды, на каменном фундаменте, нового помещения для местной церковно-приходской школы. Коткишевская церковно-приходская школа до сего времени помещалась в церковном доме.

В 9 часов начался благовест к литургии. Двое старших по службе округа – Петр Колибрин – духовник 1 Кологривского округа и Гавриил Копосов – духовник 2 Кологривского округа отправились в дом юбиляра и пригласили его на службу божественной литургии, а прочие священники в епитрахиях ожидали его у входа внутри храма; один из дьяконов в облачении держал наготове епитрахиль для юбиляра. От дому до церкви по дороге и в ограде стояли шпалерами дети-школьники и другие: мальчики с правой стороны, девочки с левой. Они бросали по пути юбиляра цветы и зелень. Порядок был полный; сама природа благоприятствовала торжеству: было прекрасное майское утро. С момента выхода юбиляра начался на колокольне красный звон – во вся.

До парадных дверей сопровождали юбиляра священники, за юбиляром сперва сын его – священник и прочие члены семьи, родственники, церковные старосты округа, местные волостные старшины и волостные судьи (при знаках) и другие почитатели. Вступление в ограду и сам храм сопровождалось торжественным пением тропарей: «Заступница усердная», «Днесь светло красуется» и после «День святого торжества». После этого поднес наперсный крест юбиляру священник Павел Краснухин, сказав при этом экспромтом свою речь. Затем последовали прихожан поднесения: Образа Иоанна Предтечи и Крестителя Иоанна, ангела юбиляра. После этого священник Петр Колибрин прочитал от духовенства и старосты приветственный адрес. При этом духовник округа священник Копосов поднес на блюде золотой с такой же цепью наперсный крест в память 40-летия службы в должности благочинного. Слово о высоком значении святого сана и великих трудов пастырей вообще произнес священник села Турлиева Иоанн Тихомиров. Поздравительную речь говорил также священник села Зосимо-Савватиева Сергей Лебедев.

Юбилейные торжества закончились обильной трапезой. Во время трапезы по желанию юбиляра, всеми присутствующими была пропета песнь «Под твою милость прибегаем, Богородица»⁴.

Процитированный документ красноречиво свидетельствует об искренней любви и уважении прихожан к своему доброму пастырю.

На бескрайних просторах Интернета, на сайте Российской Государственной библиотеки (бывшей «Ленинской») нам удалось обнаружить еще один документ – отсканированную копию «Сборника постановлений Кологривского уездного земского собрания за 25 лет (1865–1895 годы)», где упоминалась и фамилия Иоанна Кондорского (правда, написанная через «а»), которого вскоре после земской реформы избрали уездным

гласным, что, безусловно, свидетельствует об огромном авторитете, которым пользовался тогда ещё совсем молодой священник у своих односельчан.

Кстати, в документе, повествующем о праздновании 50-летнего юбилея отца Иоанна Кондорского, упоминается и его младший сын Павел, тоже священник. В «Ведомости о церкви Николаевской села Коткишево Кологривского уезда» от 1909 года, хранящейся в Нейском краеведческом музее, о нем было написано следующее:

«Священник протоиерей Павел Иоаннович Кондорский, сын священника сей церкви.

– Окончил курс Костромской духовной семинарии в 1886 г.

– Рукоположен в священники в 1887 г.

– Согласно прошению переведен в село Коткишево в 1905 г.

В семействе у него: жена Александра Михайлова. Окончила курс Ярославского женского училища.

Дети их:

– Вера – 21 года в замужестве за священником села Груздева Костромского уезда,

– Анна – 19 лет. Окончила курс Царско-Сельского епархиального училища. Состоит учительницей на Нельшевском л/з за 300 р. в год,

– Сергей – 18 лет. 3 класс КДС <Костромской духовной семинарии>.

– Елена – 16 лет. 6 класс Ц.С. <Царско-Сельского> женского училища детей духовного звания»⁵.

А.П. Кондорская (слева) с матерью, отцом, братом и сестрой

Из этого документа следует, что Анне Павловне, замечательной девушке, добившейся, чтобы жадноватый англичанин открыл при своём

заводе школу для своих рабочих, на момент её открытия было всего 18 лет, что она росла в православной семье, была дочерью и внучкой священников храма святителя Николая в селе Коткишево. Мысленно поставив себя на её место, представляешь, как ей, интеллигентной девочке из православной семьи, недавней выпускнице епархиального училища, было сложно пробивать бюрократические стены, всегда существовавшие в России, как трудно было просить у английского барыги отдать часть его прибыли на школу, и желание больше узнать о ней становится еще сильнее.

Данных, хранящихся в нейских архивах, нам показалось недостаточным, тем более, что о самой Анне Павловне в них сказано очень мало. Найти тех, кто помнит Кондорских, казалось маловероятным, но мы все же решили попытаться счастья и отправились в старинное село Коткишево, где когда-то жили и служили священники Кондорские. И там, посоветовавшись со знатоком здешних мест А.Ю. Разумовским, посетили несколько домов, в которых добрые сельские бабушки с уникальной памятью неторопливо и обстоятельно рассказывали нам зачастую не только о Кондорских, но и о своей нелёгкой крестьянской жизни.

Люди продолжают жить, пока о них помнят. Последние из Кондорских, Сергей и Елена, умерли более полувека назад. Но об этой семье в селе, где служили священники Кондорские, до сих пор вспоминают только доброе.

С воспоминаниями каждого нового рассказчика всё больше открывались образы Кондорских – людей добрых и искренних, честных и безропотных.

Вот, например, что рассказала нам жительница села Коткишево Апполинария Никифоровна Хватова (1918 года рождения): «Я помню семью Кондорских. Это была дружная большая семья, которая жила в красивом, открытом для всех доме, стоявшем совсем рядом с нашим храмом. Я с мамой часто ходила в церковь и причащалась у отца Павла, который был добр и ласков с нами, детьми. Помню его детей. Сергей и Елена после смерти родителей жили в нашем селе. А Анна Павловна, работавшая в Нее учительницей, в начале двадцатых годов вышла замуж и уехала. Потом она изредка приезжала в гости к брату и сестре со своим сыном. Говорили, что муж её был репрессирован и сгинул в лагерях. Сергей Павлович и Елена Павловна были очень вежливые, работящие и добрые люди. Мы любили и жалели эту семью...»

А вот воспоминания жительницы села Коткишево Августы Алексеевны Чистяковой (1914 года рождения): «Я родом из деревни Кондратово. По воскресеньям мы семьёй всегда ходили в коткишевскую церковь, в

которой служил батюшка Павел. После его смерти семью раскулачили, лишили прав. Когда многие перестали ходить в церковь, Кондорские сохранили веру. Жена Павла Ивановича тогда совсем ослепла, в храм её водили под руки. Дочь Елена Павловна имела очень красивый голос и продолжала петь на клиросе. Сергей Павлович был очень красивый и представительный мужчина. Всегда вежливый и аккуратный. Он, говорили, перед самой мировой войной учился в духовной семинарии, потом на ветеринара. Мы с ними мало общались, стеснялись их, потому что это были очень умные и уважаемые в селе люди. А дочь Анна, как рассказывала мама, вышла замуж за бывшего офицера и уехала с ним. Иногда она приезжала с сыном, красивая и вежливая, со всеми здоровалась, но казалась не очень счастливой...»

В хранищемся в нейском краеведческом музее «Списке священнослужителей, лишённых избирательных прав по сельским советам Нейского района» по Коткишевскому сельскому совету, кроме Кондорских, указаны и имена Николая Владимировича и Апполинарии Васильевны Головиных, псаломщика Никольской церкви и его жены. Нам удалось побеседовать с сыном и дочерью Н.В. и А.В. Головиных. В их покрестьянски обстоятельных и незамысловатых рассказах открылись человеческие трагедии, людские судьбы, сломанные и исковерканные ...

«Мой отец Николай Владимирович Головин воевал в русско-японскую войну, оборонял Порт-Артур, а когда вернулся с войны, влюбился в нашу маму и женился на ней, – вспоминает жительница города Ней Аделаида Николаевна Головина (1926 года рождения). – С этого-то многие его беды и начались. Мама была дочерью священника. Анна Павловна Кондорская была ей двоюродной сестрой, так как их матери были родными сёстрами, дочерьми священника села Мерзлослободское. А после революции им всем – и жёнам, и дочерям православных батюшек – пришлось «хлебнуть» горя... Моя мама и Анна Кондорская очень дружили, поэтому, когда я родилась, то мамина подруга стала моей крёстной. На селе люди всегда жили трудно, а когда стали создавать колхозы, то совсем стало тяжело. Нас стали «раскулачивать»... А что нас кулачить? Мама нам потом рассказывала, что и собственности у нашей семьи не было никакой. И богатства только пятеро детей. А тут ещё отца арестовали в 1927 году. Из лагерей он вернулся в 1929 году, так как там сильно заболел, прожил дома чуть больше года и умер, когда мне было только 5 лет. Мы переехали все в Солтаново, в семью священника Троицкого храма отца Фёдора (его потом в 1936 году расстреляют как «врага народа»). К нам приезжал из Коткишева отец Сергей Дьяконов (он до 1937 года там в церкви служил). Привезёт сложенные столбиком медные

денежки, прихожанами пожертвованные, отдаст их маме и скажет: «Корми, Поля, деток». Хороший, добрый был человек. Его тоже вскоре расстреляли. Без этих батюшек и мы бы с голоду умерли... А Анна Павловна Кондорская ещё до всего этого замуж вышла и уехала. Мужа её звали Константин Исаков. Он был офицером, воевал ещё на «германской» войне. Сын у них был Коленька...»

На сайте храма святителя Николая в списке настоятелей Николаевской церкви села Коткишево рядом с именами отца и сына Кондорских есть и имя иерея Сергея Дьяконова, который служил там до 1937 года⁶.

Троицкий храм в селе Солтаново вскоре был закрыт. Православные священники – отец Фёдор и отец Сергей, служившие Богу и помогавшие людям, достойно нёсшие свой крест и безропотно встретившие смерть, остались в памяти спасённых ими детей.

«Мне не было и года, когда умер мой отец Головин Николай Владимирович, – рассказывает житель города Неи Николай Николаевич Головин (1930 года рождения). – Маму вскоре лишили прав, на работу её не брали. Почему лишили? Она была дочерью священника села Мерзлослободского и женой псаломщика (у папы был красивый голос, вот он и пел в коткишевской церкви псалмы), а со всем, что связано с религией, тогда расправлялись безжалостно... Нас, пятерых детей, практически обрекли на голодную смерть. Вскоре после рождения я был крещён. Моей крёстной матерью стала Елена Павловна Кондорская. Она со своим братом Сергеем и батюшки Сергей и Феодор и помогли нам выжить. Обоих батюшек вскоре расстреляли. А вот брата и сестру Кондорских чаша сия, к счастью, миновала. Дело в том, что во время Гражданской войны Сергей Кондорский (по образованию ветеринар) служил в Первой Конной армии С.М. Будённого, был там на хорошем счету. Вот этот факт в те годы, когда жестоко уничтожали православие и православных, и сохранил им с сестрой жизнь. Но жестокое время не обошло и их. У Сергея была невеста, но её семью репрессировали, и девушка сгинула в сталинских лагерях. А он так и не женился. Елена выходила замуж за бедняка из деревни Лесниково по фамилии Зеленичкин, но в период коллективизации он, испугавшись непролетарского происхождения жены и возможных неприятных для себя последствий, поспешил развестись и жениться на девушке попроще. Их сестра Анна Павловна, первая учительница заводской школы, вышла замуж, но её семейное счастье тоже было недолгим. Её муж в Первую мировую войну был офицером, а с бывшими «золотопогонниками» в 20–30-е годы не церемонились, и он был расстрелян. Знаю, что у них родился сын, которого звали Николай Константинович Исаков (он мне приходится троюродным братом). Думаю, что эта единственная живая веточка на семейном дереве многочисленного когда-

то семейства Кондорских и осталась... Когда я вырос и часто посещал гостеприимный дом своей крёстной, то мы подолгу беседовали с Сергеем Павловичем, вот он мне всё это и рассказал. Кондорские были душевными, хлебосольными, добрыми и мудрыми русскими людьми. Они честно трудились, могли поделиться последним, помогали нуждающимся, жили по Божьим заповедям. За что с ними жизнь и люди так? Они ведь не только никому ничего плохого не делали, но даже слова дурного о других я от них не слышал»...

А вот рассказ жительницы города Неи Иды Викторовны Трескиной (1937 года рождения). «Сергея Павловича я узнала ещё в своём детстве, проживая в посёлке Еленский Нейского района Костромской области, вспоминает она. – Примерно в 1949–1950-м годах мне, как и моей сестре, было лет по 12 (мы близнецы). Помню: к нам в квартиру вошёл высокий, очень статный немолодой мужчина. Сняв со своих плеч котомку льняную, вытащил оттуда стеклянную большую бутылку с молоком (литра три). Мама, заплатив ему деньги, о чём-то стала беседовать. Молока он доставил из села Коткишева (село, находившееся в 5 километрах от нас). После его ухода от нас мама пояснила, что это очень уважаемый в народе человек, сын священника, что у него есть очень умная, красивая сестра Елена Павловна, и они с ней проживают в одном доме. Сергей Павлович ходил к нам, доставляя молоко регулярно. Причём каждый раз пешком на такое расстояние! Разговаривая с мамой, Сергей Павлович был очень спокоен, тактичен и мудр, давал маме какие-то добрые советы по воспитанию нас, детей-сирот.

Позднее, в 1957 году, как сотрудник Нейского райфинотдела, я пришла в Коткишево. Когда подошло время обеденного перерыва (а столовой в селе не было) меня спросили, где я буду кушать. Я ответила: «У Сергея Павловича». Услышав мой ответ, все работники сельсовета переглянулись между собой, глаза их выражали явное недоумение и даже испуг. Секретарь сельского совета вкрадчивым голосом, почти полупшепотом, заметила мне: «Он же сын священника». На что я ответила: «Ну, и что? Мы хорошо знакомы. Я хочу его навестить». Я без всякого предупреждения (чего бы требовал этикет), оказалась в гостеприимном доме Кондорских. Как они были рады!!! Сразу же пригласили меня за стол, вскипятили чай, а Елена Павловна (уже очень пожилая, но удивительная русская красавица, небольшого роста) слезла в подвал и достала различные варенья своего производства. Были выставлены грибочки, солёные огурчики, но никаких развеселительных угощений!!! Добродушно, приветливо с истинно открытой душой! Они мне предложили чего-то взять с собой из угощений со стола (тяжёлые годы были тогда), но я, поблагодарив их, вежливо отказалась. Беседа моя с ними, разумеется, была

не продолжительной, хотя очень хотелось бы побольше от них узнать об их предыдущей жизни. Но мне на всю жизнь запомнилось от визита: Сергей Павлович – уже сам был далеко не молод (усатый, седой), но очень миловидный, с какой нежностью, с какой тактичностью он обращался со своей родной сестрой. Заметно было, как он её жалел, уважал. Такого человеческого, братского, божественного отношения даже тогда в пятидесятых годах, я ни у кого в обществе города Нея, районе, а позднее, бывая в других городах страны, никогда не замечала. В своих суждениях, манере поведения, разговоре (интеллигентный, спокойный, мягкий разговор), Сергей Павлович мне всегда напоминал Дмитрия Сергеевича Лихачева. Они с ним даже внешне были очень похожи. Таких людей, к сожалению, теперь не встретишь... Увы, другие времена»

Воспоминания этих пожилых и немало видевших в своей жизни людей всё больше помогали нам понять, с судьбой какой замечательной семьи нам посчастливилось познакомиться.

Жила сто лет назад в старинном селе Коткишево дружная семья Кондорских... Прошло много лет и только красивые русские лица с тревожным выражением глаз (будто они предчувствовали свою судьбу!) глядящие на нас со старых фотографий, сохранило нам время. А ещё добрые слова тех, кто их помнит. Ни одного плохого слова, даже сурового оттенка в голосе тех, кто говорил о них, я не услышала. Все три поколения этой удивительной семьи были добрыми, искренними, талантливыми и честными людьми, строгими к себе и снисходительными к другим.

Столетие назад, когда англичане составили свой толковый словарь, цитатами из которого начинается наша статья, на маленькой станции Нея в холодном классе проводила уроки для детей рабочих 18-летняя девушка Анна Кондорская, вели церковные службы, крестили и венчали людей православные батюшки Иоанн и Павел, собирался сменить студенческую тужурку на мундир вольноопределяющегося Первой мировой войны Сергей Кондорский. Эти люди своей жизнью на нашей земле, своими трудами и страданиями показали, что настоящие русские интеллигенты как нравственный эталон общества – это не досужая выдумка англичан, а реальность провинциальной России тех лет.

Архивные документы и воспоминания свидетельствуют о том, что все три поколения Кондорских – настоящие русские интеллигенты, своими поступками и своей непростой судьбой полностью соответствующие ее высоким и, казалось бы, недостижимым критериям. Настоящие подвижники жили там, где сейчас живём мы. Через все испытания жестокого и беспощадного XX века они прошли, сохранив трогательную заботу друг о друге, чуткость к другим, верность своей Вере и своей Любви, уникальное добросердечие.

А ещё в ходе проведенного нами исследования стало очевидно, что История – это не только и не столько знание эпохальных событий и анализ их причин, но, прежде всего, – это история людей. Корни человека – в истории и традициях своей семьи, своего народа, в прошлом родного края и страны.

В ходе исторического развития из поколения в поколение должны передаваться вечные, непреходящие ценности: трудолюбие, честность, справедливость, совесть, милосердие, уважение к старшим поколениям, чувство долга и национального достоинства.

Примечания

¹ Нейские вести. 27 сентября 2003 года.

² <http://www.kotkishevo.ru>.

³ <http://www.kotkishevo.ru>.

⁴ «Пятидесятилетний юбилей священника протоиерея Иоанна Кондорского 21 мая 1898 года». Нейский филиал ГУК КГИА и ХМЗ, фонд 2.

⁵ «Ведомость о церкви Николаевской села Коткишево Кологривского уезда». Нейский филиал ГУК КГИА и ХМЗ, фонд 2.

⁶ <http://www.kotkishevo.ru>.

Е.С. Добровольский
г.Череповец, Россия

А.А. Эйдемюллер – директор средней школы №1 г. Череповца в годы Великой Отечественной войны¹

Годы сталинских репрессий и Великой Отечественной войны были тяжелым временем для всего русского народа, а также для обрусевших немцев, живших на территории СССР уже долгие годы. Политика совет-

¹ При подготовке статьи нами были использованы материалы архива МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №1 им. М. Горького» г. Череповца (автобиография А.А. Эйдемюллер, данные ее трудовых книжек и аттестатов), воспоминания об А.А. Эйдемюллер, помещенные в сборниках очерков по истории средней школы №1 имени Максима Горького, посвященных её 130- и 140-летию соответственно (выпущены в 1996 и 2006 годах). По вопросу о пребывании административно высланных немцев в городе Череповце полезными оказались «Воспоминания череповецкого старожила» Нины Ивановны Новиковой, опубликованные во втором выпуске краеведческого альманаха «Череповец».

ского руководства в отношении них была жесткой и решительной. Не должна была стать исключением и судьба Анны Александровны Эйдемюллер – дочери немецкого колониста, но жизнь распорядилась иначе.

По мнению историка Ф.Л. Синицина, «концепция немецкой диаспоры в СССР как «шпионской» была сформулирована в Советском Союзе уже в начале 1930-х годов. Советские спецслужбы утвердились во мнении, что «многомиллионное население немецкого происхождения» настроено «националистически и профашистски», является врагом «коммунизма и советского строя». Они предупреждали руководство своей страны, что «особую опасность в случае войны» представляет фактор компактного проживания немцев в пограничных зонах и крупных промышленных областях».

После прихода Гитлера к власти в Германии в 1933 году руководство СССР стало все более склоняться к мысли, что советские немцы – это «пятая колонна», которая обязательно «проявит себя при начале военных действий». С 1934 года в рамках начатой в том же году кампании «по борьбе с фашизмом» развернулось мощное наступление на национальную культуру советских немцев – запрещались и преследовались многие их традиции и обычаи¹. В таких тяжелых условиях с высоко поднятой головой продолжала свой жизненный путь Анна Александровна Эйдемюллер.

Она родилась 12 августа 1896 году в Стрельне (Красносельского района Ленинградской области) в немецкой колонии в семье немца-колониста. Ее предки переехали из Германии в Россию еще в 1810 году. Как и ее отец, Анна Александровна была евангелистско-лютеранского вероисповедания. Семья Эйдемюллер была большая, своих детей было восемь, и постоянно имелись воспитанники – осиротевшие дети из Стрельнинской немецкой колонии. Отец Анны Александровны всю жизнь был крестьянином, и вся семья активно помогала ему по хозяйству. Учиться Анна Александровна начала в 7 лет в церковно-приходской школе, которая была в колонии. Преподавание велось на русском языке, а немецкий был отдельной дисциплиной. Единственный предмет, преподавание которого велось на немецком языке, был Закон Божий.

10 июня 1908 года А.А. Эйдемюллер получила свидетельство Петергофского уездного училищного совета о том, что она успешно окончила курс учения в Стрельнинском евангелистско-лютеранском немецком церковном училище. На этот момент Анне Александровне было 12 лет. Продолжать обучение в Стрельне было негде, а для поступления в Санкт-Петербург того уровня образования, которое давало церковное

училище, было недостаточно. Эта проблема коснулась и Анны Александровны, и ее сестер. Все продолжали ходить в 4-й класс до 15 лет, а затем шли устраиваться на работу или оставались дома. Так же делала и Анна Александровна. Но когда ей было 13 лет, в школу была назначена новая молодая учительница. Она и стала заниматься дополнительно, чтобы А.А. Эйдемюллер смогла поступить в учительскую школу, куда она давно хотела.

В 1910 году Анна Александровна выдержала конкурсный экзамен в Петербургскую земскую учительскую семинарию, училась в ней на стипендию и окончила ее в 1915 году. После этого в возрасте 19 лет Анна Александровна была удостоена звания учительницы начального народного училища. Но рабочего места по специальности она не получила, так как мешала немецкая фамилия. Тогда шла Первая мировая война. Поэтому Анне Александровне пришлось искать работу, не связанную с педагогической деятельностью. Она служила копировальщицей на частном предприятии Петрограда. Последним местом ее работы в этом городе было Первое Российское страховое общество, где она исполняла функции артельщицы. В начале 1919 года общество ликвидируется, и Анна Александровна была уволена.

После этого все ее попытки найти работу учителя были тщетны. Живы были еще воспоминания о войне. В молодом Советском государстве начала складываться политика неприязни в отношении обрусевших немцев. Остаться в Петрограде Анне Александровне не было смысла, и она поехала в Череповец погостить к своей двоюродной сестре. Известно, сыграла ли роль удаленность от границ или доброта и сострадание местных властей, но здесь, в Череповце, Анну Александровну мобилизовали на педагогическую работу и на протяжении долгих лет, несмотря на трудные времена, она успешно трудилась в сфере народного просвещения. В конце февраля 1920 года ее направили учительницей в Медвежьевскую школу (в то время – Починковской волости Череповецкого уезда). Здесь она проработала полтора года.

Осенью 1920 года на уездной конференции Анна Александровна была выбрана секретарем уездного правления Союза работников просвещения и окончательно переехала в Череповец. Проработала она в губернском правлении Союза год и осенью 1921 года, после сокращения штатов, была назначена учительницей в третью школу первой ступени города Череповца. В 1926 году она была переведена в пятую школу первой ступени. Еще через два года была назначена заведующей этой школой. В 1931 году Анна Александровна была выдвинута Союзом на должность школьного инструктора секции культурного строительства.

Затем секция была реорганизована в Городской отдел народного просвещения (гороно), и инструктор стал называться инспектором. Работая в сфере культурного строительства, Анна Александровна добросовестно справлялась со своими обязанностями. В период 1933–1935 гг. она неоднократно премировалась за хорошее руководство учебно-методической работой школы, а в 1935 году была награждена путевкой в Кисловодск. 31 августа 1936 года Анна Александровна была освобождена от работы в гороно по собственному желанию и назначена заведующей учебной частью и преподавательницей немецкого языка школы №1. 19 января 1939 года А.А. Эйдемюллер получила аттестат на звание учителя с правом преподавания в первых семи классах средней школы.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Над всеми русскими немцами нависла угроза выселения или отправки в лагерь. В самом начале войны Анну Александровну, как немку, собирались выселить из Череповца, но вступилась школа, и, удивительное дело, райком партии поддержал школу, а в самый разгар войны она была назначена директором школы. Случилось это 20 марта 1942 года.

Несомненно, важную роль в подобном назначении сыграл высокий профессионализм Анны Александры как талантливого, любящего свое дело педагога и хорошего организатора и руководителя. Не последнее значение имели и сильные качества личности директора. Недаром в каждом письме ее воспитанников и учеников есть восторженные слова благодарности этому доброму, требовательному и сердечному человеку². Сохранились воспоминания о ней М.В.Никитиной, выпускницы 1-ой школы 1945 года, заслуженного учителя России.

«В годы войны ученический коллектив пополнился за счет эвакуированных семей, которые приехали в Череповец, – вспоминает Марина Викторовна. – Нам казалось, что Анна Александровна знает каждого ученика, его настрой и трудности семейного быта. Ее можно было увидеть всегда и везде в школе. Ее полная фигура небольшого роста, пенсне на носу, легкая улыбка говорили о ее твердом характере и доброте. Эти качества были очень нужны для того, чтобы организовать силами учащихся распилку дров на школьном дворе (школа имела печное отопление), создать бригады из старшеклассников для вытаскивания бревен из реки Ягорбы, направить учащихся с концертом в госпитали города. Надо было уметь создать настрой на все. И опять доброе слово о нашем директоре, которая разрешила вечером собираться в школе в любое время и готовить домашнее задание, так как дома горели керосиновые лампы, а в школе – электрическое освещение»³.

Хотелось бы отметить еще один важный момент, сыгравший роль в том, что А.А. Эйдемюллер не была выслана из Череповца и была назначена директором школы в такое суровое время. К несправедливо гонимым, несчастным людям, неважно какой национальности, русский народ всегда испытывал чувство сострадания, старался облегчить их участь. В отношении Анны Александровны такими людьми стали районные власти, а в отношении других немцев – ближайшие родственники Нины Ивановны Новиковой, которая написала воспоминания о том времени.

Так, бабушка Нины Ивановны из всех претендентов на съём комнаты в ее трехкомнатной квартире выбрала двух девушек сестер. Это были административно высланные из Ленинграда обрусевшие немки – сестры Магда и Марта Кондратьевны Фрейфельд. Они тоже были учительницами и вели в 4-й школе уроки немецкого языка. Но в самый разгар сталинских репрессий по невыясненным обстоятельствам сестер сослали в лагеря на 10 лет. После ареста сестер Фрейфельд в комнату поселилась сестра Анны Александровны Эйдемюллер Лидия Александровна Аман (тоже из административно высланных немцев) вместе с детьми. Во многом ее приезд был связан с тем, что здесь жила ее сестра. «Вообще бабушка, – вспоминает Нина Ивановна, – всегда была против семейных соседей, но на этот раз уступила, не могла не пожалеть гонимых, несчастных людей. К тому же слишком жива была еще в памяти трагедия, произошедшая с Магдой и Мартой»⁴.

Анна Александровна Эйдемюллер проработала директором школы №1 до 26 августа 1946 года. Ее освободили от занимаемой должности как педагога, не имеющего законченного высшего образования. Дальнейшая биография Анны Александровны не менее интересна. Следующим местом ее работы стало Лепельское пехотное училище, переведенное в годы войны в Череповец, где она занимала должность старшего преподавателя немецкого языка. В училище А.А. Эйдемюллер проработала 4 года и была уволена по сокращению штатов. С 1 сентября 1950 по 1 сентября 1954 года Анна Александровна преподавала немецкий язык в Череповецком лесомеханическом техникуме.

За этот период она смогла доучиться и получить высшее образование. В период с 1949 по 1952 гг. она проходила заочное обучение в Вологодском пединституте. 1 сентября 1954 года она была освобождена от работы в техникуме и направлена в Череповецкий педагогический институт старшим преподавателем немецкого языка. 11 сентября 1960 года Анна Александровна Эйдемюллер была освобождена от работы в связи с уходом на пенсию.

После выхода на пенсию Анна Александровна уехала в Ленинград и жила там. Дата смерти педагога нам неизвестна. Похоронена Анна Александровна Эйдемюллер была на бывшем лютеранском кладбище в Стрельне рядом с могилой своей матери.

Примечания

¹ Сеницын Ф.Л. Политика СССР в отношении немцев (1937–1945 гг.) // Российская история. 2012. №1. С.105.

² 130-летие Череповецкой средней школы №1 имени М. Горького. Исторический очерк. Череповец, 1996. С.33.

³ Череповецкая первая. К 140-летию средней школы №1 им. М. Горького: Сб. очерков. Череповец, 2006. С.13.

⁴ Новикова Н.И. Из воспоминаний череповецкого старожила // Череповец. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С.77–78.

Л.А. Киселева

Руководители: Т.Ю. Орлова, Н.Н. Киселева
г.Череповец, Россия

Андога – родина моих предков

Удивительна и своеобразна, красива и порожиста река Андога. Течёт с севера на юг на протяжении 200 км по Белозерскому и Кадуйскому районам и объединяет всё разнообразие жизни этой местности. Андога – это множество деревень в радиусе двадцати километров, расположенных по берегам рек Андоги и Шулмы. Мои прабабушка и бабушка говорили: «Я родом из Андоги». Это означает, что их малая родина – одна из деревень, расположенных на берегах этой реки.

Название реки Андога имеет финно-угорское происхождение. Корень «анд» есть в эстонском языке и соответствует русскому слову «дар» от глагола «дарить». Существует легенда о том, что один из родов племени «весь» в поисках благоприятных природных условий поселился на берегах озера, очень богатого рыбой. Переселенцы восприняли это как дар богов и назвали озеро Анд, а реку, вытекающую из него, Андогой.

Почвы этих мест мало пригодны для земледелия, т.к. $\frac{3}{4}$ составляют песок и глина. Глинистую почву надо поднимать после дождей, а песчаную пахали в сырую погоду поперек косогора, чтобы пласты держали воду. Большой опыт и сноровка нужны крестьянину, чтобы собрать урожай, жить в рамках жестокой экономии и расчета.

Особенностью края являлся труд в зимнее время на промыслах, занятии кузнечным делом. Ведение домашнего хозяйства ложилось на плечи женщины. Она должна была ткать, пряхть, одевать семью. Для невест шли приданое...

Мои прапрадедушка Соколов Иван Андреевич и прапрабабушка Евдокия Никаноровна после встречи на Семёновском мосту обвенчались в Никольской церкви и обосновались в деревне Будимирово. Они построили небольшой дом, обрабатывали огород. Ловили рыбу в Андоге и Шулке, собирали грибы и ягоды, то есть вели натуральное хозяйство: что производили, то и употребляли. Семья Соколовых относилась к малоземельным безлошадным крестьянским хозяйствам, каких в Андоге было много. Жизнь их была трудной. Череповецкий уезд расположен в зоне рискованного земледелия. Суровый климат и малоплодородная земля вынуждали крестьян переходить от растениеводства к животноводству. Почти треть хлеба была покупная. Чтобы свести концы с концами приходилось заниматься промыслами: заготовкой и сплавом леса, сбором грибов и ягод, рыбной ловлей в Шулке и Андоге.

Прапрадедушка И.А. Соколов

Соколов Иван Андреевич был мастеровым человеком, умел плотничать, скорняжничать, класть печи, а ещё он был красавцем и франтом...

Судьба моих предков всегда была связана с судьбой Отечества, поэтому, когда в августе 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну, прапрадедушка отправился на фронт... Вернулся на родину вместе со

своими сослуживцами бывший солдат И.А. Соколов только в октябре 1917 г.

После Гражданской войны и смуты страна получила мирную передышку. В семье Соколовых появились дети. В 1924 году Евдокия Никаноровна родила дочь Миру, а в 1926 году сына Владимира. Семья жила скромно, много работали родители в Никольском совхозе. Земледелие не получило большого развития, а животноводство стало определяющим. Иван Андреевич работал в трудовой артели, а Евдокия Никаноровна пасла общественных свиней, заботилась о семье, была рукодельницей. Она ткала половики, вязала крючком прошвы для наволочек, подзоры для кровати, украшала кружевом льняные рушники. Иван Андреевич умел выделывать овечьи шкуры и шить зипуны (зимнюю одежду, похожую на дубленку).

Прапрабабушка Е.Н. Соколова
с сыном Владимиром

М.И. Соколова и В.М. Панфилов

Дочь и сын в семье Соколовых выросли, выучились в школе и разъехались учиться дальше. Прабабушка Мира поступила в Ленинградский техникум швейной промышленности в 1939 году. Приближалась война. Отец приказал возвращаться домой, пришлось бросить техникум и ехать в Андогу.

Возможно, этот шаг спас 15-летнюю девушку от участи ленинградских блокадников. Моя прабабушка Мира Ивановна в апреле 1941 года принята на работу счетоводом на участок бассейна реки Андоги, о чем гласит приказ №136 от 18 апреля 1941 года, записанный в новенькой трудовой книжке. В июне 1941 года началась Великая Отечественная война против гитлеровцев. Города и села Вологодской области перестраивались на военный лад. Стране и армии нужен был лес. Счетовод М.И.Соколова работала всю войну на сплаве леса на реках Андога, Суда, причале «Торово». С сентября 1944 года была переведена бухгалтером в Череповецкую сплавконтру. Впоследствии Мира Ивановна была награждена медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» с надписью «Участник трудового фронта» (Приказ от 7.05.1975 г.).

После окончания войны, 9 мая 1948 года, моя прабабушка Соколова Мира Ивановна и её земляк Панфилов Василий Михайлович – герой Великой Отечественной войны, храбрый капитан, вступили в законный брак. Через год у них родилась дочь Наталья – моя бабушка. Это событие состоялось в больнице андогского села Ивановское, в бывшем барском доме. Андога – это и малая родина моей бабушки. Иван Андреевич и Евдокия Никаноровна Соколовы вырастили свою внучку Наталью до 3 лет в деревне Будимирово, так как её родители работали в Череповце и только изредка приезжала на родину в Андогу. По воспоминаниям моей бабушки, в семье была корова Майка, зимой в загончике в избе жили маленькие козочка Ветка и поросёнок Борька, ещё были куры и кошка...

В ходе исследования мы систематизировали все доступные материалы и источники, литературу по выбранной теме. Достаточно широко изучили территориальное и историческое развитие Андоги как важного фактора в биографии нашей семьи. Сложностью исследования стало то, что источников по данной проблеме достаточно мало. Новизна работы связана с тем, что целостные исследования по данной теме отсутствуют. И именно широкое использование материалов семейного архива, воспоминаний родственников и знакомых, а также материалов Кадуйского краеведческого музея придало работе исследовательский характер, помогло воссоздать картину жизни нашего края и его населения в XX столетии.

Духовные традиции Русского Севера в конце XIX – XX столетии

Н.В. Алексеева
г.Череповец, Россия

Традиции покаянно-очистительного характера в свадебном обряде северных русских в конце XIX – начале XX в.

Брак этнографы относят к событиям жизненного цикла. Это одно из ключевых событий жизни наряду с рождением и смертью. В исследуемый период Церковь требовала обязательной исповеди в трех случаях: один раз в год в период Великого поста, перед смертью и перед свадьбой. Священники при венчании требовали свидетельство о бытии у исповеди и Святого причастия в прошлый пост или накануне.

Резолюция из консистории от 28 октября 1843 года в очередной раз напоминала священнослужителям, чтобы они постоянно заботились о том, чтобы невесты, то есть «девицы 16-ти летние и более имеющие лет každогодно исповедовались и причащались Святых Тайн, <...> чтобы обыски деланы были заблаговременно и в них требовали показание и документов о том, всегда ли жених и невеста исповедовались и причащались, а не исполнивших такого христианского долга заставляли исполнять за неделю до брака и без сего, яко подозревались в расколе, не венчали...»¹. Вследствие этого к концу XIX века, когда контроль за исполнением обязательной ежегодной исповеди со стороны государства был ослаблен, молодые люди, которые ежегодно не исповедовались, все же «говели» в один из постов, если собирались вступить в брак в будущий мясоед².

Это то, что касается церковных установлений. Однако существовала и народная покаянно-очистительная традиция, которая не всегда имела православные корни.

Т.А. Листова считает, что весь ритуал был «буквально пронизан сакральным духом, насыщен обрядовыми действиями, мистическими актами, благопожеланиями, которые, как верили, должны были защитить молодую пару от будущих несчастий и, главное, заложить прочные основы семьи, соответствующей идеалам крестьянства, а в целом и общечеловеческим, – устойчивой, дружной, любящей, многодетной, зажиточ-

ной»³. Само действо свадьбы, ее подготовка и проведение интересуют нас в данном случае только с точки зрения присутствия элементов пока-янно-очистительной обрядности, являвшейся залогом дальнейшей счастливой жизни в семье.

Исследуя свадебную обрядность, Т.А. Листова отмечает, что «нравственные принципы в народной среде складывались и развивались при постоянном воздействии христианского вероучения. Вступление в брак молодых людей, создание ими своей семьи Церковь считала единственно нравственным решением взаимоотношений и соединения полов. Святой апостол Павел учил: «... во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (1 Коринф. 7:2). О том же говорил и Святой Иоанн Златоуст: «Брак есть поприще для добродетели, установлен в сохранение от блуда, служит средством к распространению рода нашего». Церковь утверждала приоритет супружеских отношений в системе семейно-родственных связей. И все же по христианскому учению подлинно нравственными можно считать лишь браки, получившие одобрение родителей. При этом в поучениях святых отцов подчеркивалось, что Церковь в этом вопросе опирается на общечеловеческие нормы взаимоотношений детей и родителей. «Законы всех времен и народов требовали и требуют, чтобы дети вступали в супружеский союз с согласия и благословения своих родителей», – поучает святой Василий Великий. Браки же, заключенные без воли родителей, святые отцы называли «любодеянием»⁴.

Согласимся с мнением Т.А. Листовой, что в комплексе крестьянских религиозно-этических оценок поведения человека и его поступков, благословение означало не только «признание нравственной правоты задуманного и расценивалось не только как одобрение или разрешение того лица, у которого оно было испрошено, но и как гарантия поддержки всего мира христианских святых». Недаром обычной формой ответа на просьбу благословить была – «Бог благословит». Поэтому нежелание родителей благословить брак, а еще страшнее – проклятие заслушание – означало большие беды молодой паре⁵.

«Даже самый дом, скотина, постройки, дети и проч. носят на себе отпечаток проклятия отца и матери... Работы, яровья и озимовья хлеба, вообще все бывает худо и проклято. Крестьяне верят, что благословение родителей «ни в воде не тонет, ни в огне не горит»⁶, – отмечается в одном из источников. Но, прежде всего, родительское проклятие обрекало молодых на бездетность. Здесь можно привести в пример рассказ крестьянина Городищенского уезда Пензенской губернии о многострадальной судьбе своей семьи. География данного случая выходит далеко за преде-

лы Европейского Севера России, но здесь можно говорить об общерусском понимании родительского проклятия и благословения. Родители невесты не желали их брака и поженившихся «самоходкой» молодых не только не простили и не благословили, но и проклинали: «Чтоб ей, говорят, век как осине трястись да деток своих не видывать». После этого у несчастной женщины пошли один за одним выкидыши. После безрезультатного обращения к лекарям и знахарям, совершенно отчаявшись, она хотела уже «руки на себя наложить». Услышав это, родители «помягчали». Тогда, по воспоминаниям рассказчика, «пошли мы к ним на прощенное масляное воскресенье и упросили их Христовым именем простить нас и благословить. И что же? Баба моя стала краше солнышка. Весела хоть куды и через полгода сына хорошего родила. Вот как жить на свете с проклятьем-то родительским». Поэтому угроза со стороны родителей не дать благословения на брак заставляла часто молодых людей отступать от своих планов⁷.

В некоторых местах (например, по реке Ваге в Архангельской губернии) необходимо было заручиться и благословением священника. В «Прибавлениях» к «Архангельским губернским ведомостям» за 1843 год этот обычай описывается так: «Ударив по рукам, жених, а большею частью его отец, приходит к священнику, и, объявив о начатом деле, условливается о дне для венчания и в заключение просит его быть на сватанье, которое даже и у беднейших жителей никогда не бывает без присутствия священника, а иногда и всего причта. Надобно знать, что по всей Ваге за величайший стыд почитается, если жених приедет на сватанье без священника; поэтому, когда бывает несвободно местному, то всегда приглашается другой из ближайшего прихода... После завершения сватанья священник, надев епитрахиль и взяв крест, поет приличный стих, большей частью «Достойно есть», ограждает жениха и весь поезд крестом и допускает всех на целование его. В это время жених приемлет благословение отца и матери...». А перед отправкой в церковь «родители невесты, пригласив священника и своих родных, идут в ея комнату, где она, благословясь у священника и приложась ко кресту, кланяется в ноги родителям...»⁸.

Репутация каждой девушки зависела от ее нравственного поведения до замужества. Понятие «честно-похвального девичества», как говорили на Русском Севере, включало обязательное сохранение целомудрия.

По сведениям Т. А. Листовой, на Русском Севере невеста была избавлена от принудительной проверки, она сама посредством определенных обрядовых действий «сообщала» о своем «честно-похвальном девичестве». Во время причитаний при расплетении косы невеста должна была

прикрепить по обычаю «девью красу» – ленту – к иконе Божьей Матери. Поведение девушки по севернорусской традиции определялось лишь ее внутренними религиозно-нравственными убеждениями, страхом Божьего наказания не только за нецеломудрие, но и за осквернение священных предметов, к которым ей предстояло прикоснуться в случае несохранения такового⁹.

Большое значение имело распространенное в народе под влиянием христианского вероучения представление о необходимости нравственно-го очищения, включая и воздержание от «плотских» удовольствий, в том числе и еды, перед событиями жизненной важности, к которым, несомненно, относилось и заключение брака. Религиозное требование воздержания от пищи органично вошло в общий комплекс норм поведения жениха и невесты (среди крестьян), в основе которых лежала психологическая подготовка молодых людей к перемене в их жизни¹⁰.

По-видимому, под влиянием церковного таинства появились локальные варианты предохранительных мер. Например, в некоторых местностях встречался обычай, когда сватья, не входя в церковь, рассказывала священнику обо всем, что знает о молодых – о болезнях, недостатках и т.д., чтобы «не завенчать необъявленное»¹¹. Таким образом, христианская покаянная практика проникала в народный мир суеверий и примет.

Так же, как и при родах, свадебные обычаи, практикуемые в народе, часто носили оберегающе-очистительный характер, разве что традиция прикреплять символ своего «честно-похвального девичества» к иконе подразумевала раскаяние в том случае, если похвалиться было нечем. Покаянные нотки усматриваются и в причетах невесты перед свадьбой.

Родительское проклятие или благословение имело свои корни как в церковном каноне (благословение или анафема священника), так как всю ответственность перед Богом за судьбу ребенка несли родители, так и в народной традиции – эту же ответственность они несли перед обществом. А исповедь свахи о молодых имела защитную функцию – «чтобы не завенчать худое». Однако подобная исповедь являлась редким явлением.

Примечания

¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 361. Оп. 6. Д. 549. Л. 1.

² Российский этнографический музей (РЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1826. Л. 17.

³ Листова Т. А. Благославение и брак // Родина, 1994. № 4. С. 100.

⁴ См.: там же.

⁵ Там же. С. 101.

⁶ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 122. Л. 7.

⁷ Листова Т.А. Заметки о русской свадьбе // Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 125–126.

⁸ Архангельские губернские ведомости. Прибавления, 1843. № 29. С.110, 113.

⁹ Листова Т.А. Заметки о русской свадьбе... С. 140.

¹⁰ Там же. С. 123.

¹¹ Там же. С. 137.

О.Б. Молодов
г. Вологда, Россия

**Владыка Гавриил (Огородников) –
епископ Вологодский и Череповецкий (1949–1959 гг.)**

Владыка Гавриил (в миру – Огородников Дмитрий Иванович) родился в 1890 г. в семье ремесленника в г. Солигаличе Костромской губернии. В 1914 г. после окончания военного училища и получения офицерского звания был направлен на фронт, где получил боевые награды, в том числе – Георгиевский крест.

С 1918 г. он находился в эмиграции в Китае, где работал на Китайской военной железной дороге (КВЖД), а с 1926 г. начал своё церковное служение. За двадцать лет прошел путь от послушника до архимандрита и наместника Русской духовной миссии в Пекине. В 1945 г. произошло воссоединение китайских православных приходов с Русской Православной Церковью Московского Патриархата (РПЦ МП), и в 1948 г. о. Гавриил, как и многие его соотечественники, вернулся на родину. В том же году его рукоположили в архиерейский сан и направили на Хабаровскую кафедру¹.

11 августа 1949 г. Гавриил (Огородников) был назначен епископом Вологодским и Череповецким. В течение предыдущих пяти лет на обширной территории Вологодской области усилиями епископа Иустина (Мальцева), духовенства и верующих были вновь открыты 18 храмов (Богородская церковь, ставшая кафедральным собором, не закрывалась), а фактически действовали всего 17. Кроме малочисленности приходов остро стоял вопрос обеспечения приходов квалифицированными кадрами священнослужителей, поскольку многие из них были репрессированы в 1930-е гг., а также о воссоздании канонической системы управления епархией. Кроме того, на рубеже 40–50-х гг. прошлого века происходит усиление контрольных функций уполномоченных Совета по делам РПЦ

(СДРПЦ). Местные власти начинают препятствовать совершению религиозных треб на дому, проведению служб вне храма (на открытом воздухе), оказанию благотворительной помощи верующим, порой отбирают церковное имущество без денежной компенсации².

К приходу владыки Гавриила на Вологодскую кафедру «костяком» духовенства являлись 26 священников, из которых 25 были старше 55 лет, а половина имела судимости (в основном по «политической» статье 58 УК РСФСР – «контрреволюционная пропаганда и агитация»). Священники пожилого возраста, прошедшие лагеря, отличались слабым здоровьем, что не позволяло надеяться на их активное и продолжительное служение. В 1952 г. архиерею пришлось предоставить трем священникам продолжительные отпуска для отдыха и лечения «по причине старческой слабости и болезней». Вместе с тем на 1 июля 1952 г. епархиальный клир составляли уже 34 священника и 6 диаконов³.

С прибытием епископа Гавриила в Вологду начинается активная работа по формированию системы управления епархией. Как отмечается в документах, владыка привез с собой 7 священников из китайской эмиграции⁴, а также непосредственных помощников для себя. Секретарем епархиального управления стал опытный юрист А.К. Токмаков, а впоследствии князь (!) М.Н. Чавчавадзе. В отличие от епископа Иустина, ютившегося в одной комнате, служившей ему канцелярией и приемной, Гавриил расположил епархиальное управление в домах, приобретенных вблизи кафедрального собора, а также купил автомобиль «Победа» для служебных поездок⁵.

Как характеризует владыку уполномоченный СДРПЦ, Гавриил – «епископ-дипломат», который «мягко стелет, да жестко спат». Он «пытается проводить строжайшее единоначалие, <...> не терпящее никакого вмешательства в дела епархиального управления»⁶. Постепенно, как отмечает чиновник, «настоятели и священники стали чувствовать себя под официальной «дланью» владыки и епархиального управления, ревниво следящих за доходностью церквей и усилением своего влияния на верующих»⁷.

Владыкой Гавриилом проводилась планомерная работа по подбору и направлению молодежи в духовные семинарии. Семинаристам, кроме положенной стипендии, оказывалась материальная поддержка из епархиальных средств. Управляющий епархией уделял большое внимание бытовому устройству клириков, которым были приобретены дома и мебель⁸.

За первые полгода нахождения на кафедре Гавриил объехал все 17 приходов, где проводил архиерейские службы. В дальнейшем он регу-

лярно участвовал в храмовых праздниках и присутствовал на именинах настоятелей храмов. Как отмечается в отчете уполномоченного СДРПЦ, епископ Гавриил «стремится к тому, чтобы внешний ритуал архиерейского служения сохранился с большой точностью»⁹.

В течение всего периода служения в Вологодской епархии он ставил вопросы об открытии новых приходов, поддерживая ходатайства верующих¹⁰. В 1956 г. в докладной записке Патриарху Алексию (Симанскому) он жаловался на вологодских чиновников, препятствующих регистрации общин верующих и предоставлению им храмов. Там же содержался перечень из 21 церковного здания, соответствующий заявлениям верующих об открытии церквей, в удовлетворении которых было отказано¹¹. Однако никому из управляющих Вологодской епархией до 1988 г., ознаменовавшего переход к новой религиозной политике, не представилось возможности открыть ни одного нового прихода.

Интересным эпизодом деятельности владыки Гавриила является попытка перенесения мощей преподобного Герасима, основателя г. Вологды. Он неоднократно ставил этот вопрос на приеме у уполномоченного, однако разрешить его не удалось¹². Причиной отказа властей стала легенда о Герасиме как защитнике города, возникшая в годы Великой Отечественной войны. По свидетельству сбитой немецкой лётчицы бомбардировщики не смогли найти город и его крупный железнодорожный узел, поскольку территория оказалась покрытой лесом. То, что на Вологду, несмотря на близость фронтовой полосы, не упало ни одной бомбы, стало предпосылкой появления «суеверия» о силе мощей, пресечь распространение которого пытались местные власти и органы госбезопасности.

Итогом активной деятельности Гавриила (Огородникова) стал рост обрядности и доходов епархии. В 1958 г. в храмах Вологодчины окрестились 14176 человек, обвенчались 314 пар. Доход (в дореформенном исчислении) составил 7,3 млн. рублей¹³. «Церкви с каждым годом богатеют, епархия укрепляется», – с сожалением отмечал уполномоченный И.М. Иванов в 1958 году¹⁴.

Именно с 1958 г. начинается «последняя атака» на РПЦ, связанная с именем нового руководителя страны Н.С. Хрущева. Считается, что перевод владыки Гавриила на Астраханскую кафедру в 1959 г. был своеобразной ссылкой активного епископа подальше от центров православия. 1960–1971 гг. стали периодом его служения в Ташкентской епархии, где архиепископ Гавриил скончался и был погребён.

Примечания

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 479. Л. 38.
- ² Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1300. Оп. 14. Д. 10. Л. 141–142, 151–153.
- ³ Там же. Д. 12. Л. 29.
- ⁴ Там же. Д. 15. Л. 5.
- ⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 761 Л. 41.
- ⁶ Там же. Д. 761. Л. 5, 45.
- ⁷ Там же. Л. 41.
- ⁸ Там же. Л. 44.
- ⁹ Там же. Д. 890. Л. 14.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 630. Л. 25, 33–34; ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 3 Л. 152.
- ¹¹ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 15 Л. 8.
- ¹² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 761. Л. 82–83, 101–102.
- ¹³ ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 17. Л. 1, 9.
- ¹⁴ Там же. Д. 16. Л. 4.

Русская культура конца XVIII – начала XX века

С.Н. Галунова
г. Череповец, Россия

Церковная живопись в Череповецком уезде в конце XVIII–XIX вв.

Исторические источники свидетельствуют, что Череповецкий уезд накануне революции занимал одно из ведущих мест по числу церквей среди соседних уездов, вошедших впоследствии в Вологодскую область, а также о том, что храмы уезда обладали значительным и своеобразным иконописным фондом. Расцвет иконописания в Череповецком крае приходится на конец XV–XVI вв., когда создаются замечательные иконописные произведения, к которым относятся иконы из Долгой Слободы, Флоро-Лаврской часовни д. Пасмурово, Филиппо-Ирапской пустыни (ныне находятся в Череповецком музейном объединении).

Новые черты в иконописи Череповецкого ареала проявляются после Смутного времени, а особенно ярко – после церковного раскола. Художественная эволюция иконописания происходила и ранее (XIV–XVI вв.), но процесс этот протекал достаточно медленно. Со второй половины XVII века он приобретает стремительные темпы. Примерно за столетие русские иконописцы овладевают техникой масляной живописи, линейной и световоздушной перспективой, они по-новому выстраивают композицию. Известно, что священники Череповецкого собора Лука Петров и Стефан Петров создавали иконы в технике масляной живописи.

Со второй половины XVIII в. в Череповецком крае начинается возведение каменных храмов. К концу XIX в. из 140 церквей уезда примерно две трети – каменные. Большинство из них строится на средства прихожан, активное участие в строительстве и украшении церквей принимают состоятельные местные купцы и помещики. Они имеют возможность жертвовать иконы, отличающиеся достаточно высоким художественным уровнем. Церковная живопись развивается: в ряде храмов создаются грандиозные росписи и иконостасы. Судя по довольно многочисленным сохранившимся произведениям иконописи края XVIII–XIX вв., появляется ряд профессиональных талантливых и самобытных мастеров, создающих целые иконописные комплексы не только в Череповце, но и в

церквях уезда. К концу XVIII – началу XIX в. относится деятельность известного череповецкого художника и иконописца А.И. Подшивалова.

В этот период времени создаются росписи в Троицком и Спасском храмах села Уломы, в Вознесенской Кирилловской, Благовещенской Едомской, Воскресенской Степановской, Успенской Воронинской церквях и многих других храмах уезда. Однако эти росписи почти полностью утрачены.

К числу храмов, в настоящее время располагающих значительным иконописным фондом XVIII–XIX вв., относятся церкви Благовещения в селе Дмитриево, Богоотец Иоакима и Анны в селе Степановском, а также Череповецкий Воскресенский собор. В Благовещенской церкви на сводах и стенах нижнего храма святых Косьмы и Дамиана находятся масляные росписи XIX в., исполненные местными мастерами. Резной столярной работы иконостас верхнего Благовещенского холодного храма выдержан в стиле классицизма. Образы иконостаса, а также целый ряд икон храма исполнен в академической традиции. Стены и своды, все подкупольное пространство церкви покрыто росписями. Под самым куполом помещены строки Символа Веры.

Однако следует отметить, что в духовной жизни общества того времени происходят значительные изменения, которые приводят к обмирщению христианского сознания. Грандиозное церковное строительство, развернувшееся в России в XVIII–XIX вв., шло параллельно с духовной дезориентацией общества. Черты барочной пышности екатерининской эпохи проявляются в иконах Иоанно-Богословской церкви г. Череповца (вторая половина XVIII в.). Изображения на иконах напоминают театральное представление на фоне барочных декораций. Крепкие фигуры написаны со знанием анатомии и трактованы объемно. Лица картинно красивы, а жесты светски непринужденны. Изображения мало напоминают горний первообраз. В этом отношении показательны образы архангелов, особенно архангела Гавриила.

Определенный мировоззренческий кризис привел к отступлению от древнего иконописного канона, утрате иконописным образом его важнейших сущностных признаков. Именно это обстоятельство сделало возможным утверждение в иконописи иных художественных принципов, связанных с культурой Западной Европы.

О духовном состоянии общества дают представление исповедные росписи, сохранившиеся в архивах. Имеются данные и о прихожанах Череповецкого уезда конца XVIII–XIX вв. Анализ этих отчетных документов позволяет выявить тенденцию: количество лиц, которые не исповедовались и не причащались «за нерачением» неуклонно растет. К сере-

дине XIX в. в некоторых приходах оно превышает число тех, кто исповедовался и причащался¹. Эти данные относятся к «простым» прихожанам. Что касается элиты «просвещенного общества», то оно, «оторвавшись от Церкви», искало «выход для своего религиозного чувства по преимуществу в масонских ложах»².

К концу XIX в. относится создание последних значительных иконописных комплексов в храмах Череповецкого уезда, однако в силу глубоких изменений в подходе к иконописанию, обусловленных процессами, происходившими в духовной сфере общества того времени, иконопись претерпевает принципиальные изменения. Иконописные произведения, созданные в этот период, обладают значительной эстетической ценностью, но по своей форме и содержанию они приближаются к произведениям светской живописи.

Примечания

¹ Исповедные росписи Череповецкого Воскресенского собора. Научный архив ЧерМО. Ф. 8. Оп. 34.

² Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/440317.html>. Дата обращения: 12.10.2013.

Е.В. Белановская
г. Череповец, Россия

Каменные храмы Череповецкого района второй половины XIX – начала XX в. История и современное состояние

Во второй половине XIX – начале XX в. наряду с развитием промышленности, а также с открытием и строительством новых учебных заведений в Череповце и его окрестностях было построено большое количество храмов. Всего на территории современного Череповецкого района за рассматриваемый период было построено 30 каменных храмов и 3 часовни (9 храмов и часовен в г. Череповце, а также 24 храма по району) (см. табл. 1).

**Каменные храмы Череповецкого района
второй половины XIX – начала XX в.**

№ п/п	Наименование постройки	Время строительства	Состояние объекта
1	2	3	4
Череповец			
1	Покровская церковь на Коржавском кладбище в Череповце	1856	Полностью разрушена в 1959 г., сейчас там Комсомольский парк
2	Благовещенский собор в Череповце	1861	Полностью разрушен в 1939 г., восстановить нельзя, проходит трасса
3	Церковь Иоанна Богослова в с. Богослово (ул. Краснодонцев-Юбилейная в Череповце)	1870	Полностью разрушена в 1960-1970-х гг., сейчас здесь жилой район
4	Реальное училище и домовая церковь Александра Невского в Череповце	1897	Отреставрировано. Сейчас здесь администрация ЧГУ
5	Маринская женская гимназия с церковью Иоанна Богослова в Череповце	1904	Отреставрировано. Сейчас здесь располагается городской ЗАГС.
6	Часовня в честь Преподобного Филиппа Ирапского	1874	Восстановлена
7	Часовня в честь иконы Божией матери «Живоносный источник»	1866	Полностью разрушена в 1990-е г. и восстановлена
8	Тюремная церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» в Череповце	1888	Долгие годы здесь размещалось помещение СИЗО, которое было снесено в 2007 г.
9	Часовня во имя Святителя Николая на Привокзальной площади	1905	Восстановлена

1	2	3	4
Череповецкий район			
10	Преображенская Алексинская церковь (Алексино)	1903	Не существует
11	Благовещенская Угрюмовская церковь (Угрюмово)	1845	В заброшенном состоянии
12	Казанская Шормангская церковь (Бол.Шорманга)	1851	В заброшенном состоянии
13	Борисо-ГлебскаяПлишкинская церковь (Плишкино)	1844	В заброшенном состоянии
14	Михайло-Архангельская Нелазская церковь	1895	В заброшенном состоянии
15	Троицкая Надпорожная церковь (Надпорожье)	1865	В заброшенном состоянии
16	Богородице-Рождественская Ивановская церковь (Ивановское)	1864	В заброшенном состоянии
17	Васильевская Романовская церковь (Васильевское)	1862	В заброшенном состоянии
18	Богородицерождественская Чудская церковь (Чудь)	1893	В заброшенном состоянии
19	Покровская Шухтовская церковь (Покров)	1901	Не существует
20	Ильинская Шухтовская церковь (Абаканово)	1893	Отреставрирована
21	Николаевская Шухободская церковь	1912	В заброшенном состоянии
22	Николаевская Михайловская церковь (Михайлово)	XXв.	В заброшенном состоянии
23	Церковь в честь иконы Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость» (Парфеново)	1914	В заброшенном состоянии
24	Троицкая Уломская церковь (Улома)	1807	В заброшенном состоянии
25	Владимирская Турховская церковь (Климово)	1866	Не существует
26	Богоявленская Новоеерговская церковь (Некрасово)	1860	Не существует
27	Флоро-Лаврская Даргунская церковь	XIX в.	Не существует
28	Николаевская Кондашская церковь (Гавино)	1857	Не существует
29	Церковь Похвалы Богородицы в Леушинском монастыре	1801	Рыбинское водохранилище

1	2	3	4
30	Церковь Святой Троицы в Леушинском монастыре	1906	Рыбинское водохранилище
31	Казанская Ольховская церковь	1898	Рыбинское водохранилище
32	Космо-Дамиановская Логиновская церковь (Костино)	1858	Не существует
33	Владимирская Щетинская церковь (Щетинское)	1853	Не существует

Вторая половина XIX – начало XX в. – это период эклектики, когда в архитектуре использовались стили предшествующих эпох. При строительстве храмов как в Череповце, так и по всей России использовались два основных направления:

1. Стилль московской архитектуры XV–XVI вв. Храмы в этот период строили соборного типа с разделением на нефы и с завершением пятью массивными куполами луковичной формы. В качестве примера можно привести Благовещенский собор на Благовещенской (Красноармейской) площади, построенный в 1861 г. (см. рис. 1.1)

2. Стилль «русское узорочье» или «кирпичный стилль», для которого характерны использование шатровых покрытий, обилие декоративных деталей, активное использование цвета, а также развитие профильной кирпичной техники. В Череповце данное направление использовалось в основном при строительстве часовен (часовни Филиппа Ирапского, часовни Святителя Николая Чудотворца на привокзальной площади (рис. 2.2), часовни в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник»).

Также в этот период были построены домовые церкви – церковь Иоанна Богослова при Мариинской женской гимназии и церковь Александра Невского при реальном училище. Оба учебных заведения были основаны И.А. Милютиным.

Таким образом, к началу XX в. в городе насчитывалось более десяти храмов и 3 часовни при численности населения 8 тыс. человек.

Активно строительство храмов велось и на территории современного Череповецкого района. Только каменных храмов за рассматриваемый период было построено 24. Они возводились также соборного типа или в стилле «русское узорочье», хотя часть храмов была построена в стилле классицизма, характерном для первой половины XIX в.

Примерами храмов первого типа могут служить храмы Богородицкого женского монастыря в с. Парфеново (рис. 1.2), храм Николая Чудотворца в с. Михайлово.

В качестве примеров храмов второго типа можно привести храм Ильи Пророка в селе Абаканово (рис. 2.1), храм Похвалы Богородицы Лешинского женского монастыря.

Храмы, которые продолжали возводить в стиле классицизма имели продольную структуру в плане с входом через колокольню, с повышенным предалтарным объемом, завершенным куполом. Для этого стиля характерны также сдержанность и строгость, которые подчеркивались белым цветом стен, использованием входных портиков с колоннами дорического ордера, замкового камня в завершении оконных и дверных проемов, рустовки стен первого этажа.

Рис. 1.1. Благовещенский собор в г. Череповце (1861 г.)

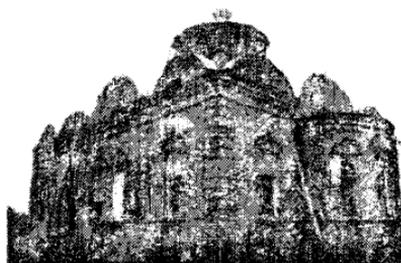

Рис. 1.2. Церковь иконы Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость» в с. Парфеново Череповецкого района (1914 г.)

Рис. 2.1. Ильинская церковь в с. Абаканово Череповецкого района (1893 г.)

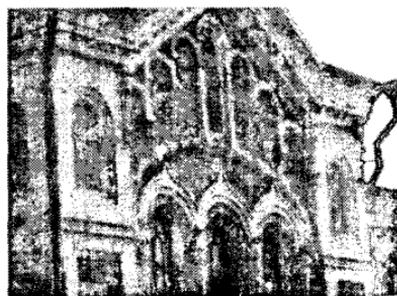

Рис. 2.2. Часовня в честь Николая Чудотворца на привокзальной площади в г. Череповце (1904 г.)

В советский период все храмы, построенные во второй половине XIX – начале XX в., были закрыты, использовались как промышленные здания, клубы, школы и т.д. или же были разрушены. Так, например, в 1930-е гг. был разрушен самый большой храм Череповца – Благовещенский собор. Некоторые храмы были разрушены и затоплены водами Рыбинского водохранилища. Эта участь коснулась, в частности, храмов Леушинского монастыря – одного из известнейших женских монастырей в России начала XX в.

В настоящее время из 33-х храмов, построенных во второй половине XIX – начале XX в., 1 храм и 3 часовни восстановлены, 2 домовые церкви используются не по назначению, 14 храмов являются полностью разрушенными, 13 находятся в заброшенном состоянии разной степени сохранности.

На кафедре «Строительные конструкции и архитектура» Череповецкого государственного университета проводилась работа по обследованию зданий храмов, выполненных из кирпича, которые находятся в заброшенном руинированном состоянии, с целью определения степени сохранности несущих конструкций и внесения предложений по их возможному восстановлению. В частности, было произведено обследование и тринадцати рассматриваемых зданий (всего обследовано 100 зданий в семи административных районах Вологодской области).

Определение физического износа основных несущих конструкций зданий, выполненных из глиняного кирпича, производилось согласно методике определения физического износа гражданских зданий. Согласно данной методике целесообразным является восстановление зданий, в которых степень сохранности стеновых конструкций составляет более 50%. В ходе натурных обследований было выявлено 11 таких зданий из тринадцати рассматриваемых, т.е. они являются пригодными для восстановления.

Кроме визуальных обследований, были проведены испытания физико-механических свойств кирпича и кладочного раствора. Результаты обследований некоторых зданий приведены в табл. 2.

На следующем этапе были определены причины разрушения кирпичной кладки в рассматриваемом регионе и разработаны мероприятия по ее защите. Для реставрационных работ рекомендуется использовать материалы, аналогичные тем, которые применялись в исторических сооружениях. С этой целью были произведены рентгеноструктурный и химический анализ исторических материалов, а также сырьевых материалов местных месторождений, и сделан вывод об использовании местного сырья для возведения исторических зданий второй половины XIX – начала

XX в. На данном этапе были разработаны составы для реставрационного кирпича и кладочного раствора, которые рекомендуется использовать для восстановления рассматриваемых зданий.

Таблица 2

**Результаты натурных обследований зданий храмов
второй половины XIX – начала XX в.**

№ п/п	Название храма	Время строительства, г.	Степень сохранности стен зданий на 2008 г., %	Степень сохранности покрытий зданий на 2008 г., %	R _{ск} кирпича, МПа
1	Благовещенская Угрюмовская церковь (с. Угрюмово)	1845	70	20	10,2
2	Казанская Шормангская церковь (с. Бол. Шорманга)	1851	70	95	-
3	Борисо-Глебская Плишкинская церковь (с. Плишкино)	1844	30	0	4,4
4	Михайло-Архангельская Нелазская церковь (с. Нелазское)	1895	90	90	-
5	Богородице-Рождественская Ивановская церковь (с. Ивановское)	1864	65	0	-
6	Васильевская Романовская церковь (с. Васильевское)	1862	80	0	2,3
7	Богородицержественская Чудская церковь (с. Чудь)	1893	30	0	4,3
8	Николаевская Шухободская церковь (с. Шухободь)	1912	80	0	4,9
9	Николаевская Михайловская церковь (с. Михайлово)	Нач. XX в.	70	0	-
10	Церковь в честь иконы Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость» (с. Парфеново)	1914	85	90	-
11	Троицкая Уломская церковь (с. Улома)	1807–1880-е	65	90	4,7

Безусловно, оставаться безучастными и равнодушными к судьбе разрушенных храмов нельзя. По всей стране сейчас ведутся работы по восстановлению поруганных святынь. Хочется верить, что и у нас те храмы

которые еще можно восстановить, будут в скором времени действующими, а на месте полностью разрушенных будут стоять хотя бы поклонные кресты.

А.А. Новикова
г. Череповец, Россия

Творчество игумении Таисии (Солоповой) и традиции русского романтизма

В своём творчестве известная православная подвижница игумения Таисия (Солопова) (1842–1915) опиралась на традиции русской классической поэзии XIX века. В частности, очень своеобразное отражение в её стихах получили мотивы и образы литературы русского романтизма первой трети XIX столетия.

В романтической традиции, получившей распространение в русской литературе в 10–30-е гг. XIX в., находит воплощение особый тип героя, необычного, противостоящего обществу или совершающего уход от него. Можно указать на два основных типа романтических героев, получивших распространение в отечественном романтизме. Это герой-борец, бунтующий, вступающий в противодействие с обществом, готовый бороться в одиночку. Второй тип романтического героя отличается пассивностью. Он не соглашается с установившимся в обществе положением вещей, но не вступает с ним в конфликт, а наоборот удаляется от мира, живет одинокой жизнью... Кроме того, в романтической поэзии получают распространение образы неординарные, необычные: необычные картины природы, нестандартные сюжетные ситуации; герои помешаются в экзотические условия и т.д. В этом контексте романтики используют и образ монастыря, который интерпретируется ими то как место заточения, то как место для бегства от мирских бурь и страстей. В любом случае романтические герои попадают в монашескую обитель с целями далеко не христианскими. О подобных случаях еще в VII веке от Рождества Христова писал в «Лествице» преподобный Иоанн, игумен Синайской обители. «Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, сделали это или ради будущего Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из сих намерений, – отмечает преподобный Иоанн, – то удаление их от мира было безрассудное»¹ (выделено нами – А.Н.). В своеобразную поэтическую полемику с изображением монастырей и монашества в романтической традиции

вступает, на наш взгляд, в своем стихотворении «Пустынник» и игуменья Таисия.

Стихотворение «Пустынник» сюжетное, в нем повествуется о юноше, пришедшем к отшельнику с целью удалиться от мира². Оно может быть, на наш взгляд, по принципу контраста сопоставлено с романтической поэмой М.Ю.Лермонтова «Мцыри», где, как известно, центральное место занимает образ монастыря, трактуемый как место заключения вольнолюбивого Мцыри. Лирический герой М.Ю.Лермонтова – неприкаянный, не способный найти надежное пристанище в монашеской жизни. Монастырь для него не место спасения души, а тюрьма, место заточения, из которого всеми силами он стремится бежать³... Герой же игуменья Таисии находит прибежище в тихой монашеской жизни, монастырь для него – желанное место.

В целом стихи игуменья Таисии во многом близки лермонтовским по характеру их ритмического, интонационного построения. Но по смыслу – прямо противоположны...

В контексте рассматриваемой нами проблемы изображения монастырей и монашеской жизни интересно сопоставить стихотворение матушки Таисии «Пустынник» с еще одним романтическим произведением – поэмой И.И.Козлова «Чернец» (1825).

Чернец, «страдалец молодой»⁴, герой одноименной поэмы И.И. Козлова, как и лермонтовский Мцыри, предстает пред игуменом обители, исповедует ему свою жизнь на смертном одре. Но это не исповедь в точном смысле этого слова, а именно рассказ о пережитом. В отличие от Мцыри, пытавшегося бежать из монастыря, Чернец наоборот после пережитой в миру трагедии (скоропостижной смерти молодой жены с неродившимся ребенком и мести коварному противнику, погубившему её своим наветом) ищет возможности укрыться в монастыре, но не с целью спасения души, а чтобы молиться и ждать соединения на небесах со своей возлюбленной... Чернец (как и Мцыри) остается во власти своей страсти до самой кончины и умирает со словами о ней на устах, а юноша в «Пустыннике» бежит от страстей и наслаждений мира сего.

Таким образом, в романтической поэзии страсти воспеваются, а в духовной поэзии игуменья Таисии декларируется отказ от них, подлинно романтической является жизнь пустынника в посте и молитве, ведущая к спасению души. У поэтов-романтиков страсть представляется одним из высших проявлений романтического, а у игуменья Таисии романтизируется монашеское служение. В этом принципиальное отличие духовной поэзии благочестивой матушки Таисии от сочинений русских романтиков, от поэтической традиции русского романтизма в целом.

Примечания

¹ Преподобный Иоанн, игумен горы Синайской. Лествица, возводящая на небо. М., 1999. С.29–30.

² Игуменья Таисия Леушинская. Духовные стихотворения. СПб., 2004. С. 54–57.

³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т.2. М., 1986. С.105–106.

⁴ Козлов И.И. Чернец. Киевская повесть // «Свободной музы приношение...»: Европейская романтическая поэма. М., 1988. С. 214.

Е.В. Шалашов
г.Череповец, Россия

**Борьба с пьянством в Череповце в начале XX века
(по материалам местной периодики)**

Проблема пьянства и алкоголизма появилась в России давно. Но особенно остро она проявила себя после отмены крепостного права. Крестьяне, освобожденные от постоянной опеки, были в растерянности и не знали – а что же им делать дальше?

В 1880 году в Санкт-Петербурге была опубликована диссертация Павла Ивановича Грязнова¹ – земского врача, работавшего в Череповце и Череповецком уезде с 1874-го по 1876-ый год и лето 1879 года. Работа была посвящена проблемам гигиены и здравоохранения Череповецкого края.

По данным Павла Ивановича четверть года являлась для местных жителей нерабочей (церковные и государственные праздники, стихийные бедствия и свадьбы и т.д.). И все это время крестьяне Череповецкого уезда проводили в загулах и пьянстве. На 62 школы Череповецкого уезда приходилось 80 кабаков.

Главной причиной подобной ситуации, по мнению врача, являлось то, что народ находился в невежестве. А кабак для него «является и клубом, и библиотекой, и источником веселья».

Из-за пьянства, которому привержены были не только мужчины, но и женщины, часто страдали дети. Средняя смертность детей на тысячу человек по Череповецкому уезду составляла 647,5 человек. Для сравнения – по России – 626,3, а в Англии – 55².

А как же обстояли дела в начале XX века? Так, например, по материалам газет на 1912 год ситуация кардинально не изменилась. «Изо дня

в день терпят нужду крестьяне, – писал журналист А. Швецов, – а подошел праздник, отрывают от себя последнее, чтобы было на один-два дня всего вволю, а особенно вина. В каждой деревне в течение года бывает 2–3 храмовых праздника. Средний по зажиточности крестьянин затрачивает на каждый праздник по 10–15 рублей. Это на одни припасы и вино»³.

Впрочем, если бы отмечались только храмовые праздники... Существовали ведь еще и другие религиозные праздники, а также свадьбы, рождения, крещения, похороны, именины. А мы ведь знаем, что любой праздник начинают накануне и заканчивают в лучшем случае на следующий день..

Опять же, по материалам газет, редкий праздник обходился без «хорошей драки». А драки сопровождалась тяжкими увечьями, а то и смертью⁴.

Впрочем, данные газетчиков о постоянных смертоубийствах и увечьях не кажутся достоверными. Скажем, на начало века в полицейских сводках наибольшее количество убийств и телесных повреждений зафиксировано в 1907 году – 5 и 43, соответственно. Правда, в это количество входят и те, кто пострадал во время революционных событий. Тогда произошло столкновение крестьян села Луковец, захвативших помещичьи земли, с местной полицией и солдатами Свирского полка. Тех прислали на подавление восстания и держали около двух месяцев на постое. Постой целой роты солдат показался крестьянам тяжелее самого подавления мятежа⁵.

Еще одно наблюдение журналистов начала прошлого века. По их мнению, «деревенские модницы» стали экономическим бичом крестьянского населения. Любовь к цветным тряпкам достигает громадных размеров». Как думали авторы, «покупки новых платьев происходили не из-за реальных надобностей», а опять-таки «из желания быть не хуже людей на праздниках».

Некоторые заметки были анонимны. Возможно, что их авторы сами испытали на себе (вернее, на своем кошельке) желание модниц (городских или деревенских) «быть не хуже людей»...

Огромную роль в борьбе с пьянством играла Православная Церковь. Церковь не требовала соблюдать «сухой закон», но выступала за соблюдение разумной меры при употреблении спиртного. Известный священник и общественный деятель Вологодского края – отец Тихон Шаламов регулярно выступал в печати с антиалкогольными публикациями. В 1911 году подборка его статей в газетах была издана отдельной брошюрой⁶.

Ограничить потребление алкоголя пытались земство и Городская дума. Однако, нередко действия Думы сдерживались вышестоящим начальством. Так, в ноябре 1907 года газета «Север» писала: «4 ноября состоялось очередное заседание Череповецкой Городской думы под председательством А.И. Волкова. На повестке дня <...> письмо губернатора о том, что Дума <...> попыталась ограничить торговлю спиртным до 5 часов в день. Г-н губернатор напоминает, что торговля спиртным занимает исключительное положение и не находится в компетенции Городской думы...»⁷

Таким образом, усилия общественности наталкивались на противостояние чиновничества и государственного аппарата, так как винная монополия была одним из важнейших источников дохода государства.

Примечания

¹ Грязнов П.И. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда: Дис. ... д-ра медицины. СПб.: Тип. Ф.Елеонского и К⁰, 1880.

² Там же. С.12-25.

³ Швецов А. Деревенские праздники // Вологодский листок. 6 августа. 1911.

⁴ Там же.

⁵ Шалашов Е.В. Череповецкая милиция: история и современность. Череповец, 2006. С. 48.

⁶ О. Тихон Шаламов, протоиерей. Грозная опасность. Издание Вологодского пастырского союза борьбы с пьянством. Вологда: Тип. Л. Галкина, 1911.

⁷ Григорьев Н. Череповец: Известия из заседания городской Думы // Север. 14 ноября. 1907.

А.Ю. Сорочинская
г.Череповец, Россия

Лошадиные скачки в Череповце в первой трети XX века

Первые упоминания об испытаниях лошадей в городе Череповце мы находим с 1904 года в «Заводской книге жеребцов». В данной книге имеются сведения о всех жеребцах с 1904-го до 1989 года. В книге указывались: имя, шерсть, приметы, рост, происхождение, место и дата рождения, откуда и когда поступил, куда и когда выбыл, чем болел, а также сведения о резвости и случке. Первая запись в этой книге была сделана

19 мая 1904 года о жеребце Кремне финском, о котором сообщалось следующее: «Св. рыжий, хвост и грива белые, во весь лоб лысина, переходящая в широкую проталину, расширяющуюся на обе ноздри, росту 2 арш. 3 ¼ верш., рабочего сорта, родился в 1899 г.

Согласно предписания Канцелярии Главного Управления Государственного Коннезаводства от 14го Января 1904 года за № 669, назначен в штатный состав Вологодской заводской конюшни, куда прибыл и зачислен с 30го Января 1904 года (Из С<анкт>. – Петербургской аукционной конюшни)...»

А вот заключительные строчки о судьбе Кремня: «Согласно предписания Главного Управления от 19 мая 1917 года за № 8053, перечислен в рабочие лошади»...

Ипподрома в то время в городе не имелось. Конские испытания крестьянских лошадей при участии заводских лошадей проводились на реке Шексне исключительно в зимнее время, когда река покрывалась толстым слоем льда. В 1920-е годы такие испытания устраивались Череповецким губземуправлением.

Об условиях проводившихся испытаний мы можем узнать из выписки из постановления бегового комитета от 16 января 1927 г. В ней, например, говорится следующее:

«1. К участию в испытаниях на резвость допускаются лошади не моложе трех лет. Причем не допускаются жеребцы старше пяти лет, не принимавшие участие в случной компании, и кобылы, не покрытые подряд 3 года.

2. Лошади, не участвовавшие в испытаниях ранее, в первый день пускаются для выявления резвости (с призами).

3. Выигравшей является лошадь, пришедшая к финишу первая, которая и получает первый приз. Вторая и следующая лошади получают призы в порядке прихода.

4. Вне зависимости от прихода проигрывает лошадь, сделавшая 4 сбоя, лошади рождения 1924 года и старшего возраста, сделавшие 3 сбоя. Лошадь, прошедшая призовой столб (финиш) галопом, – проигрывает. Для молодняка (1924 г.) 15 скачков – проигрывает, старший возраст – 13-й скачок (галоп) – проигрыш.

5. Экипажи произвольные.

6. Решение судей безапелляционно.

7. За опоздание к старту, а также за неповиновение стартеру последний имеет право наложить на виновного ездока штраф в размере до 10 рублей.

8. За неправильную езду, а также за всякое неправильное действие ездока, препятствующее лошадям других ездоков правильно ехать, Главный судья может оштрафовать виновного до 25 рублей.

9. После двух звонков езда по кругу воспрещается. После второго звонка допускаются на круг только лошади данного заезда. После трех звонков езда на лошадях, не участвующих в данном заезде, кроме наложения штрафа на виновного, Главный судья может лишить права участия в испытании в данный день».

Принципы премирования были следующие:

«- На полную премию имеют право лошади, выращенные в своем хозяйстве и приобретённые до 1,5-летнего возраста. Лошади, купленные старше полутора лет, заводского происхождения получают премию с понижением на 25 %. Лошади, принадлежащие нетрудовому элементу (торговцы, купцы и служители культа), премированию не подлежат;

Премирование производится по преимуществу натурой:

- сельскохозяйственными машинами и орудиями;
 - предметами крестьянского обихода;
 - племенными животными;
 - денежными и другими наградами.
- Лошади, принадлежащие государственным и хозяйственным органам, премированию не подлежат;
- При участии в заездах свыше четырех лошадей – премируются 4 лошади на тех же основаниях».

Несмотря на всю строгость правил, в испытаниях участвовали лошади из разных районов, так как это была хорошая возможность заработать или выгодно продать свою лошадь. Бега проводились в два и более дней, до 30 и более заездов за день.

В бегах принимали участие лошади из следующих мест: Пришекснинского района; города Череповец; д. Войново Череповецкого р-на; д. Таксома Череповецкого р-на; д. Большой Двор Череповецкого р-на; хут. Митроево Абакановского р-на; д. Селище Пришекснинского р-на; д. Селиваново Петриневского р-на; д. Пача Череповецкого р-на; д. Гринево Петриневского р-на; хут. Лошки Устюженского р-на; д. Курилово Череповецкого р-на; д. Кунжа Пришекснинского р-на; д. Леонтьево Пришекснинского р-на; д. Осеевской Абакановского р-на; д. Кадуй Кадуйского р-на; с. Романово Петриневского р-на; д. Байлово Кадуйского р-на; д. Чебсара Вологодской губернии; с. Нелазское Череповецкого р-на; д. Ясная Поляна Череповецкого р-на; д. Большое Панкино Вологодского уезда; д. Черепаново Пришекснинского р-на; д. Антоново Белозерского р-на и многих других.

В «Отчете о межрайонных конских испытаниях, состоявшихся в городе Череповце 30-31 января 1932г.», указывалось на «то громадное значение, какое имеет в данный момент лошадь для обороны Союза и в хозяйственной жизни страны».

В этом отчете было четко прописано и значение бегов для развивающегося Череповца, которое, по мнению составителей отчета, заключалось в следующих положениях:

«1. При выявлении на бегах качественных достоинств лошади, последняя получает свое лицо в хозяйстве и ставится в наилучшие условия содержания.

2. Проводимые испытания приковывают внимание к лошади как со стороны широкой общественности, так и отдельных низовых работников колхоза.

3. Конское испытание есть отчет годовых работ по сохранению и развитию лошади в хозяйствах и арена социалистического соревнования в работе по коневодству как между отдельными районами, так и между отдельными хозяйствами внутри каждого района.

4. Конское испытание дает возможность точно выявить производственные качества целых поколений лошадей и таким образом оценить работоспособность отдельных производителей, работающих на случайных пунктах, и индивидуальные качества каждой лошади.

5. Конские испытания дают богатый материал для дальнейшей зоотехнической работы по коневодству».

Бега проходили очень интересно, в увлекательной борьбе, на что также обращалось внимание в отчетах об их проведении. «30 января интересен 20-й заезд, в котором меряются силами две лошади конесовхоза Риголетто и Рогда и две лошади колхозов Экстерн и Хлоя, – читаем мы в том же «Отчете о межрайонных конских испытаниях, состоявшихся в городе Череповце 30-31 января 1932 г.». – Дружно, на полном ходу лошади принимают старт. Первыми вырываются Хлоя и Риголетто, оставляя соперников на корпус позади. На первой же четверти Риголетто капризничает, делает свечу и, проиграв время, уступает место наседающему Экстерну. На второй четверти Экстерн свободно обходит Хлою и занимает первое место в заезде...»

В 1934 году в Череповце был образован Межрайонный (в дальнейшем – Вологодский областной) ипподром, который до 1959 года располагался на месте нынешнего стадиона «Металлург».

II.

Милютинский архив

А.В. Всеволодов
г.Череповец, Россия

Черновики И.А. Милютина

И.А. Милютин, как известно, не получивший систематического образования, был человеком оригинальной письменной культуры. Самобытность ее заключалась и в том, что умение обращаться со словом возникло у Милютина не как социальное отличие, а как неизбежно-практическая потребность, и в том также, какое место привычка к регулярному писанию занимала в системе ценностей и жизненном распорядке городского головы. В деловой жизни *писать* для него значило почти то же, что и *работать*. В жизни приватной «сидеть в тиши своего кабинета, держать наготове карандаш и заносить на бумагу свои мысли по интересовавшему его вопросу» было, по словам Ф.И. Кадобнова, его «единственное развлечение»¹.

Амбивалентность восприятия писания как профессионального навыка и одновременно формы досуга определила состав архива И.А. Милютина. Сегодня специалистам известны опубликованные его сочинения – хотя бы в аспекте библиографии². Объем и содержание рукописного наследия Ивана Андреевича до сих пор не определены даже приблизительно. Его старший сын и деятельный соратник В.И. Милютин вспоминал, что после отца осталось множество «непечатных набросков», которые

позднее целыми «грудами» были отданы на хранение «бывшему инспектору» Череповецкого педагогического техникума Г.И. Виноградову³. О масштабах переписки можно судить по тому, что только адреса корреспондентов занимали «целую тетрадь»⁴.

Виноградов планировал на основе полученных документов составить биографию их знаменитого владельца – но замысел этот, видимо, остался неосуществленным. Немало материалов осталось на руках у В.И. Милютин, который, несмотря на преклонный возраст, тоже надеялся заняться отцовским жизнеописанием. 23 марта 1935 г. он подарил некоторую часть бумаг Череповецкому краеведческому музею (теперь – Череповецкое музейное объединение). В сдаточном списке из 67 пунктов, кроме печатных изданий, газет, карт и нескольких фотографий, значились «черновики статей Милютин о Череповце на 19 страницах», «рукопись Милютин на 13 стр.», шесть телеграмм и несколько писем. Спустя всего четыре месяца, 25 июля 1935 г., в музей от местного отделения Истпарта (комиссии по истории Октябрьской революции и ВКП(б) – А.В.) поступили чертежи к проекту расширения Череповецкой гавани начала XX в., брошюры с уставами и отчетами учебных заведений и издания некоторых работ Ивана Андреевича – всего 39 наименований⁶.

На этом документированная история милютинского архива обрывается. К большому сожалению, до сих пор не установлено, когда попало в фонды ЧКМ обширное собрание черновиков Милютин: только в составе ли двух известных поступлений, либо отдельно от них. Неясно и кто был сдатчиком документов – В.И. Милютин, Г.И. Виноградов, третье лицо или организация. Во всяком случае, можно сказать с уверенностью, что бумаги оказались в музее не позже второй половины 1940-х гг., когда о пользовании материалами «архива Милютин» упомянул в одной из своих работ историк Т.И. Осьминский⁷.

Среди всех сохранившихся в музейном собрании материалов именно черновики наиболее ценны в научном и просветительском отношении. В единственной имеющейся описи 1979 г. они были сгруппированы в 39 единиц хранения (ЧерМО, ф. 9, оп. 20, №№ 2, 5 – 43) общим объемом 283 л. Из них в девяти единицах хранения (206 л.) документы учтены суммарно (ср. № 43: «Черновые бумаги И.А. Милютин. 54 л.»). Впоследствии эта весьма неточная систематика была нарушена, документы перемешаны и пронумерованы в произвольном порядке.

На сегодняшний день в анализируемом комплексе выявлено около 130 отдельных текстов разной степени завершенности, охватывающих период с 1856 по 1906 г. 128 из них исполнены карандашом и, реже, чернилами; только два самых поздних документа – машинописные. По

сколькo идентификация черновиков серьезно затруднена, эти цифры не являются окончательными.

По времени написания, характеру авторского участия и внешним признакам бумаги могут быть разделены на две группы. К первой относятся документы 1860–1870-х гг. – преимущественно недатированные карандашные автографы. Особенностью этого периода является полное отсутствие секретарских копий. Графика текстов характеризуется относительной простотой чтения, значительным, хотя и гораздо меньшим, чем в более поздние годы, количеством авторских правок. В рукописях достаточно строго соблюдается линия полей, располагаемых пока только слева. Практически отсутствует характерное для позднего Милютинского многократное вымарывание, упрощен набор знаков, которыми маркировались вставки в основной текст, дописывавшиеся автором в подстрочнике или на полях.

Среди бумаг 1880–1890-х гг. преобладают документы, написанные чернилами: карандаш (в том числе цветной – красный или синий) используется теперь при редактировании, для оставления в рукописях помет и т.п. и реже – в качестве основного материала записи. В это время происходят существенные изменения в свойственной автору индивидуальной манере письма (на уровне грамматики, словаря языка и стиля текстов, их тематического и жанрового репертуара и, наконец, визуальных признаков). Об этом свидетельствует появление секретарских копий и развившаяся, особенно к 1900-м годам, склонность Ивана Андреевича датировать собственноручные записи.

Секретарские копии исполнялись сотрудниками Милютинского по его первоначальным наброскам, затем просматривались автором, корректировались и дополнялись, после чего при необходимости переписывались еще раз – но и в таком измененном виде вновь внимательно прочитывались. Качество копий (в смысле успешности понимания копиистами оригинального текста) было разным. Графика авторского почерка в последние два десятилетия XIX в. значительно усложнилась в связи с естественными возрастными изменениями. Очертания букв стали ломаными, отдельные их элементы редуцировались, удлинились соединительные линии, часто не дописывались окончания слов и др. Как следствие, ошибочность чтения, соединенная с необразованностью переписчика, обращала, например, «интеллигентного» человека в «интолигентного», а «эрудицию» – в «друдизию»¹⁰. Милютин раз за разом исправлял и дополнял копию лично, либо поручал это самому переписчику. В итоге на один лист записей приходилось до двух десятков правок и более, из-за чего в рамках копии параллельно формировались сразу три версии тек-

ста – первоначальная секретарская, секретарская с правками переписчика и конечная, трансформированная в ходе авторского просмотра.

Скрупулезная редактура служит самой надежной приметой милютинского стиля. Наиболее ярко ее атрибутивное значение проявляется как раз в рукописях 1880 – 1890-х гг., в которых нередко из тридцати строк текста на листе только одна или две могут остаться незачеркнутыми или не тронутыми правкой. Напряженность, высокий темп разнонаправленной умственной работы – когда в один и тот же день из-под авторского пера могли выйти несколько телеграмм деловым партнерам или сотрудникам, письмо в газету и «эскиз» речи или статьи – показывают себя в особенностях редакторского метода Милютина. Его отличает обилие выносных записей, дополняющих основной текст. В маркировке выносок прослеживается вполне оформившаяся их нотация: первая из них по порядку обозначалась знаком в виде латинской буквы «X», вторая – «XX», иногда вписанными в овал. Следующие сноски маркировались знаками в виде наклоненной вправо кириллической «Г», латинской «F» – и так далее. Размещение выносных записей хаотично: для этого мобилизуется все внетекстовое пространство листа, так что визуально проследить связь выносок с дополняемым или комментируемым местом рукописи возможно иногда только по символу сноски. Колебания линии полей нарушали прежде строгую геометрию основного текста: характерны короткие, скошенные строки с уменьшенными, в том числе за счет правок, междустрочными интервалами. Свободная площадь листа «поглощалась» и другим способом. Нередко выносной текст писался внизу листа по ширине основного и «навстречу» ему (лист для этого переворачивался).

Предстоит еще установить границы, уточнить содержание и датировку многих текстов, выявив генетические связи между их разрозненными фрагментами. Атрибуция черновиков Милютина требует, как видно, основательного знания их палеографических и текстологических особенностей, то есть и анализа некоторых присущих автору черт текстового поведения (не только самой технологии творчества¹¹, но и особенностей хранения, учета, копирования сочинений, даже их чтения в кругу близких автору лиц, отношения к опубликованным текстам и их рукописным оригиналам и т.д.)¹². Все это – предмет будущего исследования. Однако дать характеристику видового состава и познавательного потенциала названных материалов можно уже сейчас.

Всю обследованную совокупность черновых бумаг можно подразделить на несколько групп¹³. *Биографические документы* в составе комплекса малочисленны. Это относящиеся ко второй половине 1850-х гг.

краткие заметки о поездке с семьей на дачу¹⁴ и тетрадь с ежедневными заметками, сочетающая в себе черты дневника, записной книжки и списка дел. Страницы тетради использовались и как «пространство» для любимого Милютиним отдыха – с карандашом в руках. Об этом свидетельствуют оставленные на них многочисленные арифметические расчеты, пробы пера, рисунки, схемы и даже миниатюрные чертежи. Обилие вспомогательных графических элементов, наличие в них устойчиво повторяющихся мотивов (например, цифр 8 и 9 в разных размерах и начертаниях), открывает возможности для их расшифровки, историко-психологической и семиотической интерпретации. Такой опыт был бы полезен в контексте исследования рекреационной роли письма как посредника при взаимопроникновении частного и общественного, личного и публичного в повседневной жизни И.А. Милютина.

Следующий классификационный разряд составляют *документы служебной деятельности*. Здесь в первую очередь нужно назвать черновые списки дел, разнообразные заметки, проекты решений Городской думы и указы (например, по поводу постройки каменного здания торговых рядов¹⁵, о передаче окружному суду «городского общественного дома»¹⁶), официальных обращений к ней городского головы.

Первое место по значению в исследуемой совокупности источников, безусловно, занимают *творческие материалы*. В их числе автографы пяти стихотворений, или, скорее, стихотворных набросков, объединенных общим секретарским заголовком «Проба пера Ивана Андреевича по поэзии». Далекое, конечно, от художественного совершенства, они демонстрируют немалую широту поэтических интересов автора: от описания природы, в котором легко угадывается вид Соборной горки («Крутым изгибом прилегает / К стенам обители река <...> Густые сосны боровые / Как будто дремлют над водой...») до размышлений о судьбах балканских славян под властью Османской империи («Доколе древнему народу / Под игом варварства стенать?...») и тщете собственной жизни («Но тяжело, трудно как-то мне приходит расставанье / С шумным светом, с бездною соблазнов...»)¹⁷.

Вторая категория творческих материалов – рукописи. В секретарской копии сохранился набросок на трех листах, озаглавленный «Дополнительное мнение череповецкого городского головы И.А. Милютина об отбывании воинской повинности смешанным способом». В нем, по видимому, автор впервые попытался зафиксировать мысли, которые затем легли в основу его «выкупного» проекта¹⁸. Другой рукописный фрагмент под названием «Не старое, не новое...» содержит начало ста-

тьи о призрении беспризорных детей в уездных городах путем развития частной благотворительности¹⁹.

Интересна небольшая записка «О мелкой земской единице как фундаменте народно-государственного здания, продолжающая линию опубликованной в 1903 г. брошюры «Основная земская единица в пределах прихода»²⁰. Заметка «Петербург без головы» посвящена анализу новой редакции Городового положения для Санкт-Петербурга 1904 г., в которой значительно урезались полномочия градоначальника²¹. Статья 1905-1907 гг. «О Смуте нынешней и Смутном времени 1612–1613 годов» представляет собой обращение к охваченному революционными волнениями русскому крестьянству²². В двух машинописных экземплярах дошли до нас составленные И.А. Милютиным «Практические заметки о съезде делегатов «Союза 17-го октября», происходившем в Москве 8 – 12 февраля 1906 года»²³.

Только в дефектном списке дошел до нас небольшой очерк «Беглая характеристика городского общества в 60–70-х годах»²⁴. Общество это, по мнению автора, «мало чем отличалось от сельского, разве только некоторые купцы, бывшие часто в торговых городах практически развиты, имели, получившие дома, побольше материальное состояние, но обычаи, взгляды патриархальные с торгово-рыночными чертами: об общественных нуждах и интересах и в голове ни у кого не было, общественное, как и указанное, всё это представлялось чужим, которым, если придется, можно пользоваться такими или иными путями. Значит, о радении в пользу общую ни у кого не было и мысли. Таковое воспитательное направление, очевидно, унаследовано от былых времен из рода в род; единственно, что представляло общий интерес и влечение – это церковь». Когда со временем «застоявшиеся мозги получили некоторое движение», выяснилось, что и в этом патриархальном мирке находятся люди, по-своему замечательные. Например, воспитанник А.В. Верещагина (дяди знаменитых братьев) П.С. Савин, который «в 20-25 лет сделался с такими большими сведениями (эрудицией), что при нем никогда не заврется поверхностно образованный господин», «почти всех наиболее видных философов <...> хорошо знал, не как неразвитый начетчик», но, по печальному русскому обыкновению «страдал наследственной способностью к напиткам». Письмоводитель Городской думы мешанин В.И. Гусев «массу читал ежемесячных журналов и других серьезных книг, имел громадную память, законы, нужные по тому времени, узнал, как никто в губернии, писал стихи, письма. У него было совершенно дело образованного человека: [он] преимущественно писал то, что дает заработку – прошения, объяснения, отзывы, представления и. т.п., писал без

указанного». Не похож на этих двоих был И.С. Волков – «человек наиболее практического склада и с характером», который, «несмотря на малограмотность, смотрел на общественные вопросы и на средства к разрешению их правильно».

От отдельных характерологических зарисовок Милютин впоследствии перешел к крупным повествовательным формам. Подробного рассмотрения заслуживает статья «Как и почему возник и развился нигилизм в Череповском уезде, впоследствии превратившийся в анархизм...», известная в краеведческой литературе²⁵. Первым обратился к ней еще Т.И. Осьминский, в очерке которого специальный раздел отведен был характеристике политических взглядов Милютина и, в частности, его отношения к революционному движению последней четверти XIX в.²⁶ Многократно пользовалась материалами рукописи и Э.П. Риммер²⁷.

«Заметка» о нигилизме примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, это самый большой известный текст в собрании черновых бумаг. Во-вторых, в ряду прочих публицистических работ Ивана Андреевича она не имеет аналогов как по тематике, так и по своей жанровой сущности. Характерная черта милютинского стиля (умение в самых практических, казалось бы, конкретных вопросах найти материал для глубоких обобщений) узнается в ней отчетливо: размышления об общественной борьбе в Череповце и уезде легко прилагаются к «жизненному полю» и всей провинциальной России последней четверти XIX в., с поправкой на имена действующих лиц и фактические детали. Милютин проявляет себя в ней не просто как публицист, тонко чувствующий злободневное, но и как исследователь, способный к аналитической ретроспекции. В поле авторского внимания почти четверть века, с начала 1860-х до середины 1880-х гг. В работе характеризуются ход городского «благоустройства» и его неожиданно напряженный общественно-политический фон. В пореформенном Череповце боролись друг с другом городская голова и земство. В среде земцев подлинными либералами враждовали с «фальш-либералами». И, наконец, «светлые деятели» противостояли «нигилистам»²⁸. Когда первые полностью исчезли с местного горизонта, а нигилистические «гнезда», наоборот, окрепли, то сторонники «отрицательного направления» попытались взять под свой контроль не только земство, но и весь уездный город. Главной мишенью они выбрали Череповецкий общественный банк. Дважды, в 1871 и 1883 гг., намеренно распространялись слухи о его скором банкротстве, вызвавшие у горожан настоящую панику. Опровергнуть их городскому голове удалось с большим трудом: потребовались гарантии Министерства финансов.

Обращение к нигилистической теме сделало Милютину, по существу, первым историком пореформенного Череповца. По совпадению, его преемником в советское время стал не кто иной, как Г.И. Виноградов. В рукописи доклада об общественной жизни города после отмены крепостного права он заметил, что «череповецкий разночинец – чистый продукт капитализма»²⁹.

Работа о нигилизме и нигилистах сохранилась только в секретарской записи. В фонде письменных источников ЧерМО выявлено в общей сложности семь ее фрагментов, в том числе четыре – части первой и по одному – второй, третьей и пятой. Часть четвертая, предположительно, утрачена, у части третьей отсутствуют начало и окончание.

Из рукописей первой части три (условно обозначим их P1-P3) представляют собой последовательно создававшиеся редакции, снабженные, в отличие от остальных, словесным заголовком. Все рукописи одного почерка, с авторской правкой, объемом в шесть (P1, P2) и восемь (P3) листов двусторонней записи. В 1966 г. они были сброшюрованы в одно дело³⁰. Четвертая рукопись (P1a, шесть листов)³¹, выполненная другим почерком и на бумаге другого сорта, вероятно, стоит ближе других к гипотетическому протографу, а из остальных текстуально больше других схожа с P1. P3 среди всех наиболее информативна в смысле датировки текста. По сделанной на ней И.А. Милютиным надзаголовочной помете «Оригинал 10 ноября 1885 г.» можно заключить, что замысел обозрения истории череповецкого нигилизма сложился у городского головы задолго до развязки описанного в «заметке» конфликта с земством³². Характерно, что P1a, P1 и P2, не имевшие после завершения третьей редакции прежней практической ценности, были им помечены как «запасные». Установлению связей между рукописями помогали и цифровые пометы в верхних уголках каждого листа, соответствовавшие номеру каждой части (P4-P6). То, что статья создавалась буквально по следам многих из описанных в ней событий, подтверждается и данными трех оставшихся рукописей (часть вторая – P4 (4 л.)³³; часть третья – P5 (5 л.)³⁴; часть пятая – P6 (14 л.)³⁵, также одного почерка с правками Милютина). Пятая часть вряд ли могла появиться ранее поздней осени 1885 – начала 1886 гг. (судя по указанию о приезде в Череповец «комиссии» по проверке деятельности земства). Не противоречат этому заключению и данные внешней критики. По штемпелям изготовителя («Фабрики наследников Сумкина» – № 4» в P2 и P5, «№ 5» в P6, «№ 6» в P1³⁶) бумага всех трех манускриптов датируется 1882 г. С поправкой на то, что типичный для документов описываемого времени срок залежности бумаги (то есть раз-

рыв между временем ее изготовления и использования) равен трем – четырем годам, получаем искомую дату³⁷.

Вопрос об атрибуции работы связан с проблемой ее датировки и реконструкцией процесса ее написания. Последний включал, как минимум, четыре этапа: 1) первичную запись секретарем под диктовку или с авторского оригинала; 2) авторское чтение и редактирование: вымарывание отдельных фрагментов текста, добавление новых в надстрочных выносках или на полях; 3) секретарское редактирование согласно авторским указаниям; 4) второе авторское чтение и дополнительное редактирование.

Сложностью творческого процесса обусловлено наличие текстуальных повторов между Р3 и Р4-Р6. Редакторское вмешательство Милютина только в Р1 и Р3 дошло до последней стадии. В Р1а оно ограничилось вторым этапом, в Р4-Р6 – тремя. Обращает на себя внимание, что многие секретарские правки исполнялись по заранее написанному авторскому тексту. Переписчик чернилами «восстанавливал» его своей рукой, слово в слово, предварительно стерев оригинальную правку (она, чаще всего, делалась карандашом). В Р5 и Р6 эти первоначальные карандашные записи читаются иногда даже после вымарывания, благодаря тому, что переписчик переносил их прямо в то место, к которому они относились, в то время как Милютин лаконичной внутритекстовой правке порой предпочитал маргиналии. На конечном этапе между автором и секретарем существовало, видимо, разделение труда. Так, в Р4 Милютин взял на себя функцию редактора, оставив переписчику корректорские обязанности – исправление орфографических и пунктуационных ошибок, неверно записанных (или прочтенных) слов³⁸.

В отношении к тексту Милютин-редактор придерживался двух стратегий – «интенсивной», когда его развитие шло прежде всего за счет уточнения формулировок, и «экстенсивной», когда текст постепенно «достраивался», от чтения к чтению наполняясь новыми деталями.

Возьмем фрагмент из Р1а после авторской правки:

...а те из образованного общества более или менее интеллигентных, либеральных, благонамеренных людей, которые заформировали себя в департаменты, равно как и во все новые учреждения, разумеется, ввиду бывших потемок, не могли не покровительствовать в принципе развитию этих двух высоких дел, образования и здоровья.

В Р1 до редактирования имеем уже следующий текст (внесенные изменения здесь и ниже выделены нами полужирным шрифтом):

... а те из образованного общества, более или менее интеллигентных, либеральных, **благомыслящих** людей, которые заформировали себя в департаментах, равно как и во все новые учреждения, разумеется, ввиду бывших потемок, **и притом не зная хорошо подкладку новой деятельности**, не могли не покровительствовать в принципе развитию этих двух высоких дел – образования и здравия.

То же место с исправлениями секретаря выглядит следующим образом:

... а те из образованного общества, более или менее интеллигентных, либеральных, **благомыслящих** людей, которые **предпочли службу в департаментах, а тем более в новых судебных учреждениях, всякой земской**, разумеется, ввиду бывших потемок, и притом не зная хорошо подкладку новой деятельности, не могли не покровительствовать в принципе развитию этих двух высоких дел – образования и здравия.

И с правкой И.А. Милютина:

... а те из образованного общества, более или менее интеллигентных, либеральных, **благомыслящих** людей, которые **предпочли службу всякой земской в департаментах и в новых судебных учреждениях, успокоившись своим положением**, разумеется, ввиду бывших потемок **массы**, и притом не зная хорошо подкладку новой деятельности, не могли не покровительствовать **в принципе и на деле** развитию этих двух высоких дел – образования и здравия.

В последнем виде текст фрагмента переходит во вторую редакцию (Р2), где, после милютинских корректив, изменяется в такой:

...а те из образованного общества, более или менее интеллигентных, либеральных, **благомыслящих** людей, которые **хотя и предпочли службу всякой земской в департаментах и в новых судебных учреждениях, успокоившись своим положением**, разумеется, **<не переставали сочувствовать, но уже платонически>**, не могли не покровительствовать в принципе и на деле развитию этих двух высоких дел – образования и здравия, не зная хорошо подкладку **<новых деятелей>**.

В окончательном виде (Р3), с учетом последовательного двойного редактирования, получаем следующий текст:

А те из образованного общества, более или менее интеллигентных, либеральных людей, которые хотя и предпочли земской службе службу в департаментах и в новых судебных учреждениях, **но все-таки они не могли забыть, не могли не покровительствовать как в принципе, так и на деле развитию этих двух высоких дел – образования и здравия.**

Таким образом, налицо своеобразное, кольцевое развитие текста: вырастая в объеме от редакции к редакции, на заключительном этапе развития он как бы возвращается в границы первоначальной версии. Содержательные изменения в нем при этом минимальны.

Рассмотрим теперь обратный пример. В P1a имеем первоначально такой фрагмент:

Печать, лелея принцип самоуправления, следовательно, и земства, старалась всеми мерами скрывать и прикрывать недостатки в его деятельности, оправдывая эти недостатки молодостью его, с одной стороны, а с другой – боясь, что если раскрывать все недостатки, то, пожалуй, правительство в лице людей, не совсем податливых на уступки основных принципов управления страной, может похерить нововведение, для которого еще русский народ не созрел. В земский двор оказались не только открытыми все ворота, но и никакой изгороди около его: топчи все народное жизненное поле, сколько угодно. Стоило только взять в руки и поднять либеральное знамя – тут действительно повалили со всех сторон и зверьки, и люди умные и полусумасшедшие, и с ними и все общественные подонки.

То же место в P1 после исправления Милютиным выглядит так (изменения здесь и далее выделены нами полужирным шрифтом):

Печать, лелея принцип самоуправления, **а, следовательно, и земства,** старалась всеми мерами скрывать и прикрывать недостатки в его деятельности, оправдывая эти недостатки молодостью его, с одной стороны, а с другой – боясь, что если раскрывать все недостатки, то, пожалуй, правительство, в лице людей, не совсем податливых на уступки основных принципов правления страной, может похерить сочувственное нововведение, для которого **если русский народ еще не созрел, то-де, практикуясь, наверное созреет.** Отсюда в земском дворе оказались не только открытыми все ворота, но и никакой изгороди около его **не существовало** – топчи народное жизненное поле, **отданное правительством случайным людям, сколько угодно; стоит кому угодно только взять в**

руки и умело поднять либеральное знамя – и разгуливай по нем; <низшая власть общества еще будет делать под козырек, боясь за свое существование>.

И, наконец, вот как выглядит итоговый вариант в Р3:

Печать, лелея принцип самоуправления, следовательно, и земства, старалась всеми мерами скрывать и прикрывать недостатки в его деятельности, оправдывая эти недостатки молодостью его, с одной стороны, а с другой – боясь, что если раскрывать все недостатки, то, пожалуй, правительство в лице людей, не совсем податливых на уступки основных принципов правления страной, может похерить сочувственное нововведение, для которого, если русский народ еще не созрел, то-де, практикуясь, наверное, созреет. Отсюда в земском дворе оказались не только открытыми все ворота, но и никакой изгороди около него не существовало: топчи, сколько угодно, народное жизненное поле, отданное правительством случайным людям. Стоит только взять кому угодно в руки и поднять повыше либеральное знамя – и разгуливай по нем. **И действительно, повалили на это поле со всех сторон (по крайней мере, так вышло у нас) и звери и люди. Словом, шли рядом со здоровыми людьми зачумленные, а с ними и все общественные подонки.**

Здесь наблюдаем последовательное увеличение объема текста на каждом этапе.

Имеются стилистические различия между первой и остальными частями работы, в частности, происходит перемена в манере изложения – форма первого лица заменяется формой третьего лица (сравните.: «...я далек от мысли думать и обобщать это уродливое явление в Череповском земстве со всеми остальными земствами в стране» в Р1а и «...пишущий далек от мысли думать и обобщать это уродливое явление в Череповском земстве со всеми остальными земствами в стране» в Р3, «...небольшой кружок простых, но толковых людей под руководством городского головы И.А. Милютинина» и «Насколько точно я передаю эти слова – не ручаюсь ...» в Р4). Встречающиеся лексические повторы, а также некоторые фактические несообразности³⁹, позволяют поставить вопрос о степени авторского участия Ивана Андреевича в написании статьи. Вполне возможно, что компоновка Р4-Р6 или даже составление их принадлежит не Милютину, а другому лицу – кому-то из круга сотрудников городского головы, либо из числа череповецких думцев. Несомненно, однако, что за Милютиним оставалось право конечной редакции.

От трудностей текстологии черновиков вернемся теперь к вопросу об их составе. Целый ряд набросков посвящен перспективам развития судоходства на Волге и Свири, вопросам реконструкции Мариинского водного пути, а в связи с этим – развитию речной торговли и собственного дела братьев Милютиных. Таковы, в частности, «Заметка о судоходном состоянии реки Волги от Ржева до Твери и о мерах к устранению на ней препятствий судоходства»⁴⁰ и неоконченная статья «Паровая сила на Шексне и Свири»⁴¹.

В сюжетный репертуар бумаг Милютина входит еще несколько крупных тем – земство и пороки его текущей деятельности; крестьянство и крестьянское хозяйство; положение городского сословия; развитие транспортной, прежде всего, – железнодорожной – инфраструктуры, тарифное регулирование; налоговая политика. Однако эти материалы фрагментарны и нуждаются в дополнительном изучении. Того же требуют тексты публичных выступлений (благодарственных речей перед череповецкой Думой и мещанским собранием, Комиссией по выработке Городового положения 1870 г. и др.), обращений, приветственных адресов.

Деловая документация представлена записками, счетами, сметами, набросками «условий» (контрактов). Тесно связан с ней следующий блок материалов – *исходящая переписка*. В ее составе обращает на себя внимание обилие черновиков телеграмм (21 шт., то есть примерно шестая часть всего собрания). Даже учитывая специфический характер содержащейся в них информации, значение данных текстов нельзя недооценивать. Они не только позволяют понять обширность предпринимательских контактов Милютина, но и позволяют в известной мере судить об интенсивности его экономической деятельности и сопровождавшей последнюю письменной работы. В том же смысле интересны и письмо Ивана Андреевича в редакцию казанского «Биржевого листка»⁴², и фрагменты переписки о судебных спорах, в которых участвовало «Товарищество братьев Милютиных»⁴³.

Среди 16 выявленных писем разным лицам примечательно одно – адресованное новгородскому губернатору О.Л. Медему. В нем сообщалось об устройстве иконостаса в церкви при Череповецкой Мариинской женской гимназии. Первоначальный его текст помечен февралем 1905 г., а уже в марте он был переделан в письмо о том же архиепископу Новгородскому Гурию⁴⁴. Так, редакторская экономность Милютина привела к тому, что на одном и том же материальном носителе совместились не просто версии одного текста, но два самостоятельных документа, причем один из них возникал прямо из другого. Разница заключалась в том, что

письмо Медему написано было чернилами, а возникшее «поверх» него письмо владыке Гурию – карандашом.

Предшественнику Медема Э.В. Лерхе Милютин сообщал около 1870–1871 гг., что в Череповце, по желанию губернатора, скоро будет заведено фонарное освещение и «приличная» каланча. «... она устраивается, но не одна, а вместе со зданием для помещения присутственных мест – Думы, сиротского суда, правления банка и общества взаимного страхования от огня, полицейского управления <...>. Все это строится с согласия городского общества, не дожидаясь даже разрешения губернского начальства <...>», – писал Иван Андреевич. «Женское училище, – продолжал городской голова, – получило в настоящее время вид гимназии. В параллель воспитанию девочек необходимо поставить и мальчиков, почему к трем существующим классам уездного училища еще нужно учредить четвертый, так называемый дополнительный класс для более законченного воспитания <...>»⁴⁵.

В массиве черновых бумаг сохранились также деловые письма и записки Милютину от неустановленных лиц⁴⁶.

Обзор состава черновиков позволяет наметить ближайшие перспективы их изучения. Помимо дальнейшей атрибуции, фондирования и постановки на музейный учет, необходимо также и каталогизировать все имеющиеся документы с возможной публикацией ряда наиболее ценных рукописей. Это позволит не только ввести данные материалы в научный оборот, но и послужит стимулом к дальнейшей многосторонней разработке проблем биографии И.А. Милютина и истории его архива.

Примечания

¹Кадобнов Ф.И. Краткий очерк возникновения города Череповца Новгородской губернии и его героический рост за время 50-летней деятельности городского головы И.А. Милютина. Калуга, 1910. С. 11.

² См., например: Череповецкий край в печатных изданиях 1869–1917 годов: Список литературы / Сост. Н.Н. Фарутина. Вологда, 2004.

³ Милютин В.И. Материалы для биографии об Иване Андреевиче Милютине // Фонд письменных источников Череповецкого музейного объединения (далее везде сокращенно: ЧерМО). Ф. 9. Оп. 20. Ед. хр. 63. Л. 40 об. Инв. н. ЧКМ 990/66. Подлинник. Рукопись. О Виноградове см., например, в кн.: Очерки по истории народного образования в Череповце. Вып. 1. Л., 1970. С. 92.

⁴Милютин В.И. Материалы для биографии об Иване Андреевиче Милютине. Л. 40 об.

⁵ Текущий архив отдела фондов ЧерМО. Акты приема в постоянное пользование. Дело 1935 г. Л. 26–26 об.

⁶ Там же. Л. 51–52 об.

⁷ Осьминский Т.И. Очерки по истории Белозерского края // ЧерМО. Ф. 29. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 220. Прим. 282. Инв. Н. ЧерМО 15332/1. Машинописный экз.

⁸ В очерке Ф.И. Кадобнова процесс составления И.А. Милютиным устава Волжско-Камского коммерческого банка описывается так: «Над выработкою этого устава он в конце 1869 г. работал день и ночь, что называется без отдыха. С черновым проектом этого устава мне приходилось неоднократно бывать у г. Кокорева (В.А. Кокорев, соучредитель банка. – А.В.); наконец, пришли к окончательной редакции устава, и Иван Андреевич засадил меня с товарищем в 4 часа дня за окончательную переписку его в 2-х экземплярах, чтобы он был готов к утру следующего дня, так как торопились его представить к утверждению. Устав был изготовлен к назначенному времени...» (Кадобнов Ф.И. Указ. соч. С. 26). Печатный текст документа в итоговой редакции занял 23 страницы, см.: Устав Волжско-Камского коммерческого банка. СПб., 1870.

⁹ Милютин И.А. Заметка. Беглая характеристика городского общества в 60–70-х годах, г. Череповец // ЧерМО. Ф. 9. Оп. 20. Ед. хр. 7. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Говоря так, следует понимать, что «лабораторию творчества» невозможно изучать только по черновикам, каков бы ни был масштаб личности пишущего. Как отмечал С.М. Бонди, проблема эта – «громадная и очень трудная» для столь смелых экстраполяций (Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М., 1978. С. 4).

¹² О значении термина подробнее см.: Чудакова М.О. Рукопись и книга: Рассказ об архивоведении, текстологии, хранилищах рукописей писателей. М., 1986. С. 55 и далее.

¹³ Примерная группировка дается здесь по изд.: Методические рекомендации по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения. М., 1971.

¹⁴ Инв. н. ЧерМО 15192. Автограф. 1 л.

¹⁵ ЧерМО. Ф. 9. Оп. 20. Разрозненные бумаги. По старой сплошной нумерации. Л. 65.

¹⁶ Там же. Л. 140.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 9 («И.А. Милютин. Черновики набросков статей в прозе и стихах»). Инв. н. ЧерМО 15188–15191.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 13. Сохранился также типографский оттиск «Мнения», датированный 28 января 1872 г. (ед. хр. 63, л. 1–5). Таким образом, упомянутый набросок, вероятнее всего, следует отнести к более раннему времени.

¹⁹ Там же. Разрозненные бумаги. Л. 157–160. Секретарская копия с правками автора.

²⁰ ЧерМО. Ф. 9. Оп. 20. Ед. хр. 12. Инв. н. ЧерМО 14397. О ней см.: *Всеволодов А.В.* Об одной черновой рукописи И.А. Милютин (к истории проекта «основной земской единицы») // Милютинские чтения. И.А. Милютин и социокультурный мир русской провинции: от прошлого к будущему: Сборник научных работ. Выпуск VI. / Ред.-сост. А.Е. Новиков. Череповец, 2013. С. 11–19. В предисловии к публикации автором допущена неточность: в архивном шифре неправильно указан номер описи («оп. 1» вместо «оп. 20»).

²¹ ЧерМО. Ф. 9. Оп. 20. Ед. хр. 6. Инв. н. ЧКМ 1322/4.

²² Там же. Ед. хр. 10. Инв. н. ЧерМО 15187.

²³ Там же. Ед. хр. 14. Второй экз. в опись не включен.

²⁴ Там же. Ед. хр. 7. Л. 2–8.

²⁵ Там же. Л. 9–28.

²⁶ Осьминский Т.И. Череповецкий городской голова Милютин (1830–1907) // ЧерМО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 9. Л. 38. Инв. н. ЧерМО 15332/9. Машинописный экз.

²⁷ Риммер Э.П., Бородулин М.А. Дело и река. Рыбинск, 2006. С. 202–204; Они же. Прогулки по Воскресенскому проспекту. Череповец, 2009. С. 74–75; Риммер Э.П. Н.В. Верещагин и его вклад в развитие молочного дела в Череповецком уезде Новгородской губернии (к 165-летию со дня рождения) // Верещагины. Мир. Семья. Война. Материалы Всероссийской научной конференции. Череповец, 2004. С. 46, 48–49; Она же. И.А. Милютин и экстренная правительственная мера по отношению к Череповецкому земству // Милютинские чтения. Череповец: прошлое, настоящее, будущее. Сб. науч. ст. Череповец, 2004. С. 8–16).

²⁸ «Нигилистами», как видно из текста работы, Милютин считал и народников 1870-х годов («чистую нигилистическую партию с задачами «более отвлеченными, чем положительными»), и радикальных «представителей новейших социал-анархических школ», и вообще «приверженцев отрицательного направления». Подобная многомерность и одновременно размытость восприятия проблемы была свойственна всему русскому обществу (см.: Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М., 2014. С. 238–242; Она же. «Нигилист» – «преступник» – «недоучка»: образы террориста и их восприятие русским обществом, 1879–1881 гг. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2010. Выпуск 2 (14). С. 37–50).

²⁹ Виноградов Г.И. Общественная жизнь в Череповце в 60-х и 70-х годах прошлого столетия // ЧерМО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 7. Подлинник, рукопись.

³⁰ ЧерМО. Ф. 9. Оп. 20. Ед. хр. 7. Л. 9–28. Инв. н. ЧерМО 15186/1.

³¹ Инв. н. ЧерМО 15186/2.

³² В 1888 г. череповецкое уездное земство из-за своих антиправительственных настроений и действий впервые в истории земских учреждений было временно распущено. Об этом см.: Риммер Э.П. И.А. Милютин и экстренная

правительственная мера по отношению к Череповецкому земству // Милютинские чтения. Череповец: прошлое, настоящее, будущее... С. 8–16; Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 22.

³³ Инв. н. ЧерМО 15186/3.

³⁴ Инв. н. ЧерМО 15186/4.

³⁵ Инв. н. ЧерМО 15186/5.

³⁶ Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные надписи на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 110. № 202.

³⁷ См.: Роголин Н.Г., Назаренко К.Б., Сиренов А.В. Специальные курсы по источниковедению истории России / Отв. ред. С.Г. Кашенко. М.; СПб., 2006. С. 49–50.

³⁸ Из 56 учтенных правок самим Милютиным внесены 22, из которых только одна – корректорская. Напротив, рукой секретаря были сделаны 34 правки, в том числе 28 корректорских.

³⁹ Например, как было замечено в устной беседе А.В. Черновым, слова о земстве, приписываемые в Р4 А.Н. Попову, на самом деле заимствованы из ранних сочинений Милютина и принадлежат ему.

⁴⁰ ЧерМО. Ф. 9. Оп. 20. Ед. хр. 18.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 16–17.

⁴² Там же. Разрозненные бумаги. Л. 87–88.

⁴³ Там же. Л. 264, 275, 276.

⁴⁴ Там же. Л. 135–136.

⁴⁵ Там же. Л. 137 об.

⁴⁶ Там же. Л. 241, 254, 255, 265–265 об., 269–270 и др.

И.А. Милютин-публицист

А.В. Чернов
г. Череповец, Россия

Книга И.А. Милютина «Россия и Германия»: экономический контекст российско-германских отношений

В простом заглавии изданной в 1894 г книги в комментарии нуждается почти каждое слово. Иначе сложно понять, почему городской голова небольшого уездного российского города Череповца, насчитывавшего в конце XIX века около 10 000 жителей, вдруг берется рассуждать о международных проблемах, издавать в столице книгу с таким названием...

Поэтому начнем с некоторых дополнительных объяснений. Иван Андреевич Милютин (8.04/20.04.1829 – 4.07/17.07.1907) – купец, судовладелец, промышленник, основатель компании «Торговое пароходство братьев Милютиных и К^о» – в 1853 году избирается бургомистром города, затем – в 1861 – городским головой. В этой должности остается 46 лет, по требованию горожан, несмотря на неоднократные попытки в зрелом возрасте уйти в отставку по состоянию здоровья. В 1845 г., в 16 лет, Иван Милютин впервые провел барки с грузом зерна (по другим сведениям – со скотом) по Мариинской системе из Рыбинска в Санкт-Петербург. К 1861 году братья Иван и Василий Милютины были известнейшими предпринимателями, владельцами сотен судов (включая первый пассажирский пароход «Смелый»), приобретенный ими пароход «Филипп Ирапский» положил начало буксирному пароходству, сменившему на Мариинской системе конскую тягу и бурлацкий труд. Вопреки стереотипам, распространенным благодаря известному поэту-демократу Н. Некрасову, выезжавшему, кстати, на охоту по Волге на собственном пароходе, на Мариинской системе, как по всей Европе, в основном, использовалась конская тяга. Это приводило к тому, что берега рек разрушались, а самое страшное – в период эпидемии сибирской язвы на этих берегах возникало множество скотомогильников. Вместо бурлаков и лошадей в 1863 году появляются выгодно арендованные Милютиными у разорившейся франко-русской компании 7 пароходов-туэров, передвигавшихся с помощью проложенной по дну русла цепи и не нуждавшихся в дополнительной тяге. Собственные суда Милютиных (в том

числе построенные в Череповце) плавали по всему миру, доставляя грузы и в Европу, и в США.

Отсюда первое объяснение издания такой книги: бизнес-интересы братьев Милютиных выходили далеко за пределы родного городка, носили международный характер.

Хорошо известна просветительская деятельность И.А.Милютина, полагавшего, что основа успешной экономики, промышленности – правильное образование. Благодаря его усилиям в Череповце появляются Александровское техническое училище (1869), Мариинская женская гимназия (1873), реальное училище (1875), учительская семинария (1875), женское профессиональное училище (1887) и ряд других. Уже в 1896 г. в городе 11 учебных заведений, 1400 учащихся ... В 1908 г. в городе, общее число жителей которого было чуть меньше 10 000, – 1937 учащихся. Милютин настаивал на просвещении как ключевом факторе экономики, отсюда его активнейшая публицистическая деятельность. Он постоянно выступал со статьями, заметками в петербургской прессе, издавал брошюры и книги по актуальным экономическим и политическим вопросам¹.

Это второе объяснение: книга «Россия и Германия» для Милютина не случайность, а важный момент его деятельности как просветителя и публициста. Сегодня мы бы сказали, что Милютин был грамотным пиарщиком, точнее даже джарщиком (от GR – government relations – «связи с правительством, властями»). Он прекрасно понимал роль общественного мнения, понимал, что любая позиция нуждается в системном и обоснованном лоббировании и продвижении, причем на столичных рынках власти. И много в этой деятельности преуспел².

Просветительская, управленческая, бизнес-деятельность Милютина, его активная публичная позиция, многочисленные «истории успеха» его проектов и начинаний создали ему репутацию одного из ключевых региональных экспертов (кстати, в тексте автор использует именно это слово – *эксперт*) в широком спектре проблем. В качестве такового он активно вовлекался в работу учредительных, наблюдательных и попечительских советов; коммерческих, государственных и народно-государственных проектов. Так, например, он не только входил в состав одного из ключевых игроков на хлебных рынках Рыбинского биржевого комитета, но и возглавлял его правление, стал одним из учредителей крупнейшего частного банка – Волжско-Камского³, был включен в многочисленные государственные правительственные комиссии: по реформе городского самоуправления, по реорганизации Мариинской водной системы и т.д., постоянно взаимодействовал с такими крупнейшими госу-

дарственными величинами, как министр финансов С.Ю. Витте, министр путей сообщения князь М.И.Хилков (оба были избраны Почетными гражданами Череповца) и многими другими. Таким образом, следующее объяснение появления этой книги – активнейшая экспертная деятельность ее автора в период подготовки крупнейших государственных реформ.

Наконец, почему все же книга называется именно так: «Россия и Германия: Экономические письма»? Для ответа на этот вопрос, необходимо обратиться непосредственно к содержанию книги. Здесь читателя также поджидает некоторый сюрприз. Книга состоит из нескольких разделов – глав:

«От автора» (Введение),

1. О торговом договоре с Германией.

2. Причины падения кредитного рубля.

3. К реформе Государственного банка.

4. Будущий русский торговый флот с точки зрения государственно-экономической.

5. По поводу $\frac{1}{4}$ судоходного сбора.

6. О министерстве земледелия.

7. Волга в связи с Мариинской системой с точки зрения государственно-экономической».

Таким образом, из введения и семи глав только одна – первая, имеет прямую связь с названием всей книги. Вся книга – 100 страниц (109 с введением), первая глава – 21 страница текста. Мы не проводили специального исследования, но, исходя из существовавшей тогда практики публикаций такого рода работ, структуры материала, тематических и хронологических привязок в тексте, можно допустить с высокой долей вероятности, что весь текст книги составлен из ранее публиковавшихся статей, подготовленных докладных записок и аналогичных материалов. Это, скорее, сборник статей и в этом случае принципиально, какой именно материал идет первым, так как, как правило, именно он определяет основную тему и дает название всему корпусу текстов. Следовательно, хотя общий объем раздела «О торговом договоре с Германией» занимает пятую часть всего текста книги и в остальном тексте тема взаимоотношений России и Германии специально нигде не затрагивается, именно в этом первом разделе – суть авторской экономической концепции и публицистического пафоса.

Попробуем разобраться в сути анализируемой Милютиным в этой главе проблемной ситуации.

Прежде всего, обратим внимание на время – конец 80-х – начало 90-х гг. XIX в. Готовится новое торговое соглашение между двумя странами. Чтобы понять его важность, нужно реконструировать ситуацию международных экономических отношений этого периода – разгар таможенных войн между Россией и Германией.

Торговый договор 1867 года, которым регулировались отношения между странами, уже устарел и не учитывал новых реалий. А реалии эти были таковы: стремительно модернизовавшаяся единая Германия резко увеличила экспорт промышленных изделий, прежде всего, в Россию: «В 1877 германский ввоз составлял 46% русского импорта»⁴.

Российское правительство было вынуждено постоянно повышать таможенные пошлины, прежде всего, на товары, поступающие через сухопутную границу. В результате этих мер к концу 1880-х гг. доля Германии в русском импорте упала до 27%⁵. Германия ответила систематическим увеличением пошлин на русский хлеб («боевые» пошлины). В ходе переговоров о новом торговом договоре, начавшихся в 1891 г., Германия добивалась снижения пошлин со стороны России на фабрикаты, т.е. промышленные товары, а Россия – снижения пошлин на хлеб, лес и ряд других товаров. Но модернизация успешно началась и в России, поэтому спор усложнялся тем, что на повестке дня было перераспределение и изменение содержания традиционно сложившихся международных торговых потоков. Вопрос таможенных пошлин для России становился частью вопроса развития внутренних рынков за счет импортозамещения, вопроса о характере протекционистской политики правительства.

В 1882 г. министром финансов становится С.Ю. Витте, с которым И.Милютин связывали общие взгляды на многие социально-экономические проблемы. Позиция Витте, с одной стороны, позиция германского правительства – с другой – были предельно категоричны. В итоге таможенные войны достигли небывалого размаха и привели к тому, что торговый обмен между Россией и Германией сжался до исторического минимума: с 1891 по 1893 доля российского хлеба на рынке Германии сократилась с 54,5 до 13,9 %. А ввоз германских товаров в Россию к 1893 году практически прекратился вообще. Осенью 1893 г. германские дипломаты предложили русскому правительству возобновить переговоры о новом торговом договоре.

Вот в этом контексте и следует оценивать статью Милютина. Текст Милютина может рассматриваться, с одной стороны, – как выступление в поддержку и популяризация жесткой позиции нового министра финансов; с другой – как некий пробный шар, выражавший позицию по пере-

говорам еще более решительную, чем та, за которую многие внутри страны обвиняли Витте.

В чем же суть предложений Милютина? Нет никакой необходимости идти на какие-либо уступки в торговом договоре. Потому что, первое: значение этого договора для России крайне преувеличено и раздуто. Теперь это уже один из многих и далеко не центральный вопрос российской экономики. Второе: заградительные пошлины, ненадолго закрывшие российский рынок для германских товаров, сразу же оказали благотворное влияние на развитие отечественной промышленности и породили мощное импортозамещение. Третье: вводя высокие пошлины на российский хлеб, германское правительство наказывает не Россию, а свое собственное население. Потому как Германия все равно вынуждена закупать российский хлеб, прежде всего, рожь, но уже через посредничество других стран и, следовательно, по более дорогой цене. Россия, за исключением сверхурожайных годов, не может продавать больше, чем продает, снижение поставок на германский рынок компенсируется ростом поставок на другие рынки. Вопрос же о новом торговом договоре сводится к двум следующим положениям: «Первое: Германии нужно добиться от нашего правительства главных ключей от наших рынков, путем понижения наших пошлин, для усиленного ввоза к нам своих произведений, так как ввоз их в последнее десятилетие, против предшествующего, сократился слишком на 100 млн. руб. в год по одной сухопутной границе, каковые произведения Россия стала готовить у себя благодаря повышенному нашему тарифу и низкому курсу кредитного рубля, а второе положение – хлеб, который будто бы, вследствие повышенных на него германских пошлин, останется у нас в России на руках и повлияет на понижение цен на весь хлеб у нас, внутри страны, и это причинит разные невзгоды для земледелия»⁶.

Используя официальную государственную статистику, Милютин доказывает, что ущерб по отпуску хлеба от введенных Германией заградительных пошлин на самом деле просто незначителен, эти пошлины за весь период не оказали никакого влияния на хлебные цены внутри России, а внутри Германии цена на хлеб была выше ровно на величину государственной пошлины на ввоз русского хлеба.

Отсюда, по мнению Милютина, и основные задачи, которые пытается решить Германия, готовя новое соглашение:

«а) Германии нужно, чтобы Россия отныне отрешилась навсегда, не сознавая того сама, от развития технико-промышленной культуры путем передачи Германии ключей от своих рынков и тем поставила бы себя в

пределы азиатского культа, занимаясь хлебом, который, быть может, скоро с рук не пойдет.

б) Все, что нужно России из фабрикатов и вообще технических производств, и что она сама у себя могла бы легко произвести при известных условиях, покупала бы у Германии, делая ей новые задолжания, зная, что Россия часто не дорожит своим будущим ради мимолетного интереса дела.

в) Германия думает себе, что если рынки России будут наводнены ее произведениями и поприще для деятельности трудящимся классам в России будет стеснено, за отсутствием свободного сбыта произведений на своих рынках, вследствие ее подавляющей конкуренции то, само собою разумеется, у нас всякий почин и произведенное местами ускорение различных полезных отраслей промышленности остановится, заглохнет прежде, нежели разовьется и окрепнет, и

г) Как скоро промышленность, в широком смысле этого слова, ослабнет, тогда уже Германия у нас на рынках сделается полным господином, а нам уже придется по-старому возвратиться к корчеванию пней в вырубленных лесах.

Вот чего добивается от нас Германия! Разве тут не содержится вся будущность России? Разве без культуры, в которой состоит вся сила цивилизованных народов, может молодое стомилионное государство существовать и развиваться рядом с культурным соседом, обладающим всесторонними способностями для эксплуатации наших слабых сторон?»⁷.

Максимально категоричен автор и в оценке взаимовыгодности самого сотрудничества: «Германии нужны от нас главнейшее рожь, отруби, жмыхи, керосин, горные масла. Но и эти, и другие предметы она будет покупать там, где дешевле продадут. Что касается наших потребностей из Германии, то, кажется, нам ничего не надо. Мы все сами выработаем у себя, — особенно если принятая нашим правительством покровительственная политика будет строго и систематически развиваться без всяких колебаний»⁸.

Такова была позиция автора в отношении нового торгового договора. Договор был заключен в 1894 г и на куда более мягких условиях: «Россия отказывалась от автономного таможенного тарифа и снижала пошлины на германские промышленные товары на 18–65% по сравнению с тарифом 1891; в свою очередь Германия распространяла на Россию льготный тариф, установленный в 1891 в торговых договорах Германии с некоторыми странами, что означало понижение ставок на 15–33% по сравнению с нормальным тарифом»⁹.

Но яростная борьба групп влияния вокруг готовящегося нового торгового договора между партнерами-конкурентами лишь отчасти объясняет смысл названия книги «Россия и Германия». Куда более важно, чем продемонстрировать скрытые замыслы отставного канцлера фон Бисмарка, для Милютина было другое. Совершенно очевидно, что он всячески старался продемонстрировать актуальность своего любимого и ключевого лозунга на примере внутренней и внешней политики Германии: «Нам <...> приложить все свои заботы, всю силу русского гения к тому, чтобы так же как в Германии, коренным девизом нашей финансово-экономической политики было во всех проявлениях деятельности и жизни «возможно менее ввозить к себе чужого и более производить и вывозить своего (в сыром или переработанном виде), при этом благоденствие в стране явится само собой, тогда как за всякую ничтожную сбавку мы должны будем в сто крат более пожертвовать впоследствии»¹⁰.

Пример стремительно модернизирующейся Германии демонстрировал быстрые успехи реализации такой финансово-экономической политики. Поэтому вынесение в название оппозиция «Россия и Германия» – это еще и обозначение ситуации выбора, в котором оказалась страна, и указание на желаемое направление изменений российской политики по отношению к своей промышленности и своему сельскому хозяйству, политики разумного и последовательного государственного протекционизма. Остальные разделы книги – иллюстрация того, как должны с этих позиций разумного государственного протекционизма решаться самые различные российские экономические проблемы – от реформы Государственного банка и эмиссии бумажных кредитных рублей до реформы судоходных налогов и реконструкции Мариинской водной системы. Для И.А. Милютина Германия – это не просто конкурент, но это и пример успешной реализации правильно выбранной стратегии: «возможно менее ввозить к себе чужого и более производить и вывозить своего», «так же, как в Германии»¹¹.

Примечания

¹ См.: Кадобнов Ф. Краткий очерк возникновения города Череповца Новгородской губернии и его героический рост за время 50-летней деятельности городского головы И.А. Милютина. 1909 год. // Выдающиеся люди Вологодского края. URL: <http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=187&pid=163&sub=workabout>. – Дата обращения: 19.04.2014;

Риммер Э.П., Бородулин М.А. Дело и река. Череповец, 1998. 87 с.

² См.: Чернов А. Историческое прошлое как гуманитарный ресурс региона: фигура И.А. Милютина и стратегия развития города Череповца // Историче-

ская наука в контексте социогуманитарного знания: Традиции и современные подходы: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 1–2. Ч.1. Череповец: ЧГУ. 2007. С. 190–201; Чернов А.В. Череповецкий мозг: опыт мифодизайна // Лаборатория рекламы, маркетинга и PR: Альманах. 2008. №2 (57). Март-апрель. С. 40–44.

³ Милютин И.А. Россия и Германия. Экономические письма. СПб.: Типо-литография С. Николаева, 1894. С.VIII.

⁴ См.: Русско-Германские торговые договоры 1894 и 1904 гг. // Дипломатический словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/1083/%D0%A0%D0%A3%D0%A1%D0%A1%D0%9A%D0%9E. Дата обращения: 18.04.2015 г.

⁵ См.: там же.

⁶ Милютин И.А, Россия и Германия. Экономические письма. СПб.: Типо-литография С. Николаева, 1894. С. 1.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же. С.8.

⁹ См.: Русско-Германские торговые договоры 1894 и 1904 гг. // Дипломатический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/dicdiplomatic/1083/%D0%A0%D0%A3%D0%A1%D0%A1%D0%9A%D0%9E>. Дата обращения: 19.04.2014.

¹⁰ Милютин И.А, Россия и Германия. Экономические письма. СПб.: Типо-литография С.Николаева, 1894. – С.21.

¹¹ Милютин И.А. Россия и Германия. Экономические письма... С.16.

Местное самоуправление и его роль в развитии провинциальных городов

В.П. Микитюк
г. Екатеринбург, Россия

Городской голова Илья Иванович Симанов

«Городовое положение» 1870 г. предоставило предпринимателям Пермской губернии широкие возможности для участия в деятельности органов городского самоуправления. Некоторые коммерсанты и промышленники воспользовались тем, что служба в органах самоуправления перестала быть обязательной, и отказались от участия в деятельности Городских дум. Большая часть предпринимателей действовала иначе: они охотно участвовали и в избирательном процессе, и в практической деятельности Городских дум. Относительно небольшая часть купечества Пермской губернии стала подлинным золотым фондом органов самоуправления. Из этой группы вышло несколько крупных общественных деятелей, ярко проявивших себя в качестве городских голов. Это в полной мере относится к кунгурскому купцу М.И. Грибушину, пермскому купцу И.И. Любимову, верхотурскому купцу И.А. Мухлынину. Каждый из них, занимая пост главы органов самоуправления, сумел сделать для родного города много полезного.

К этой же группе принадлежал и Илья Иванович Симанов (10.09.1850 – ?), представитель известной купеческой семьи, совладелец двух крупных мукомольных мельниц. Илья Симанов имел незаконченное среднее образование. Тяжелая болезнь отца заставила его бросить учебу и с головой погрузиться в торгово-промышленные дела. После смерти отца И.И. Симанов встал во главе семейной фирмы и почти одновременно стал принимать участие в общественной деятельности. Первое время он работал гласным уездного земства, а затем его избрали гласным Городской думы Екатеринбурга. Уже в 1880 г. некоторые горожане уговаривали Илью Симанова баллотироваться на пост городского головы, но он не решился на этот шаг.

В 1884 г. позиция И.И. Симанова изменилась. Он принял участие в выборах: сначала он был избран гласным, а затем и городским головой. Произошло это событие 24 января 1884 г. Едва став главой органов са-

моуправления, Симанов быстро ощутил, что хозяйство, доставшееся ему, имеет немало слабых мест. Город не имел водопровода, канализации, мостовых, горожане заваливали управу жалобами на грубость извозчиков и дерзость нищих. Хватало и других проблем. Илья Иванович, опираясь на поддержку членов управы и большинства думцев, рьяно взялся за работу. Некоторые его первые шаги сразу вызвали одобрение многих горожан. 11 февраля 1884 г. Симанов вместе с полицмейстером провел первый в истории Екатеринбурга смотр извозчиков, в ходе которого были осмотрены и лошади, и экипажи. Во время смотра «извозчикам было внушено, что за всякую невежливость и грубость, допущенную ими в отношении седоков и публики, они будут неупустительно привлекаться к ответственности»¹.

9 февраля 1884 г. результаты выборов были утверждены пермским губернатором, и Илья Иванович приступил к исполнению своих обязанностей. 15 февраля он провел первое заседание Думы, на котором выступил с речью. В частности, он сказал: «Наше городское хозяйство, милостивые государи, в настоящее время требует особенно усиленной деятельности со стороны городского управления»². Слова Ильи Ивановича не разошлись с делом. В будущем подобные осмотры неоднократно повторялись: на них проверялись состояние экипажа, чистота одежды извозчика и пр. Кроме того, всем извозчикам были выданы бляхи с фамилиями, что сократило возможность ускользнуть от ответственности в случае каких-либо прегрешений. Благодаря принятым мерам поток жалоб на извозчиков существенно снизился.

В сентябре 1884 г. по его инициативе был учрежден комитет по разбору и призрению нищих, который первым делом провел тщательный учет всех нищих. После этого все иногородние нищие с помощью полиции были высланы из Екатеринбурга. Местным нищим было воспрещено побираться на улицах, но с одним исключением. 15 человек с кружками по разрешению комитета получили право собирать подаяния на папертях и ходить по домам. Собранные таким способом деньги дважды в месяц делились между всеми нищими. Не ограничиваясь принятыми мерами, комитет постарался оказать помощь наиболее обездоленным: 28 немощных стариков были помещены в городскую больницу. В 1885 г. за счет городских средств был открыт детский приют, в который комитетом было направлено 55 детей, вчерашних нищих. В это же время город построил ночлежный дом, что существенно облегчило положение бездомных.

Деятельность Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих, возглавляемого И.И. Симановым, вызвала всероссийский резо-

нанс. В 1890 г. город посетил профессор А.А. Исаев, подробно описавший работу комитета. «Всех нищих насчитывается около 1500, – писал он, – и город ежегодно затрачивает на вспоможение до 30000 рублей. Часть этих денег употребляется на содержание малолетних и престарелых в приютах, а большая часть раздается на руки тем беднякам, которые живут на своих квартирах. Чтобы знать, кому следует оказывать помощь и каких размеров должны достигать пособия, лица городского управления распределяют между собою контроль над бедными семьями. Для каждой семьи ведется особая запись, где подробно обозначаются состояние здоровья членов семьи, причины, которые привели к нищете, поведение. В этих же записях немедленно отмечаются все перемены, которые случились в судьбе того или другого нищего. Расходы по общественному призрению покрываются из особых отчислений Городской думы, из частных пожертвований и из сбора в кружки»³.

В 1884 г. Симанов взялся за решение еще одной масштабной задачи: организацию мощения части городских улиц. К этому шагу органы городского самоуправления подталкивали и непролазная грязь, царившая на многих улицах, и Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка, намеченная на 1887 г. Этому мероприятию, которое собирался посетить великий князь Михаил Николаевич, в городе придавалось большое значение, поэтому ударить лицом в грязь было нельзя. Затратив немало сил и средств, Илья Симанов и его сподвижники по управе и Думе в 1884-1887 гг. смогли организовать мощение многих улиц и площадей. В 1884 г. было вымощено 3036 кв. сажень, в 1885 – 6343, в 1886 – 5892, в 1887 – 15880. Всего за четыре года было вымощено 31151 кв. сажень, что обошлось городу в 120192 рубля 63 копейки⁴. Крупные расходы на мощение привели к тому, что бюджет города стал дефицитным.

Несмотря на это, И.И. Симанов сделал попытку решить проблему водоснабжения. На заседаниях Думы не раз обсуждался вопрос о сооружении водопровода, но из-за нехватки денег от этой идеи было решено отказаться. Не желая отступать, Илья Иванович уговорил группу частных инвесторов, и вскоре на одном из городских ключей была установлена паровая машина. Это позволило весьма существенно смягчить проблему водоснабжения. Стоит отметить следующий факт: ведущим частным инвестором был сам И.И. Симанов.

В 1887 г. в Екатеринбурге открылась Сибирско-Уральская выставка, которая прошла весьма успешно. Илья Иванович помогал выставочному комитету и как городской голова, и как частное лицо. Он возглавлял фабрично-заводской отдел выставки и уговорил многих предпринимателей экспонировать свои изделия. Кроме того, он решил издать для посе-

тителей выставки справочник с самыми разнообразными сведениями о городе. Симанов и его единомышленники провели в 1887 г. городскую перепись и собрали большое количество статистического материала, на обработку которого ушло много времени, из-за чего справочник вышел только в 1889 г. По количеству разнообразных сведений справочник «Город Екатеринбург» до сих пор не имеет себе равных и давно считается библиографической редкостью.

В 1888 г. Илья Иванович вновь принял участие в выборах городского головы, и вновь одержал победу, легко опередив своих соперников. Новый срок однако не ознаменовался масштабными мероприятиями в области реформирования городского хозяйства. Причины для этого были вполне объективные. Во-первых, дефицитный бюджет заставлял быть осторожнее, во-вторых, в начале 1890-х гг. органам самоуправления пришлось сосредоточиться на борьбе с последствиями голода и на профилактике заразных болезней.

Начало 1890-х гг. принесло России немало бед, в том числе холеру и неурожай, поразившие значительную часть империи. Пермская губерния также была в числе территорий, захваченных этими бедствиями. Крестьянское население, наиболее пострадавшее от неурожая, бросилось искать спасения в городах. Екатеринбург, считавшийся одним из наиболее богатых городов Урала, подвергся настоящему нашествию голодающих. Городское самоуправление Екатеринбурга во главе с И.И. Симановым задействовало для оказания помощи нуждающимся все благотворительные учреждения. Существенная доля этих забот выпала на комитет по разбору и призрению нищих. Илья Иванович и его помощники, стоявшие во главе комитета, сумели эффективно использовать богадельню, ночлежный дом, детский приют, а также организовали бесплатные столовые.

Ночлежный дом только в 1891 г. принял 134906 посетителей. Деятельность столовых также носила масштабный характер, особенно в зимние месяцы 1891–1892 гг. В частности, с 8 по 14 ноября 1891 г. в них был накормлен 5761 человек, с 24 по 30 января 1892 г. в этих столовых побывали 6928 голодающих. Этим помощь обездоленным не ограничивалась. Наиболее нуждающиеся были помещены в богадельню, где их содержали за счет города. Другим беднякам комитет по разбору и призрению нищих выдавал единовременные пособия.

Одновременно органы самоуправления пытались улучшить санитарное состояние города. Приток бедноты в Екатеринбург, который и раньше не отличался идеальной чистотой, привел к серьезному обострению ситуации. Угроза холеры, которая к тому времени уже поразила несколько уездов Пермской и Тобольской губерний, была всерьез воспри-

нята Думой и управой Екатеринбурга. Думой и общественностью был создан санитарный комитет, который взялся за разработку специальных мероприятий. Городским головой был издан ряд постановлений, в которых горожанам предписывалось навести чистоту на своих усадьбах.

Стараясь не дать холере ни одного шанса, Симанов сурово обходился с теми, кто не прислушивался к его распоряжениям. Домохозяев, не горюпившихся привести в порядок свои усадьбы, беспощадно штрафовали, при этом не делалось никаких поблажек для богатых домовладельцев. В списках оштрафованных можно найти и небогатых мещан, и состоятельных купцов. Деятельность санитарного комитета также дала плоды. В августе 1892 г. «Екатеринбургская неделя» констатировала: «Город подчищается, хотя и с неудовольствием домохозяев и после неоднократных напоминаний: улицы метутся, канавы чистятся, нечистоты вывозятся – словом, холера, если только она придет к нам, найдет нас не совсем неподготовленными»⁵.

Борьба с голодом и противохолерные мероприятия не были единственными направлениями деятельности Ильи Ивановича на посту городского головы, но стали главным ее содержанием. К 1892 г. срок его полномочий истек, но они были пролонгированы по 1894 г. Это было связано с принятием нового «Городового положения» и постепенным вводом его в действие. 9 февраля 1894 г. исполнилось 10 лет служения Симанова в качестве городского головы. В этот день Илья Иванович находился на Ирбитской ярмарке. Сорок екатеринбуржцев, в основном коммерсантов, поднесли ему торжественный адрес и хлеб-соль. 27 марта в Екатеринбурге состоялся торжественный обед, данный в честь И.И. Симанова. В обеде приняло участие 175 человек, среди которых были коммерсанты, представители банков, общественных и государственных учреждений.

Если местная общественность оказывала Илье Симанову всемерную поддержку и хотела, чтобы он вновь стал городским головой, то новый губернатор всячески противодействовал этому. В конце концов губернские власти вынудили Илью Ивановича отказаться от участия в выборах главы органов самоуправления. Последующие годы для него оказались непростыми. В 1904 г. Илья Симанов разорился и лишился не только своего имущества, но и возможности участвовать в деятельности органов городского самоуправления. В 1910-х гг. он стал внештатным служащим городской управы и в этом качестве успел сделать для родного города немало полезного. Летом 1919 г. И.И. Симанов покинул Екатеринбург, и о его дальнейшей судьбе до сих пор ничего неизвестно.

Илья Иванович Симанов – один из наиболее крупных общественных деятелей Екатеринбурга за все время его существования. Его деятель-

ность на посту городского головы является самой яркой страницей в истории дореволюционных органов самоуправления города.

Примечания

- ¹ Екатеринбургская неделя, 1884, 15 февраля.
- ² Екатеринбургская неделя, 1884, 22 февраля.
- ³ Екатеринбургская неделя, 1890, 11 ноября.
- ⁴ Екатеринбургская неделя, 1888, 7 февраля.
- ⁵ Екатеринбургская неделя, 1892, 19 августа.

Н.С. Маркевич
г. Череповец, Россия

Роль И.А. Милютин в социально-экономическом, духовном и культурном развитии города Череповца

Череповецкий городской голова Иван Андреевич Милютин внес большой вклад в развитие управляемого им города. Он всегда старался улучшить жизнь горожан, вывести родной город на более высокий уровень экономического и культурного развития.

Через Череповец проходила Мариинская водная система, и наш город оказался единственным заметным на этом пути населённым пунктом, соединявшим бассейн реки Волги с Балтийским морем. Поэтому для экономического развития города было важно иметь завод по ремонту и обслуживанию судов, и братья Милютины – Иван Андреевич и Василий Андреевич – строят в Череповце судоремонтный завод. Такое строительство давало новые рабочие места, что не могло не способствовать улучшению экономического положения хотя бы части городского населения. И.А. Милютин постоянно стремился к развитию и совершенствованию. Так, он ввёл на Шексне вместо конной тяги такое новшество, как пароходы-туэра, двигавшиеся при помощи пара и цепи, которая была протянута по дну, и тянувшие баржи с грузом¹; способствовал развитию пассажирского пароходного сообщения, которое было открыто в 1860 году². Последнее значительно повышало мобильность не только череповчан, но и населения всего края, а это, в свою очередь, приводило к более быстрому обмену информацией, следовательно, и к более широкому культурному развитию человека.

В то время хлеб по Шексне перевозили на баржах. По пути их постепенно догружали. Эти баржи направлялись в те районы, где не хватало хлеба, поэтому Мариинская система играла важнейшую роль как для развития рынков сбыта, так и для улучшения снабжения разных регионов необходимыми товарами. Развитие судоходства, которое является заслугой Милютина, способствовало развитию города: город строился, разрастался, более разнообразным становилась структура его населения. Появление новых профессий требовало и развития института образования.

Благодаря настойчивости Ивана Андреевича именно через Череповец прошла Северная железная дорога, хотя в то время на осуществление данного проекта было много претендентов. Милютин сумел доказать необходимость того, чтобы железная дорога проходила именно через наш город³. Наличие железной дороги также способствовало росту всех форм мобильности, а значит – развитию рынка, росту числа рабочих мест и развитию городской культуры. После того, как стало известно, что принято решение о строительстве дороги в Череповце, Милютин выступил перед Городской думой с предложением о строительстве большой гавани, куда могли бы заходить баржи и пароходы. «В противном случае Череповец, – сказал Милютин, – хотя и будет иметь железную дорогу, но без гавани всё-таки, будет себя чувствовать, «как гусь без воды»⁴.

«Труд и знания могут только победить невежество и бедность»⁵ – эти слова выражают жизненное кредо И.А.Милютина, который считал крайне необходимым поднимать уровень образования горожан. При его активном участии и поддержке в нашем городе было открыто большое количество учебных заведений. Среди них – Александровское техническое училище (1869), учительская семинария (1875), реальное училище (1875), Мариинская женская гимназия (1873), женское профессиональное училище (1887), Милютинская сельскохозяйственная школа (1888), где обучали полеводству, пчеловодству, ремеслу⁶. «Только благодаря энергии И.А. Милютина, решившего произвести постройку дома на свои собственные средства, вопрос об организации женской гимназии в Череповце не попал в долгий ящик. И 15 апреля 1867 года было закончено строительство деревянного двухэтажного на каменном фундаменте с железной крышей дома с садом, вошедшего впоследствии в состав помещений Мариинской женской гимназии»⁷, – пишет историк А.В.Федяева. Сейчас, скорее всего, никто бы и не стал строить учебное заведение на свои средства. Порой даже на бюджетные деньги не могут возвести вовремя и муниципально значимые объекты, так как средства расходуются нецеле-

вым образом. Для Ивана Андреевича всё же интересы людей были важнее (в отличие от большинства сегодняшних управленцев и олигархов).

И.А. Милютин заботился и об эстетической среде городского пространства. По его предложению был заложен городской сад, где было посажено много редких пород деревьев. Парк называли Соляным садом, так как на его месте раньше располагались соляные склады. А горожане называли его Милютинским садом.

Иван Андреевич заботится и о сохранении преемственности в развитии культуры города, считал, что городу нужен музей и выступил инициатором создания музейного фонда. Этим делом занялся известный фольклорист и палеограф Е. В. Барсов. Елпидифор Васильевич передал будущему музею свою археологическую и нумизматическую коллекции, древнерусское оружие и портреты российских государей.

В сферу активной деятельности главы города попало и реформирование судебной структуры в городе. В 1870 году Милютин добивается того, что ликвидируются Белозерский и Устюженский окружные суды и остается один центральный – Череповецкий. Эти действия городского головы, несомненно, способствовали возрастанию значимости нашего города.

Милютин был известен и своей благотворительной и инвестиционной деятельностью. Он проявлял особое внимание к малоимущим жителям города: организовал Череповецкое благотворительное общество, общество вспоможения нуждающимся учащимся, богадельню при соборе, дом трудолюбия и при нем швейную, ткацкую, вязальную, столярную и слесарную мастерские. Для имущих жителей Череповца Милютин учредил общество взаимного кредита, общество взаимного страхования⁸. Голова города заботился обо всех, старался помочь как бедным, так и состоятельным людям. Для Ивана Андреевича главным были не нажива, не богатство ради собственного благополучия. Для него на первом месте стояли интересы горожан. Слава о таком выдающемся главе города разлетелась далеко за пределы нашего города, который порой так и называли город «Милютин». Многие завидовали, что у Череповца такой руководитель. И этот факт еще раз подтверждает то, что хорошим делам и поступкам не нужно рекламы.

Хотелось, чтобы современные предприниматели и бизнесмены брали пример с Ивана Андреевича. Ведь сейчас в нашей стране преобладает тенденция формирования общества граждан-потребителей, а современный бизнес ориентирован лишь на то, чтобы получить наибольшую выгоду любыми способами. В то же время в развитых странах сейчас переходят на более высокую ступень рыночных отношений, на так называе-

мый социально-ориентированный бизнес, когда, помимо получения выгоды, бизнесмены делают что-то для людей. Стараются решить какую-то проблему, назревшую в обществе, или хотя бы способствовать её решению. На наш взгляд, предпринимательскую деятельность Милютин можно отнести именно к этой категории. Ведь всё, что он делал, было направлено на улучшение положения людей. Это было для него важнее всего.

Сейчас практически никто не думает об улучшении жизни большинства людей. Каждого волнуют прежде всего собственная прибыль и личная выгода: и бизнесменов, и руководителей любого вида и уровня, и, тем более, чиновников.

За время пребывания Ивана Андреевича на должности городского головы (1861–1907 гг.) в городе произошли большие перемены. Увеличилось количество жителей, учащихся, домов, церквей, появились новые учебные заведения, библиотека, музей, сад, тротуары и мостовые, уличное освещение и т.д. Милютин всегда был готов выделить денежные средства, помещения на благое дело. Горожане очень любили Ивана Андреевича. О том, что Милютин, действительно, многое делал для города и его жителей свидетельствует тот факт, что люди без всякой агитации сами снова и снова избирали его на пост городского головы. Даже когда он сам уже просил отпустить его на покой, всё равно черепане голосовали за него, так как не представляли себе другого человека на его месте. Наши же современные руководители не выражают нетерпеливого желания покинуть «теплые» и «сытные» места, не израсходовав ни единого собственного рубля на благотворительность, городское строительство, при этом зарплаты их из городского бюджета никак не хотят быть на уровне средней заработной платы по городу, области, стране.

Примечания

¹ Риммер Э.П., Бородулин М.А. Иван Андреевич. Череповец: Порт-Апрель. 2004. С.128.

² Там же. С.125.

³ Там же. С.185–212.

⁴ Риммер Э.П., Бородулин М. А. Уроки истории // Голос Череповца. 20 мая 1999 г.

⁵ Цитир. по: Бахарев А.И. Этапы развития народного образования в Череповце // Череповец. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Легия. 1999. С.397.

⁶ См.: Риммер Э.П., Бородулин М.А. Иван Андреевич. Череповец: Порт-Апрель, 2004. С.138–169.

⁷ Череповец: прошлое, настоящее, будущее... История города в названиях улиц. URL: <http://drugoi-cherepovets.ru/biografii-domov/sovetskij-prospekt-39/>
Дата обращения: 20.11.2015.

⁸ Городской голова // Промышленность и общество. URL: <http://piportal.ru/gorodskoj-golova/>. Дата обращения: 20.10.2015.

О.В. Смирнова
г.Череповец, Россия

Роль местного самоуправления в развитии образовательной сферы

Под образовательной сферой в данном случае следует понимать область отношений между людьми, включающую в себя процесс и результат, систему учреждений и государственную образовательную политику. Образовательная сфера, являясь значимым структурным элементом социальной подсистемы общества, призвана обеспечивать как реализацию образовательных потребностей индивида, так и удовлетворение духовных запросов общества. В этой сфере закладываются основы экономического, научно-технического и культурного прогресса страны, фундамент ее будущего. Не случайно проблемы реформы общественной системы образования находятся в центре внимания и государства, и широкой общественности. Сфера образования затрагивает интересы практически всего населения страны, так как в данные отношения так или иначе включены не только миллионы учащихся и педагогов, но и родители и другие родственники, органы государственной власти и местного самоуправления.

Политика нашего государства в области образования реализуется на трех уровнях публичной власти:

- федеральном,
- региональном,
- местном.

Эффективность модернизации образовательной сферы зависит, следовательно, от согласованности и слаженности действий как властных структур на всех этих уровнях, так и от активности институтов гражданского общества.

Каждый из участников образовательного процесса должен обеспечивать результативность своих действий на определенном участке.

В задачи органов местного самоуправления согласно федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» входят:

- «организация, создание и развитие муниципальных учреждений дошкольного, основного общего и профессиональных образований»;
- «создание условий для деятельности учреждений культуры в муниципальном образовании»¹.

Таким образом, создание благоприятных условий для духовного развития населения и удовлетворения его образовательных потребностей является, с одной стороны, функциональной обязанностью местной власти, а, с другой, конституционным правом людей, проживающих в данном муниципальном образовании. В решении местных вопросов, согласно Конституции, муниципальные органы могут действовать самостоятельно и под свою ответственность. Вместе с тем эта деятельность не должна выходить за рамки предмета ведения данного уровня публичной власти и федерального законодательства.

В частности, органы местного самоуправления для выполнения выше обозначенных задач должны руководствоваться Федеральной программой развития образования и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», которые служат правовой и организационной основой модернизации образовательной сферы.

Согласно статье 9 Закона «Об образовании», «к полномочиям органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов по решению вопросов местного значения в сфере образования относятся:

1) организация предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования по основным общеобразовательным программам в муниципальных образовательных организациях (за исключением полномочий по финансовому обеспечению реализации основных общеобразовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами);

2) организация предоставления дополнительного образования детей в муниципальных образовательных организациях (за исключением дополнительного образования детей, финансовое обеспечение которого осуществляется органами государственной власти субъекта Российской Федерации);

3) создание условий для осуществления присмотра и ухода за детьми, содержания детей в муниципальных образовательных организациях;

4) создание, реорганизация, ликвидация муниципальных образовательных организаций (за исключением создания органами местного са-

моуправления муниципальных районов муниципальных образовательных организаций высшего образования), осуществление функций и полномочий учредителей муниципальных образовательных организаций;

5) обеспечение содержания зданий и сооружений муниципальных образовательных организаций, обустройство прилегающих к ним территорий;

6) учет детей, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, закрепление муниципальных образовательных организаций за конкретными территориями муниципального района, городского округа;

7) осуществление иных установленных настоящим Федеральным законом полномочий в сфере образования»².

Эффективное исполнение указанных полномочий должно обеспечить выполнение государственных и социальных гарантий участникам образовательного процесса в следующих направлениях:

- реализации права на бесплатное общее, в том числе среднее полное образование, начальное профессиональное образование и дополнительное образование детей;

- расширении доступности получаемого впервые бесплатного (на конкурсной основе) среднего и высшего профессионального образования;

- предоставлении возможности выбора профессиональных образовательных программ, индивидуализации обучения, создании условий, обеспечивающих профессиональное самоопределение и трудоустройство обучающихся;

- обеспечении условий для получения обучающимися полноценного питания в столовых общеобразовательных учреждений, в том числе на льготных финансовых условиях или бесплатно;

- предоставлении финансовых льгот обучающимся при пользовании услугами организаций социально-культурного назначения (общественными, библиотеками, музеями, объектами культурно-массового и физкультурно-оздоровительного назначения) и транспортом;

- развитии самоуправления обучающихся в учебе, в быту и на отдыхе;

- обеспечении условий для получения профессионального образования лицами с ограниченными возможностями здоровья;

- разработке системы мер поощрения за успехи в учебе и научной деятельности;

- совершенствовании правовых основ взаимоотношений педагогических работников, обучающихся и их родителей (законных представителей) и т.д.³

Необходимость выполнения всех этих положений и определяет роль местного самоуправления в развитии образовательной сферы. Эффективность деятельности органов местной власти может носить технологический и социальный характер. Технологическая эффективность определяется степенью бюрократической рациональности управленческих структур, профессиональной компетентностью и адекватностью соответствующих муниципальных служб, в частности, управления образования, управления по делам культуры. Социальная эффективность зависит от соотношения затрат и полученных результатов, от того, насколько их цели, средства и результаты соответствуют ожиданиям и интересам населения муниципального образования.

Результативность деятельности местного самоуправления в сфере образования зависит во многом от степени социальной поддержки населения. Без активного и заинтересованного участия самих обучающихся, педагогов, родителей и всех жителей муниципального образования любые, даже самые хорошие законы останутся только «буквой», благими намерениями, которые известно куда ведут. Отрадно, что за последние годы в Череповце сделано немало по всем направлениям развития образовательной сферы. А значит исторические традиции, заложенные И.А. Милютиным, не пропали даром.

Примечания

¹ См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: текст с изм. и доп. на 2014 г. М.: Эксмо, 2014. С. 14–15.

³ См.: Федеральная программа развития образования (принята Госдумой в апреле 2000 г.). URL: <http://ruslia.ru/rsba/politic/prograzv.php>. Дата обращения: 20.05.2015.

Романовы в истории русской провинции

Ан.А. Новикова, Ал.А. Новикова

Руководители: *Е.В. Шалашов, С.А. Поверенная*
г.Череповец, Россия

Романовы и Череповец

Совсем недавно, в 2013 году, отмечалось 400-летие Дома Романовых, которые управляли Россией немногим более трех веков. Период их правления был одним из самых ярких и насыщенных в истории нашей страны, события которой не обошли стороной и наш город, судьба которого была в «воле монаршей» (т.е. зависела от их судьбоносных решений). В нашем городе есть немало мест, связанных с этим временем, а также с различными представителями рода Романовых.

Вот, например, Воскресенский собор на Соборной горке, возвышающийся над Ягорбой и Шексной...

Когда-то здесь было пустынное, заросшее лесом место... Потом, после прихода сюда иноков Афанасия и Феодосия Череповецких, тут был построен Воскресенский монастырь... А потом на Русскую землю пришло Смутное время, завершившееся избранием на царствование первого представителя рода Романовых – Михаила Федоровича.

Смутное время затронуло и наши места: Воскресенский монастырь трижды (в 1610, 1613 и 1618 гг.) разоряли и сжигали отряды интервентов¹. На Соборной горке в память о погибших от рук польско-литовских захватчиков монахов в 2002 г. был установлен Поклонный крест².

Трудами монахов Череповецкий монастырь был восстановлен: в 1756 г. был возведен каменный Воскресенский собор, чуть позже – Троице-Сергиевский с колокольней. Но в 1764 г. монастырь (в числе многих других монастырей России) был упразднен по указу Екатерины II.

Однако 4 ноября (по старому стилю) 1777 года вышел указ той же императрицы Екатерины II об образовании города Череповца «для пользы водяной коммуникации»³.

Об этом сегодня нам напоминает памятный камень, установленный в 1994 г. у здания мэрии города Череповца⁴, на котором высечен указ Екатерины II. Прямо перед камнем в виде гранитных квадратиков выложен утвержденный императрицей план застройки города (36 улиц, пересе-

кающихся под прямым углом), представляющий собой европейский тип города. (Напомним, кстати, что Екатерина II была женщиной очень энергичной, европейского склада, практичной, склонной к реформаторству... И при ее участии в России было образовано много городов, в том числе и наш Череповец).

Но в 1796 г. император Павел I подписал указ об упразднении заштатных городов, к коим был отнесен Череповец, и город стал посадом⁵. Павел I придерживался иных взглядов на развитие страны и русской провинции.

Статус города возвращается Череповцу 24 апреля 1802 года, когда по высочайше утвержденному докладу Сенат издал указ «О восстановлении заштатных городов разных губерний»⁶. В числе восстановленных значился и город Череповец, к которому этим же указом был приписан уезд. В городе возобновилась деятельность всех присутственных мест.

А 10 июня этого года в Воскресенском соборе были совершены божественная литургия и благодарственный молебен в связи с восстановлением Череповецкого уезда. Впоследствии новое «начало города» отмечалось ежегодно 10 июня крестным ходом по улицам Череповца⁷.

Таким образом, восстановление нашего города связано было с императором Александром I, который, как известно, был очень своеобразным, в чем-то противоречивым и загадочным правителем. В первые годы правления он был очень активным реформатором, издал много указов (например, о вольных хлебопашцах) в том числе и восстановил множество заштатных городов. К счастью, и наш Череповец.

Известно, что 18-19 октября 1824 года император Александр I посетил Череповец⁸. Он очень любил путешествовать, про него даже говорили после смерти, что он «всю жизнь провел в дороге и умер в Таганроге»... Вот он и оказался однажды у нас в городе. Император Александр I остановился на ночлег в доме купца III гильдии Тимофея Красильникова (дом не сохранился). А 19 октября Александр I отстоял божественную литургию в теплом Троице-Сергиевском соборе, находившемся раньше рядом с Воскресенским собором. По окончании службы, по рассказу благочинного отца Алексия, он «изволил сесть в коляску в девятом часу пополудни и отправился по тракту в Санкт-Петербург в сопровождении многочисленного народа (т.е. провожавших его череповчан) в вожденном здравии»⁹. При переправе через реку Шексну император дал рабочим 100 рублей ассигнациями, а городским властям изъявил благодарность за поднесение «хлеба и прочего»¹⁰. По-видимому, в честь императора Александра I одна из улиц нашего города была названа Александровским проспектом (ныне – проспект Луначарского).

Император Александр II—Освободитель был известен своими реформами (отменой крепостного права и др.) Фактически он повернул Россию на новые рельсы...

Правда, у Александра II были не только сторонники, но и противники, которые и организовали на него покушение 1 марта 1881 года. В числе заговорщиков оказался и юноша Николай Рысаков, окончивший в 1878 г. реальное училище в Череповце¹¹ (ныне – административное здание ЧГУ). Училище в память об этом было выкрашено в грязно-серый цвет.

Известно, что в спешке реальное училище открылось без домово́й церкви, а это – с учетом произошедшего – считалось серьезным упущением городских властей... И лишь в 1897 году при училище начали возводить церковь во имя благоверного князя Александра Невского в память уже об императоре Александре III, с которым находился в дружеских отношениях наш знаменитый городской голова И.А. Милютин. Император Александр III считается покровителем Александровского технического училища, созданного Милютиным в нашем городе еще в конце 60-х годов XIX века (училище было открыто в 1869 г.).

Еще в 1863 году И.А. Милютин просит разрешения открыть в городе женскую прогимназию. Сначала в городе появилось двухклассное училище для девочек. В 1871 году, после необходимых разрешений и утверждения в высших сферах, строительства нового здания из красного кирпича, училище было преобразовано в четырехклассную прогимназию, а в 1876 году – в восьмиклассную гимназию с общежитием для иногородних и храмом во имя Святого Евангелиста Иоанна Богослова. В этом же году гимназии было даровано звание «Мариинской» в честь государыни императрицы Марии Федоровны.

Особые отношения сложились у Череповца с последним русским царем – Николаем II. Высоким вниманием царственных особ пользовалась, например, игуменья Таисия (Солопова), настоятельница знаменитой Иоанно-Предтеченской Леушинской женской обители. Она лично встречалась с императором Николаем II и императрицей Александрой Федоровной и посвятила им и цесаревичу Алексею некоторые из своих стихов.

«Наш Царь, Помазанник святой», «О, Светлый Государь, О, Царь наш Православный! Сердце трепещет в нас любовью святой!»¹² – писала матушка Таисия, обращаясь к государю. И желала Ему и России:

Красуйся, Русская земля,
Светися, мощная Держава
Благочестивого Царя!...¹³

Император Николай II не оставил своим вниманием наш, тогда небольшой, городок... Так, в 1904 году на железнодорожном вокзале на средства Леушинского монастыря была построена каменная часовня Святителя Николая. А император Николай II пожертвовал 1000 рублей из дворцовых средств на ее строительство¹⁴.

Кроме того, в 1914 году в Череповце – в память 300-летия Дома Романовых – была построена деревянная церковь в честь Святителя Николая. Это был последний храм, появившийся в Череповце до Октябрьской революции (находился на углу улиц Максима Горького и Комсомольской). Крупный денежный вклад на строительство храма внесла игуменья Таисия, она же сама сшила и облачение на престол. Император Николай II пожертвовал ценные хоругви¹⁵. (Церковь святителя Николая, называвшаяся также железнодорожной, просуществовала до 1976 года, когда и была снесена).

С семьей императора Николая II связала свою судьбу и дочь череповецкого мещанина Степана Александровича Демидова – Анна – горничная императрицы Александры Фёдоровны.

Считается, что Анна Демидова училась в леушинской школе. Знала несколько иностранных языков, играла на фортепиано.

По семейному преданию, императрица Александра Фёдоровна заинтересовалась её рукодельем на выставке рукодельных работ Леушинского монастыря в Ярославле, и таким образом Анна попала на службу комнатной девушкой при царской семье в 1901 году. За эту службу ей и её родственникам было пожаловано потомственное дворянство.

После Февральской революции 1917 года она осталась вместе с царской семьей и последовала с ней в ссылку в Тобольск, а затем и в Екатеринбург.

Была убита вместе с семьей Николая II и другими оставшимися с семьей слугами в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в подвале дома Ипатьева¹⁶.

В 1981 году Анна Демидова была вместе со всеми жертвами екатеринбургского убийства канонизирована Русской Православной Церковью зарубежом (с семьей Николая II тогда были канонизированы и находившиеся при ней слуги)¹⁷.

Русская Православная Церковь Московского патриархата, канонизируя в 2000 году царскую семью, не упомянула в своем решении слуг, в том числе и Анну Демидову.

В Череповце о ней не забыли. В марте 2012 г. череповецкая газета «Речь» сообщила, что будет увековечена память об Анне Демидовой: на доме, в котором она провела детство и юность (Советский пр., 35 (бывш.

Воскресенский пр.) будет установлена доска с выгравированным на ней следующим текстом:

«Здесь родилась и провела детство Анна Степановна Демидова (26.01.1878 – 17.07.1918). Горничная последней российской императрицы Александры Федоровны сохранила верность своим убеждениям, добровольно осталась с семьей Николая II и претерпела вместе с нею мученическую кончину 17.07.1918 в Екатеринбурге. Канонизирована Русской Православной Церковью за границей в 1981 г.»¹⁸ Мемориальная доска в память об Анне Демидовой была открыта 17 июля 2013 г. В ее открытии приняли участие архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан и мэр г. Череповца Ю.А.Кузин¹⁹. В октябре 2013 года имя Анны Степановны Демидовой было присвоено и воскресной школе череповецкого храма Рождества Христова²⁰.

Примечания

¹ См.: Риммер Э.П., Анохин В.Б., Владимирова О.А., Новиков А.Е. «Дней минувших анекдоты» (История города в датах, деяниях и лицах) // Соборная горка. Вестник истории и культуры Череповецкого края. Череповец, 2001. С. 10.

² См.: Шведов А. Поклон памяти предков // Премьер. Вологодская областная газета. № 42 (268) от 30 октября 2002 г. URL: <http://premier.region35.ru/archive/2002/10/np268/4i.php>.- Дата обращения: 23.11.2015.

³ Сизоненко Т.В., Шалашов Е.В., Кобякова О.А. История Череповца. Череповец, 1999. С.48.

⁴ См.: Памятный знак в честь основания города // Череповецкая энциклопедия. URL: http://www.cherlib.ru/encyclopedia.aspx?id_poisk=323. Дата обращения: 24.11.2015; Коковин М. И богу, и кесарю, и честному народу... // Речь. 1994. 5 ноября (№211). С. 1; Сторожев Ю. Праздник города, праздник горожан // Голос Череповца. 1994. 4 ноября. С. 1.

⁵ См.: Риммер Э.П., Анохин В.Б., Владимирова О.А., Новиков А.Е. «Дней минувших анекдоты» (История города в датах, деяниях и лицах) // Соборная горка. Вестник истории и культуры Череповецкого края. Череповец, 2001. С. 12–13.

⁶ Там же. С.13.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С.14.

⁹ Бородулин М.А., Риммер Э.П. «В нашем городе уездном император был проездом» (Александр I в Череповце) // Соборная горка. Вестник истории и культуры Череповецкого края. Череповец, 2001. С.54.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Шведов А. Мечтатель с бомбой // Премьер. Вологодская областная газета №19 (296) от 14 мая 2003 г. URL: <http://premier.region35.ru/gazeta/pr296/11s.php>. Дата обращения: 24.11.2015.

¹² Игуменья Таисия (Леушинская). Полное собрание духовных стихотворений. СПб.: Леушинское подворье, 2004. С. 91. 94.

¹³ Там же. С. 93.

¹⁴ Риммер Э.П., Анохин В.Б., Владимирова О.А., Новиков А.Е. «Дней минувших анекдоты» (История города в датах, деяниях и лицах) // Соборная горка. Вестник истории и культуры Череповецкого края. Череповец, 2001. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ См.: Ковалевская О.Т. С Царем и за Царя. Мученический венец Царских слуг. М.: Русский Хронограф. 2008. С.39–74.

¹⁷ Демидова, Анна Степановна // Википедия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1477361>. Дата обращения: 24.11.2015.

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ Виноградов С. Анна Демидова вернулась домой. URL: <http://cherepovec.bezformata.ru/listnews/anna-demidova-vernulas-domoj/12918919/>. Дата обращения: 24.11.2015.

²⁰ Череповецкая воскресная школа будет носить имя Анны Демидовой // Медиа-центр. 21 октября 2013 г. URL: <http://www.35media.ru/news/2013/10/21/cherepoveckaya-voskresnaya-shkola-budet-nosit-imy-a-anny-demidovoj/> Дата обращения: 24.11.2015.

И.А. Климина
г.Череповец, Россия

Последние Романовы и Череповец (Леушинский монастырь и царская семья)

1.

Леушинский Иоанно-Предтеченский первоклассный женский монастырь находился почти в 40 верстах (километрах) от Череповца вниз по Шексне. Добраться до него можно было водным путём до пристани Борки, а далее ещё на протяжении десяти верст дорога проходила через леса и болота.

Леушино было большой деревней с четырьмя улицами, ближайшая от нее церковь находилась за семь верст. Когда поместье здесь купила семья из Ярославля, то новая хозяйка Глафира Каргопольцева решила построить рядом сначала часовенку, а потом и храм. Для осуществления

своей мечты она на лодке отправилась до Санкт-Петербурга, чтобы найти благодетелей. Её хлопотами вблизи поместья были построены часовня и храм Иоанна Предтечи. В этот храм петербургский купец Медведев, который был родом из этих мест, подарил икону Похвалы Пресвятой Богородицы.

Однажды Леушино посетила монахиня Софийского монастыря из города Рыбинска матушка Сергия, родина её находилась в десятке верст от Леушино, в селе Щетинское. Матушке понравился новый храм, икона Похвалы Богородицы, гостеприимная хозяйка, и у неё возникла мысль, что неплохо было бы устроить женскую обитель в этом уединённом месте. Получив благословение у священноначалия, она взялась за дело, и обитель начала своё существование. Трудности, конечно, встречались на каждом шагу, и дальнейшая жизнь из-за тяжбы по земельным вопросам со временем стала почти невыносимой. За короткое время сменились три настоятельницы. Тогда митрополит Новгородский Исидор возводит в сан игумении монахиню Таисию (Солопову) и направляет её в Леушино, напутствовав такими словами: «...если и ты не сделаешь ничего полезного, то я её (обитель – И.К.) закрою...»¹.

2.

Монахиня Таисия (в миру Мария Васильевна Солопова) была из дворянской семьи. Получив образование в Павловском институте благородных девиц в Санкт-Петербурге, она выбрала путь служения Богу. До назначения настоятельницей в Леушинскую обитель она уже имела опыт монашеской жизни в монастырях Новгорода и Тихвина: выполняла послушание учительницы в школах для приходских детей, была и письмоводительницей, и казначеей.

С её настоятельством жизнь сестёр в общине стала меняться к лучшему. Таисия поставила для себя целью, чтобы обитель со временем получила статус монастыря. При этом ей пришлось преодолеть большие трудности, разногласия в земельных вопросах, но все же труды матушки увенчались успехом, и через десять лет обитель стала называться Леушинским Иоанно-Предтеченским женским монастырём. Позднее в своём завещании игумения Таисия напишет о том, что все труды ее по созданию монастыря, возведению храмов и устройению монастырских подворий были «пропитаны обильно слезами моими»².

При монастыре работали художественная и золотошвейная мастерские, была своя пасека, приносявшая немалый доход.

Монастырь стал не только примером духовного делания, но и центром просвещения. Учебное заведение в стенах монастыря выпускало учительниц для приходских школ. Благодаря грамотности, высокой культуре и глубокой вере игуменья Таисия добилась того, что монастырь приобрёл статус первоклассного. В нём подвизалось до 700 насельниц, а это требовало больших организаторских способностей от руководителя. Кроме того, матушка Таисия помогла возродиться десяти обителям в разных уголках северного края: монастырям Парфёновскому и Ферапонтову, Черноезерской пустыни, Ваулову в Ярославской губернии и др. Построила свои подворья в Санкт-Петербурге, Рыбинске и Череповце. Игуменья Таисия оставила после себя значительное наследие в виде стихов и прозы³.

3.

За свои просветительские труды в Леушинской обители игуменья Таисия была утверждена Святейшим Синодом в должности почётной попечительницы Леушинской женской школы и состоящей при ней двухклассной школы, а также одноклассной церковно-приходской школы. В первую половину своей деятельности в Леушино матушка Таисия получила все доступные для игуменни награды, а именно: золотой крест от Святейшего Синода (в 1889 г.), золотой крест с украшениями от Кабинета Его Величества (в 1892 г.) и два благословения от Святейшего Синода (в 1897 и 1902 гг.). Во вторую половину своего служения матушка имела счастье 7 раз представляться Их Императорским Величествам и удостоилась Высочайшей награды – портрета государя императора Николая Второго с его собственноручной подписью (в 1911 г.) и в 1913 году Высочайшего подарка – чётки аметистовых в золотой оправе⁴.

О двух своих встречах с императором Николаем II матушка Таисия упоминает в письмах к Новгородскому владыке Арсению.

В 1912 году она пишет владыке: «С благословения Вашего я упоминала Его Величеству о Черноезерской возрождающейся пустыни и то потому, что пришлось к слову, когда Он, любясь книгою о Ферапонтовом монастыре, спросил меня: «Это уже последний монастырь, который Вы восстановили?» <...> я и ответила, что уже после того, только в прошлом году мне поручил наш Архиепископ Арсений восстановить эту пустынь с миссионерской целью, среди раскольнических скитов, изобилующих в той местности. На это Он сказал: «Это тоже великое дело, и стал расспрашивать меня о Черноезерье». И далее: «Приняли они меня, как родную, и я удостоилась сидеть между Царём и Царицей <...> Когда я ска-

зала после произнесения стихов, что не высказать никакими словами ту полноту чувств, которая полняет (так!) мою душу, т.е. чувств преданности, любви, что они не поддаются выражению, то он ответил: «Вы, Матушка, уже доказали и доказываете своим усердием и ревностью по Бозе на пользу Св(ятой) Церкви – это лучшее доказательство преданности, и для Нас не может быть ничто дороже этого: если бы каждый относился к порученному ему делу с таким усердием, то хорошо было бы»⁵.

В письме от 4 августа 1913 года игуменья Таисия описывает еще один царский прием. Эту незабываемую встречу разделили вместе с ней десять сестер Леушинского монастыря, которые участвовали в вышивании стяга для наследника – цесаревича Алексея. Для встречи на петербургское Леушинское подворье были поданы придворные кареты, которые доставили игуменью Таисию с сестрами на Балтийский вокзал. У поезда в Петергофе их вновь встретили кареты и отвезли в собственный дворец Её Величества – «Александррию». Вышитое знамя везли на отдельной платформе. Во дворце посетителей приняли наверху, куда матушку Таисию с сестрами подняли на лифте.

«Скоро вошла Императрица, – пишет игуменья Таисия, – и сряду же подала мне руку, которую я поцеловала, а Она поцеловала мою и первые слова Ее были: «Какая чудесная работа». Сряду же за Ней вошел Государь Император и прежде всего подал мне Свою Царскую десницу, конечно, которую я облобызала, но Он сам-то поцеловал мою, что меня так смутило, что я подумала, не ошиблась ли со слепотою своей и сказала Ему: «Ваше Величество! Это Вы?» Он так ласково улыбнулся и сказал: «Я, Я сам!» Между ними принесли и Наследника – то же проделалось и с Ним. Император с Императрицей подошли к Стягу, любовались работой, рассматривали, перевертывали его и, видимо, остались очень довольны. Считая обязанностью сказать что-нибудь вроде речи, я начала читать стихи, которые изволили слышать и Вы, и когда я дошла до слов перехода от обращения к Государю к Наследнику: «Ты, Отрок Царственный, наш Ангел дорогой», оба Они с Государыней прослезилась, что заметили все присутствующие. <...> По прочтении стихов я подала Ему «опись Стяга», <...> за которой были положены стихи. Государь сказал: «Вот хорошо, что у Вас написано, вот мы всё на досуге рассмотрим, прочитаем».

- Долго ли шили этот Стяг? – спросил Государь.
- Долго, – отвечала игуменья.
- А сколько человек?
- Человек двадцать или более.

Государыня подошла к сестрам и каждой подавала руку и говорила «спасибо».

«Всего, Владыко Святой, – оканчивает письмо матушка, – не опишешь, но только поразила нас всех простота. Правда говорится пословица: «чем выше, тем проще». Когда уже пришло время – уходить, Он снова поклонился всем и сказал: «Сердечное Вам спасибо за труды и молитвы», – и, видимо, был очень тронут. Её Величество стояла рядом со мной и всё усаживала меня на стул, говоря: «ведь Вам трудно стоять», я ответила Ей: «Как я могу сидеть, когда передо мной Царь стоит – Солнышко наше». Наконец, когда мне подали лифт, а я в него вошла, Государыня-голубушка Сама стала поправлять мне одежду, чтобы не прищемилась она, а Государь стоял и все время провожал глазами уходивших сестер»⁶.

4.

Трудами игуменьи Таисии в центре Череповца (на углу нынешних улиц Ленина и Луначарского) поднялось Леушинское подворье с храмом Сретения Господня. На перроне железнодорожного вокзала она построила каменную часовню Святителя Николая, которая и сейчас действует после восстановления. Часовню строили на монастырские средства. Мысль о постройке часовни и посвящении её святителю Николаю – покровителю путешествующих – давно занимала игуменью Таисию, о чём она упоминает в своём дневнике. Свято-Николаевская часовня была сооружена в 1905 году.

Но и на этом матушка Таисия не останавливается. Празднование в 1913 году 300-летия царствования Дома Романовых привело настоятельницу Леушинского монастыря к мысли устроить на станции Череповец храм во имя Святителя Николая, небесного покровителя государя императора Николая Александровича. Нашлись благодетели, которые помогли игуменье Таисии построить просторный деревянный храм, пожертвовали множество облачений и богослужебных сосудов. Император Николай II лично пожертвовал ценные хоругви. Сама матушка игуменья сшила облачение для духовенства с инициалами «Н II» в память празднуемого юбилея. Освящение храма было назначено на 18 октября 1914 года, на день Ангела наследника цесаревича Алексея Николаевича. Совершал чин освящения архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений.

(Заметим, кстати, что череповчане старшего поколения знают здание храма как клуб железнодорожников).

Отметим также, что в нашем городе и его окрестностях известны

имена учительниц, получивших образование при Леушинском монастыре (информация из собственных источников): Лохичева Анна Николаевна, Зайцева Евгения Ивановна – мать заслуженной учительницы РСФСР Медынской Зои Сергеевны; мать директора Мяксинской средней школы в годы Великой Отечественной войны Проничевой Маргариты Николаевны. В газетах тридцатилетней давности печаталась статья Е.М.Гусевой, где она рассказывает об учёбе в Леушинской учительской школе, упоминая имена своих старших сестёр – Апполинарии Михайловны и Нины Михайловны, проработавших учителями одна 45, другая – 42 года. Здесь же встречается имя учительницы З.В. Поповой К сожалению, ее имя и отчество установить нам не удалось.

Дочь череповецкого купца Степана Демидова Анна, окончив Леушинскую школу и проявив способности к рукоделию, была направлена на учёбу в Ярославское художественное училище, откуда царица Александра Фёдоровна взяла её для воспитания своих дочерей. Впоследствии Демидовым был присвоен дворянский титул. Последний раз Анна приезжала в Череповец в 1907 году на свадьбу сестры Елизаветы. Очевидцы рассказывали, как «однажды Анна въезжала в город в золочёной карете, и по обеим сторонам главной улицы стоял народ».

В 1918 г. Анна Демидова разделила участь царской семьи в доме Ипатьева в Екатеринбурге, хотя имела возможность избежать мученической расправы...

5.

Игуменья Таисия пользовалась особенным доверием великого русского святого XX в. – Иоанна Кронштадтского, он считал её своей духовной дочерью. Проезжая ежегодно на пароходе к себе на родину в Суру Архангельской губернии, он навещал Леушинский монастырь. По его благословению выросло Леушинское подворье в Санкт-Петербурге. Отец Иоанн часто служил там литургию. «Легко и служится в храме твоём», – говаривал он матушке.

Преставилась игуменья Таисия 15 (2-го по старому стилю) января 1915 г. и была похоронена в главном соборе Леушинского монастыря – соборе Похвалы Пресвятой Богородицы. Преемницей матушки Таисии стала игуменья Агния, ближайшая её помощница. Она приняла венец мученицы в страшный 1938 год, когда была прихожанкой храма Благовещения в городе Череповце.

Но на этом история Леушинского монастыря не заканчивается: дальше его судьбу вершило время. В тридцатые годы святую обитель закры-

ли. В 1941 г. началось затопление местности, расположенной в русле реки Шексны. Под воду ушли православные святыни, сёла, деревни, город Молога. Через 7 лет на их месте бушевала стихия рукотворного Рыбинского водохранилища. В конце каждого лета море мелеет, и посреди водной равнины открываются скорбные останки когда-то первоклассного Леушинского монастыря.

Примечания

¹ Игуменья Таисия Леушинская. Келейные записки. СПб.: Леушинское Подворье, 2004.

² Духовное завешание игуменнии Таисии // Венок памяти игуменнии Таисии Леушинской. СПб., 2002. С. 7.

³ См.: История Леушинского монастыря от основания обители до кончины игуменнии Таисии / Авт.-сост. М.Мальцев. СПб.: Русская Фиваида, 2010.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Цитир. по: Стрельникова Е.В. Неопубликованные письма игуменнии Леушинского монастыря Таисии (Солоповой) // Благовестник. Епархиальная газета. 2005. №1–3. С. 23.

⁶ Там же.

Политические процессы в истории России: вторая половина XIX – XX вв.

А.Н. Егоров
г.Череповец, Россия

Образ либерала в революционно-демократических кругах России второй половины XIX века

В эпоху Великих реформ Александра II существенную роль в общественно-политической жизни страны стали играть либеральные деятели, что не могло не вызвать ответной реакции их политических оппонентов. В революционно-демократических кругах образ российского либерала формировался через призму отношения либералов к революции и самодержавию. Решительно настроенные российские революционеры не были сторонниками компромиссов в политике. Мировоззренческая установка изменить «все и сразу» отрицала любой диалог с властью, не принимала тактику уступок и соглашений. Поэтому в действиях либералов по согласованию интересов различных социальных групп революционеры усматривали трусость, холуйство перед властью, предательство народных интересов. В итоге по мере роста освободительного движения слово либерал стало чуть ли не синонимом «соглашательства» и «непоследовательности», за ним в левых кругах закреплялся негативный смысл, оно становилось все более непопулярным.

Важнейшим инструментом формирования образа либерала в революционно-демократических кругах служила политическая сатира. Литературоведы полагают, что первый всеобъемлющий сатирический образ либерала предстал перед читателем в стихотворении А.Н. Плещеева «Мой знакомый» (1858 г.). Герой стихотворения, бедный дворянин, представлен вначале «ярким либералом», говорившим красивые слова о «свободах»:

Не мог терпеть он спину гнуть,
Любил он бедный класс,
Любил помещиков кольнуть
Сатирой злой подчас...
Всех лихоимцев, подлецов
Мечтал он быть грозой;

И за права сирот и вдов
Клялся стоять горой¹.

Однако жизненные обстоятельства привели литературного героя к мысли о женитьбе на богатой девушке, не разделявшей либеральных увлечений, но имевшей большое богатство. Жена ввела его в губернский высший круг, он разбогател, и либеральные идеи стали потихоньку исчезать:

И встретил я его потом
В губернии другой;
Он был с порядочным брюшком
И чин имел большой.
Пред ним чиновный весь народ
И трепетал и млея;
И уж не триста душ – пятьсот
Он собственных имел.
О добродетели судил
Он за колодой карт...
Когда же юноша входил
Порой пред ним в азарт,
Он непокорность порицал
Как истый бюрократ...
И на виновного бросал
Молниеносный взгляд...²

Уже в этом стихотворении были заложены основы образа либерала: громкие красивые слова, не сопровождающиеся решительными действиями по изменению существующего строя, рано или поздно приводят к заискиванию перед властью, следствием чего становится прямая измена «делу народа».

В 1871 г. в журнале «Отечественные записки» вышел роман И.А. Кушневского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин». В духе демократической литературы 1860-х гг. в центре романа была поставлена тема воспитания революционного поколения и поиска путей борьбы за новый общественный строй. Одна из сюжетных линий романа посвящена либеральной тематике. Через образ Николая Негорева показано как умный, честный либерал превращается в хладнокровного, благонадежного мещанина, а затем и злобного «предателя-реакционера». Так тема обличения «продажных либералов», благонамеренных и благополучных россиян, врагов всего нового и прогрессивного стала утверждаться в

произведениях революционно-демократических авторов. Либералам приписывали такие черты, как мягкотелость, нерешительность, словоблудие, изворотливость, трусость, лицемерие и т.п.

Наибольшую известность получили сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина (1880-е гг.), среди которых выделялись произведения, высмеивающие либеральную общественность. Она была показана в широком спектре оттенков прямого или завуалированного отступничества, приспособленчества и перерождения вчерашних передовых людей. Вершиной щедринского обличения либерализма стала сказка «Либерал» (1884 г.), в которой даются сатирические определения трем факторам, которые «должны лежать в основании всякой общественности: свобода, обеспеченность и самостоятельность». По мнению либерала, эти три фактора «могут дать обществу прочные устои и привести за собою все остальные блага, необходимые для развития общественности»³. Начинает либерализм, по мнению Салтыкова-Щедрина, с требования «по возможности», затем переходит к принципу «хоть что-нибудь» и завершает свой путь позорным «применительно к подлости». Не без участия выдающегося писателя в 1880-е гг. получил развитие тезис об ограниченности и трусости либерализма.

Любопытную зарисовку об общении М.Е. Салтыкова-Щедрина с либералами приводит известный эсер В.Л. Бурцев в своих воспоминаниях. «После убийства Судейкина, – писал он, – в редакции «Отечественных записок» один из известных провинциальных земских деятелей спросил Щедрина:

– Михаил Евграфович, говорят – революционеры убили какого-то Судейкина. За что убили его?

– Сыщик он был! – ответил Салтыков.

– Да за что же они его убили?

– Говорят вам по-русски, кажется: – сыщик он был!

– Ах, Боже мой! Я слышу, что он был сыщик, да за что же его убили?

– Повторяю вам еще раз: сыщик он был!

– Да слышу, слышу я, что он сыщик был, да объясните мне, за что его убили? – не унимался земец.

– Ну, если вы этого не понимаете, так я вам лучше растолковать не умею! – ответил Салтыков»⁴.

Приведенный рассказ интересен в плане выявления мировоззренческих различий между революционно настроенными деятелями и либералами. Для революционера сам факт того, что Судейкин – сыщик является неоспоримым доказательством его вины и основанием для заслуженной

кары. А с точки зрения либерала человек должен отвечать за свои про-
ступки, а не за занимаемую должность.

Богатый материал для понимания механизма конструирования образа либерала в среде социалистов-революционеров дают мемуары лидера Партии социалистов-революционеров В.М. Чернова. В них соединяются личные наблюдения за знакомыми либералами с теоретическими рассуждениями о «классовых интересах». Чернов отмечает неоднородность российского либерализма. Одну группу он характеризует как земских либералов «лэндлордистской складки». В качестве примера приводятся тамбовский уездный предводитель дворянства В.М. Петрово-Соловово и крупный помещик, винный заводчик А.Н. Чичерин – брат известного либерала Б.Н. Чичерина. Их либерализм, по мнению Чернова, был, прежде всего, «фрондой против губернатора, в политическом отношении довольно невинной и порою сильно смахивавшей на спор о «местничестве» между развитыми старожилами помещиками и чиновным выскочкой «гастролером», присланным сверху». В этом либерализме было «и желание показать свою «культурность», и широкую просвещенность, и англоманство, столь традиционное среди той части русских земельных магнатов, у которой конституционализм был в родстве не столько с французской «декларацией прав человека и гражданина», сколько с «ограничительной записью», подсунутой Анне Иоанновне замыслами «верховников»». В вопросах народного образования, полагал Чернов, в ассигнованиях средств на культурные цели, в отстаивании прав земства, в отношениях к церковно-приходским школам эти люди «блистали самыми передовыми воззрениями»; но в экономических вопросах (установлении такс взысканий за потравы, порубки; организации агрономической помощи населению) классовые помещичьи интересы «вылезали у них наружу с полной бесцеремонностью». Многие из них вели свое хозяйство по-старому, нанимая крестьян на работы буквально за гроши, т.е. занимались «самым настоящим земельным ростовщичеством»⁵.

Другая группа земских либералов, как считал В.М.Чернов, была тесно связана с «третьим элементом» земств и «обнаруживала явно демократические симпатии; если не идеология, то общий «дух» русского народничества пропитывал собою их либерализм; они были, пожалуй, в начале менее политические либералы, чем народолюбивые культурники»⁶.

Вспоминая о своих первых знакомствах с тверскими либералами. В.М. Чернов писал: «Нас не мог не интересовать вопрос: что же, собственно, представляют собою русские либералы? Есть ли это самостоятельная сила, или просто так себе, побочное «обстоятельство образа дей-

ствий» русских революционеров? Но нас ждало большое разочарование. Старик Бакунин, который должен был явиться «осью» собеседований, оказался живым осколком старины, правоверным гегельянцем, с уклоном мысли в сторону философских отвлеченностей; мы тянули в сторону жизни, практики революционной борьбы, он тянул к знакомым абстракциям. Брат его <...> внушал нам еще менее интереса <...> Не помню хорошо, кто еще бывал из «либералов». Очень крупных, помнится, не было. Приходилось держаться Бакуниных, подкрепляя свой падающий интерес к ним тем, что то были братья знаменитого апостола анархии, Михаила Бакунина. Но, Боже мой, как бледно выглядели эти люди, у которых в жилах текла та же наследственная кровь, что и у легендарного противника Маркса в легендарном «Интернационале I»»⁷.

Встречался В.М. Чернов с либералами и в студенческой среде. Он вспоминал, как, узнав о существовании кружка студентов-либералов, «мы во что бы то ни стало захотели попасть в него и посмотреть: что это за удивительный биологический тип – настоящий, убежденный студент-либерал?». Чернов отмечал, что на обычном студенческом жаргоне «либерал» было насмешливое прозвище, прилагаемое к той «золотой молодежи», которая не решалась «просто и кратко» говорить: «плевать нам на все убеждения в мире!» а искала прикрытия в дешевых фразах... Припадки такого «либерализма» начинались обычно с приближением к окончанию курса.

Третьекурсник-либерал
 Редко сходки посещал.
 Редко сходки посещал –
 Свою шкуру сберегал...
 Душа ль моя, душенька,
 Душа – мил сердечный друг...»⁸.

Однако на этот раз Чернов встретился с либеральным политическим кружком, находившимся под патронатом редактора «Русской мысли» В.А. Гольцева, влиявшего на кружок через своего сотрудника В.Е. Ермилова. Либерально настроенные студенты не произвели большого впечатления на будущего лидера эсеровской партии: «общий состав кружка был довольно тусклым». «С молодыми «либералами», – вспоминал Чернов, – мы жарко спорили, но не очень враждовали: в спорах они были очень слабы, а победителям нетрудно быть великодушными. Нам было приятно оттачивать свою аргументацию со стороны этого нового «фронта», а слабенький Ермилов был для нас как бы «головой турка», на которой желающие могут пробовать силу своих ударов»⁹.

Из либеральной среды будущие эсеры особо выделяли В.А. Гольцева, поскольку за ним, по словам Чернова, «не числилось никаких подобострастно-верноподданнических выходов, которыми смягчались обычно конституционные выступления либералов: ах, наши земцы были такими же любителями «бунта на коленях», как и самые забитые из наших крестьян! Во-вторых, шепотом в радикальных кружках передавалось о недавнем его участии в революционном журнале «Самоуправление». В-третьих, Гольцев охотно предоставлял с трибуны «Русской Мысли» право голоса представителям левого крыла... Такое литературно-политическое джентльменство мы понимали и ценили»¹⁰.

В.М. Чернов писал, что его посещения либерального кружка прекратились «по исчерпанию основных тем, по невозможности друг друга переубедить и по скуке повторяться». Лидер эсеров не уставал подчеркивать ограниченность российского либерализма. «Вообще говоря, русский либерализм того времени имел очень определенную культурную и земско-конституционную программу; она блистала «практичностью», узостью и... тусклостью. Но он совершенно не имел своей общей идеологии... В области философской, этической, социологической, русский либерализм не имел даже и намека на какую-нибудь свою собственную физиономию... Более свободомыслящее религиозно-новаторское устремление мысли по дороге идеалистической метафизики находилось в зародыше и еще не было аннексировано никакой политической партией. Серьезных покушений на это со стороны либералов тоже не было. Для этого они были слишком узко практичны, и для нас идейно не интересны. Итак, либерализм находился совсем в иной плоскости, чем мы»¹¹ – отмечал он.

В.М. Чернов показал, как формировалось отношение эсеров к либералам. «Мы, конечно, ничего не имели против борьбы либералов с правительством, – писал он. – Мы далее не боялись того, что они смогут воспользоваться результатами нашей борьбы с правительством, заставивши «нас» вытаскивать для них каштаны из огня. Нет, мы скорее готовы были презрительно третировать либералов за то, что они и этого-то не сумеют сделать. Единственно, на что мы тогда считали либералов годными – это на то, чтобы устроить в России промежуточный либерально-конституционный режим для того времени, когда «мы» будем *еще* (здесь и далее курсив автора – А.Е.) недостаточно сильны для овладения властью, а самодержавие – *уже* недостаточно сильно для ее удержания в своих руках. Либеральный режим мы считали меньшим злом, даже известным удобством для себя, как бы скромны размеры этого либерализма ни были... Пускай же либералы ценой каких угодно сделок и ком-

промиссов, которые для нас были бы позором, добывают известную дозу свободы: мы ее используем. В будущем либералы – наши враги; пока же – меньшее зло, если только делают свое дело, а не топчатыся на одном месте, стараясь и невинность соблюсти и капитал приобрести»¹². В итоге, заключал В.М. Чернов, «с либералами, как с чужаками, предполагалось «врозь идти, но вместе бить» самодержавие; допускалось временное торжество их вначале, после которого должна была наступить очередь поворота фронта против либералов»¹³.

Любопытные зарисовки образа либерала встречаются в воспоминаниях В.Л. Бурцева, придававшего большое значение союзу тех революционных и либеральных кругов, которые были нацелены на государственное строительство. Он полагал, что либералы любили Россию и свое служение ей видели в легализме. Отрицательно относясь к революционному движению, они надеялись, что будущее будет принадлежать им, их идеалам, их методам борьбы. Они не верили в социалистическое и рабочее движение в России, относились к нему свысока, как к «иллюзиям увлекающихся людей». При этом они не верили, или только показывали вид, что не верят, и в разрушительные силы народных масс. «Они, – писал Бурцев, – как будто верили только в силу одних своих идей и полагали, что этой платонической веры достаточно для борьбы и с правительственной реакцией и с угрожающими явлениями слева. Но многие из них – может быть, даже большинство – не только видели свою слабость, но открыто признавали, что они бессильны против антигосударственного направления, которое легко могут принять революционное и рабочее движение, если только государственная власть не будет на их стороне. Они, поэтому, сознательно уклонялись от решительной борьбы с этой властью. Они понимали, что они сами существуют лишь до тех пор, пока их прикрывает и защищает власть, хотя бы и реакционная». По мнению Бурцева, либералы искренне желали развития «истинного демократического течения» в России и считали это единственным спасением для страны. «Но, – высказывал он главный упрек либералам, – все то, что в этом отношении реально было ими сделано за те годы, было слабо, во всем этом было мало энергии, мало энтузиазма и пафоса, мало жертвенности»¹⁴.

В другом месте Бурцев рассуждал: «В чуждом для меня либерально-прогрессивном лагере я видел много здорового, но в этом лагере я не нашел ни широких перспектив, ни энергии, ни жертвенности, ни желания рисковать... Не эти люди могут спасти Россию в роковые моменты ее истории»¹⁵. В этих словах раскрывается основа образа либерала как «бессильного политика», каким его представляли в эсеро-меньшевистских кругах.

В.Л. Бурцев отмечал и враждебное отношение революционных кругов к либералам в эмиграции. Он приводил мнение народовольца Дембо, говорившего, что «либералы – буржуа, враги народа, враги революции, что русские оппозиционные партии не имеют никакого значения, что либералы меня обманут, предадут, что они не способны ни на какую борьбу, что я в них разочаруюсь и что я совершаю ужасную ошибку, защищая союз с ними»¹⁶. Один из основателей украинского социализма М.П. Драгоманов так характеризовал Бурцеву либеральную оппозицию: «эти либералы не способны ни на какую активную борьбу и ни на какой риск, никогда не примут участия в делах, которые не являются украшением их деятельности и в которых они не могут играть показной роли и что они поэтому... будут сидя у моря ждать погоды, фрондить и сдадут все свои позиции левым в самые критические моменты борьбы»¹⁷.

Резкой критике подвергала либералов и революционная печать. Бесцензурная «Народная воля» буквально обрушивалась на них в 1882 г. «Вся деятельность этих жалких трусов ограничивается тем, что при случае, обиняком, они рабски просят конституцию, обаяясь и на свободе по-прежнему пресмыкаться»,¹⁸ – читаем мы в номере газеты от 5 февраля этого года.

Таким образом, к концу XIX в. в революционно-демократических кругах сложился образ «продажных либералов», благонамеренных и благополучных россиян, врагов всего нового и прогрессивного. Либералам приписывали такие черты, как мягкотелость, нерешительность, словоблудие, изворотливость, трусость, лицемерие и т.п. Суть данного образа хорошо передает выражение «гнилой либерализм». В сатирических произведениях подчеркивались благодушие и мягкотелость либералов, неверие в «темный народ», боязнь революции и вера в благоразумие сверху. Либерализм противопоставлялся насущным интересам трудящихся; подчеркивалось отсутствие серьезных противоречий между либералами и существующей властью. Подобная позиция революционно-демократических кругов исключала разумный диалог между социалистами и либералами, что, в свою очередь, вело Россию к революционным потрясениям начала XX века.

Примечания

¹ Плещеев А.Н. Сочинения. Пермь, 1985. С.103

² Там же. С.105.

³ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. М., 1988. С. 492.

⁴ Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. Т. 1. Берлин, 1923. С. 28.

⁵ Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Кн. 1. Берлин, Петербург, М., 1922. С. 251.

⁶ Там же. С.252.

⁷ Там же. С.145.

⁸ Там же. С.146.

⁹ Там же. С.147.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С.148.

¹² Там же. С.155.

¹³ Там же. С.336.

¹⁴ Бурцев В.Л. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. Т. 1. Берлин, 1923. С. 45-46.

¹⁵ Там же. С.47.

¹⁶ Там же. С.69.

¹⁷ Там же. С.75.

¹⁸ Народная воля. 1882, 5 февраля.

С. Брежнев

Руководитель: *Н.В.Коробова*
с. Шейбухта Междуреченского р-на
Вологодской обл., Россия

История одного репрессированного

Всем,

кто клеймён был статьёю полсотни восьмою,
кто и во сне окружён был собаками, лютым конвоем,
кто по суду, без суда, совещаньем особым
был обречён на тюремную робу до гроба,
кто был с судьбой обручён кандалами, колючкой, цепями,
им наши слёзы и скорбь, наша вечная память!

Т. Руслон

В моих руках старая фотография. На ней Фома Ермолаевич Кресак, которого до сих пор помнят старожилы нашей округи как личность необычайной силы духа, энергии и нестигаемой силы воли. Почему же по прошествии семидесяти лет людская память жива? Какими поступками он – человек приезжий, для которого наше село Шейбухта не было родной – завоевал уважение к себе во всей округе? Меня заинтересовала

судьба этого человека. Но на одних воспоминаниях, иногда противоречивых, трудно было составить портрет этого человека – его качеств и поступков, событий его молодости и зрелых лет. Обращение в архив УФСБ по Вологодской области позволило приоткрыть завесу судьбы этого человека.

5 декабря 1936 года на VIII съезде Советов СССР была принята вторая (сталинская) Конституция, законодательно закрепившая победу социализма в СССР. Для своего времени она представляла собой самую свободную и демократическую конституцию в мире. В статье 125 указывалось, что гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и тайна переписки охраняются законом, им гарантированы права на свободу слова, печати, собраний.

Во все времена для русского человека свобода слова означала, прежде всего, возможность говорить правду. Проведение в жизнь учения марксизма-ленинизма как государственной идеологии, которая часто трактовалась большевиками по-своему, привело к усилению контроля за всеми сферами жизни в государстве. Но происходящие в стране события не оставляли людей равнодушными и всё чаще звучали слова недоверия к советской власти, высказывались мнения о неправильной политике в деревне, проявлялось отрицательное отношение к политике большевиков против церкви. Чтобы заставить людей замолчать, Сталин развернул настоящую войну с собственным народом. «Враг народа» – эти слова стали зловещими не только для тех людей, кто попадал в эту категорию, но и для их семей, родственников, друзей. Коснулись репрессии и многих наших земляков – крестьян Шейбухова: отца и сына Недопахиных, Маслова, Толова, Фокина; служителей церкви – Беляева и Юшкова, учителя Фомы Ермолаевича Кресака. Десятки людей были арестованы, а после проведения ускоренного следствия расстреляны, отправлены в концлагеря и только небольшое количество – оправданы. Известно, что многие судебные дела были сфальсифицированы, а значит люди были незаконно осуждены¹.

В 1930 году И.В. Сталин чётко обозначил те социальные группы, которые неизбежно будут репрессированы по мере продвижения страны к социализму. Среди них – «инакомыслящие – по сути, агенты наших классовых врагов»². В эти группы были отнесён и заведующий Мотовиловской начальной школой Иванишевского сельсовета Фома Ермолаевич Кресак. Во время ареста учителю Кресаку было предъявлено обвинение в том, что он является завербованным агентом одного из иностранных государств³. Так ли это было на самом деле?

В уголовном деле при заполнении протокола об избрании меры пресечения сказано: «Принимая во внимание, что Кресак Фома Ермолаевич является социально опасным, может скрыться от следствия и суда и что оставление его на свободе может повлиять на ход следствия и суда, постановил Кресака заключить под стражу... с последующим содержанием в вологодской тюрьме I категории», что в дальнейшем означало расстрел⁴.

Жизнь этого человека была очень насыщена и интересна. Фома Ермолаевич родился в 1887 году на Украине в семье крестьянина-середняка. Уже в молодости в нём ярко проявилось желание добиваться справедливости, бороться за свои идеалы, отстаивать человеческие ценности. До революции Фома Ермолаевич работал учителем начальных классов. Революция резко изменила его жизнь. После прихода к власти большевиков он вступил в подпольную организацию, которая боролась против поляков, которых украинцы считали оккупантами. В 1920 году Ф.Е. Кресак принял участие в восстании против них. В результате польской войны часть Украины, на которой проживал Кресак, оказалась в составе Польши, и украинцы продолжили борьбу. В 1925 году за участие в диверсионной организации он был арестован и помещён в тюрьму города Луцка. Через 15 месяцев за большой выкуп, заплаченный неким Борисюком, он был выпущен на свободу. Воспользовавшись этим, Кресак перешёл на территорию Советского Союза и здесь получил советское подданство. Не сумев вернуть Кресака на Украину, поляки судили его заочно и приговорили к нескольким годам тюрьмы. Этот вопрос освещали польские газеты, и одну из таких газетных вырезок Фома Ермолаевич хранил дома вместе с другими документами, как оправдание за переход советской границы.

В СССР Ф.Е. Кресак женился и вместе с женой Екатериной Ивановной приехал в Междуреченский район, где его назначили заведующим Мотовиловской начальной школой. Вскоре в семье родился сын Владимир. Но 1937 год стал для семьи Кресака роковым. 4 ноября в доме Фомы Ермолаевича был проведён обыск, во время которого органами НКВД были изъяты книги, журналы и даже церковный сосуд для причастия. Во время следствия любая вещь могла сыграть против арестованного. В характеристике, данной Иванищевским сельсоветом, указывалось, что во время проведения пленумов и совещаний Кресак «всегда шёл в разрез с установками сельсовета и политики партии». В день обыска он был арестован, и ему предъявили обвинение «в нелегальном переходе государственной границы в качестве польского шпиона, в систематической контрреволюционной агитации, направленной против Совет-

ской власти и проводимых ею мероприятий»⁵. Та самая вырезка из газеты о заочном осуждении Кресака была уничтожена органами НКВД для того, чтобы провести ускоренное следствие. Об этом впоследствии в 1958 году в своём письме сказала и жена Екатерина Ивановна.

Времена перемен всегда напряжённые, беспокойные времена. События, происходившие в стране в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого столетия, не могли оставить равнодушными многих людей.

В 1929 году происходит насильственное объединение крестьянских хозяйств. Несколько колхозов были созданы и на территории Иванищевского сельсовета. В 1935 году начинается подъём стахановского движения, которое коснулось и жизни колхозников. Известно, что от колхозов при наименьших государственных вложениях хотели получить высокий результат и некоторые колхозники намеренно завышали результаты, которые не уходили от глаз односельчан. Действия бесчестных колхозников вызывали резкую критику на общих собраниях. Ф.Е. Кресак в 1936 году на одном из пленумов сельсовета высказал недовольство тем, что «стахановцы и сталинские ударники – болтуны – они только болтают, а не работают»⁶. Учитель всегда был уважаемым человеком в округе, к его мнению прислушивались. Кресака возмущала несправедливость и по отношению к селянам: он считал, что нельзя 50 % самообложения отправлять на специальный счёт районного исполнительного комитета, ведь этот налог должен был идти и на нужды хозяйственного и культурного подъёма деревень. Кресак высказал и мысль о том, что лошади, на которых вывозят хлеб в Шуйское, обратно идут порожняком и с этим нужно что-то делать. Это выступление запомнилось надолго. Председатель Иванищевского сельсовета, подыгрывая следствию, в характеристике указал, что своими высказываниями учитель Кресак пошёл «в разрез с постановлением правительства, чтобы сорвать строительство школ в районе, пытался сорвать доставку товаров и затормозить выполнение обязательств перед государством»⁷.

Проводя исследование, мы увидели, что происходившие в стране события красной нитью прошли и через историю нашего края. Но всегда находились люди, выступавшие против непродуманной политики большевиков, не боялись сказать и убедить в этом людей.

Дело учителя Кресака было сфабриковано по показаниям двух свидетелей. Это и понятно – нужно было остановить тех, кто открывал людям глаза на правду, нужно было заставить жить в страхе тех, кто готов был говорить эту правду. При изучении уголовного дела хорошо прослеживается, как следователи старались найти доказательства его виновности,

в любое слово свидетеля они вкладывали свой, нужный им смысл, что и протоколировалось.

Следствие шло всего одну неделю. Следователи не нашли доказательств шпионской деятельности и предъявили обвинение по статье 58-10 Уголовного Кодекса – контрреволюционная агитация. В обвинительном заключении было записано следующее: «Кресак систематически занимался контрреволюционной агитацией, распространял клеветнические измышления о советской действительности, которыми дискриминировал и опошлял стахановцев, клеветал на налоговую политику советской власти»⁸. Он был приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Полностью отбыв наказание, Фома Ермолаевич вернулся в Междуреченский район и около года проработал в Шиленгской школе, а затем уехал на Украину, где продолжал работать учителем до своей смерти.

В его личной жизни произошла трагедия – жена Екатерина Ивановна, которую также хотели осудить вместе с мужем, развелась с ним, чтобы в безопасных условиях воспитать их сына Владимира. Антонина Васильевна Тебнева, работавшая вместе с Екатериной Ивановной, вспоминает, как к ней часто ездили из органов НКВД, чтобы сфабриковать дело и на Екатерину Ивановну. Антонина Васильевна рассказывает: «Уж как я плакала, говорила, что женщина она честная, порядочная. А у меня всё допытывались, о чём в коллективе говорит Екатерина Ивановна. Больше года продолжались мои мучения. И только когда сменился следователь, он меня понял, и больше из органов ездить не стали»⁹.

В 1958 году в Управление ФСБ по Вологодской области от Екатерины Ивановны пришло письмо, где есть такие строчки: «Хотя моя жизнь прожита, но мне интересно знать правду, реабилитирован ли он?». В 1958 году свидетели по делу Кресака были передопрошены и высказывались о нём только с положительной стороны. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления, и он был реабилитирован.

Так политика Сталина прокатилась по судьбам безвинных людей. Небывалый уровень жестокости в годы репрессивной политики не смог остановить людей, стоявших на позициях моральных норм, им небезразлична была судьба государства и народа.

После тех событий прошло несколько десятилетий. И сейчас желание чувствовать себя свободным не оставляет людей. Только нужно помнить, что свобода – это, прежде всего, ответственность за свои поступки и слова, а для тех, кто стоит у власти – эта ответственность должна быть вдвойне.

Примечания

¹ Свистунов М.А., Трошкин Л.Л. *Междуречье. Очерки и документы местной истории (1137–1990 гг.)*. Вологда, 1993. С. 310.

² Там же. С.36.

³ Архивная справка информационного центра Управления внутренних дел по Вологодской области. № 2/13-К-358.

⁴ Уголовное дело № П-7565 на Кресака Фому Ермолаевича. Архив УФСБ по Вологодской области.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Из беседы с Тебневой Антониной Валентиновной, 1920 г.р., проживающей по адресу: 161052, д. Турыбанино, Вологодская область, Междуреченский район. При подготовке статьи нами также были использованы материалы бесед с Горбачёвой Лидией Александровной, 1920 г.р., проживающей по адресу: 161052, с. Шейбухта, ул. Школьная д.2, кв.2, Вологодская область, Междуреченский район.

Э.Эванс

Пенсильвания, США

Демократизация г. Волжского, Россия

Evans

Pennsylvania, USA

The Democratization of Volzhskiy, Russia

During the 1990s, a weakened central state, the failure to create a stable party system, and President Boris Yeltsin's initial commitment to local self-governance combined to create conditions for municipalities to develop their own distinctive practices of local politics. In the process, local political machines were established in many cities, which were then co-opted during President Vladimir Putin's recentralization policies (Gel'man, 2010). However, some cities came to be characterized by a surprisingly high degree of pluralism and democracy that continues to be in evidence in the "hybrid" regime associated with Putin. Overall, the stories of these cities have been washed out in studies using aggregate data and generalized images of creeping authoritarianism in national politics.

This paper offers a case study of the industrial city of Volzhskiy which is an especially puzzling case because it was controlled by the *Kommunisticheskaya Partiya Rossiskoi Federatsii* (KPRF) and was resistant to liberalizing reforms through most of the 1990s. Volzhskiy has evolved into a highly pluralistic system, which is most clearly evident in the patterns of electoral politics over time. Drawing upon archival research, a close reading of the local newspaper, *Volzhskaya Pravda* (VP), and interviews with local politicians, this paper traces the interplay of formal electoral institutions and informal political processes in the making of Volzhskiy's local-level transition to democracy. Volzhskiy's experience points to the possibility of vibrant local politics that is not captured in aggregate data and rarely explored in postcommunist hybrid or authoritarian regimes.

I argue that the explanation for Volzhskiy's local democracy begins with the recognition of the level of diversity in economic production and the workforce, which produced a degree of contending interests not seen in cities that were organized around a single industry or factory. However, this economic diversity does not guarantee pluralism in politics; there is more to the story. Volzhskiy's pluralism and local democratic outcome can largely be explained by a) the emergence of a more diverse set of economic interests and constituencies and b) a KPRF organization that was strong, but rather than prevent or delay postcommunist political transformation, it unintentionally helped create the conditions for decisions, rules, and governance structures that would facilitate an open political process that is now proving to be durable even after a decade of Putinism (Путинизм).

Rather than a tale of sub-national authoritarianism, entrenched interests, and machine politics (Gel'man and Ross, 2010), Volzhskiy's is a story of democratic transition and formal institution building. In some ways, this story is similar to one anticipated in Anna Grzymała-Busse's finding about how a reinvented Communist Party provided the necessary robust competition for democratic institution building in East European democracies after 1989 (Grzymała-Busse, 2007). Indeed, *because* Volzhskiy's chapter of the Communist Party was able to advocate a plausible alternative to the pro-reform and pro-Yeltsin movement, various local economic elites backed different political parties, resulting in robust electoral competition and a need to create transparent and democratic local institutions.

The puzzle here is *why* did the city keep moving in a democratic direction and become even *more* democratic after Putin's verticalization of power reforms? This was a city where many of its factories were all but destroyed by Yeltsin's economic reforms, where hundreds—sometimes thousands—of people would show up to protest their worsening socio-economic conditions, where

residents voted for leftist parties and candidates in higher numbers than Russians in general, and much of the democratizing was done by a group, the Communist Party, which would not be identified as or identify themselves as “democrats,” in the Western-liberal sense of the word. However, such democrats were not necessary, what was necessary was that a significant opposition that could mobilize residents existed. This opposition was possible because the city’s diverse economic structure and open, transparent politicians created the opportunity for groups to mobilize against Yeltsin’s economic, social, and political reforms and the disastrous local effects of those reforms. This democratic outcome on the municipal level mirrors the relationship that robust competition has to democratic outcomes in postcommunist transitions at the national level (Grzymała-Busse, 2007, Bielasiak, 2006).

One of the easiest ways to observe Volzhskiy’s pluralism is through election results. Even though a plurality (if not majority) voted for government parties in seven of the thirteen postcommunist elections, a significant opposition supported leftist opposition parties in the “socialist family” (Colton, 2000), primarily KPRF. Furthermore, Volzhskiy’s population has supported socialist parties more than Russia’s general population in national elections since 1995. This suggests that Volzhskiy is both more socialist than average and has more pluralism due in large part to the robust competition that the reformed local KPRF provided.

At least one part of the explanation for this outcome of pluralism in elections lies in the diverse base of Volzhskiy’s economy. Unlike the hundreds of Soviet cities that grew up around a single industry or even a single massive industrial project, Volzhskiy ended up with a number of factories from various industrial sectors that created a diversity of economic interests. This diversity left an opening for pluralism “from below” because economic elites were not as inherently tied to local politics, as is very typical in areas with concentrated economies (Stoner-Weiss, 1997). This section briefly charts Volzhskiy’s economic development and the opportunity for pluralism that its economic structure provided in the early postcommunist years.

By the end of the Soviet period, Volzhskiy was an industrial center with factories representing the machine building, chemical, and metallurgical industries. Today, the city’s population is roughly 314,000 and industrial producers represent rubber and tire production, bearings, steel, and chemical industries. Volzhskiy is also home to large food production facilities, such as the brewery *Povol’zhe*, which accounted for about 10% of the city’s production in the mid-2000s (Ramazanov and Myasnikova, 2009). With such a diverse economy, various industries were impacted differently and at different times by the economic reforms of the 1990s and privatization. While some factories

sat almost idle, others began making international connections and producing for export markets. For example, Volzhskiy Pipe Plant (VTZ) was hit very hard in the early 1990s. Pipe production fell 55% in 1992, and by the end of 1993, VTZ produced just 27.5% of the 1991 level of pipes (Gorodskoi otdel statistiki, 1993, Gorodskoi otdel statistiki, 1994). Yet by 1999, VTZ reorganized and began winning international contracts and contracts for the construction of major oil and gas pipelines.¹ On the other hand, Volzhskiy GES produced slightly less electricity in 1992, but rebounded to over 1991 levels in 1993. However, it became mired in controversy when scandal erupted over its “privatization,” which resulted in major cost increases for residents and local companies and pleas to have the plant transferred from federal to municipal property (Blagodarov, 1999, Martynova, 1998, Nekrasov, 1998, Shiryaev, 1999).² While most industries were negatively affected by the economic depression and various crises over the 1990s, the economy was pluralistic and no one director, company, or industry could exert a dominant force over local or regional officials.

Economic pluralism only goes part of the way to explaining the unusual degree of political participation and protest in Volzhskiy, especially since other similarly diversified cities—such as Biysk—did not fare as well. The other part of the explanation relates to unexpected consequences from having a well-organized KPRF entrenched in Volzhskiy in the 1990s. Rather than prevent political change, KPRF’s presence and its opposition to Yeltsin ended up triggering a sequence of events and decisions that led to a more open and transparent polity by 2000. And this openness and transparency proved to be robust enough to endure Putin’s efforts to establish a more centralized “vertical of power.”

After years of Volgograd Oblast officials calling local elections and promising to recreate a municipal representational branch, only to cancel and postpone them, Volzhskiy was allowed to elect a representational branch and, for the first time, a mayor in 1996 (Martynova, 1996). The unexpected results revealed the level of discontent in the population (Ramazanov and Myasnikova, 2009). Anatolii A. Shiryaev, a hardline communist, was elected with the sup-

¹1999b. Volzhskii trubniy--pobeditel' tendera. *Volzhskaya Pravda*, 7/8/1999, p.1. and 1999a. Truby poedut v Indiyu. *Volzhskaya Pravda*, 10/5/1999, p.1.

²The 1993 Privatization of the Volzhskiy hydroelectric power plant was alleged (in 1998) to have been a scheme for the enrichment of the former City Soviet Chair, who went on to become the Volzhskiy district State Duma Deputy and a member of KPRF. The privatization would also be more accurately considered nationalization because over 80% of the power plant’s shares were owned, ultimately, by the Russian Federal Government.

port of the strong local KPRF chapter (Ramazanov and Myasnikova, 2009).¹ He received a plurality (40.29%) of the vote; incumbent Mayor Kononov received 36.37% (Ramazanov and Myasnikova, 2009). Shiryayev found himself in good company with the representative branch, which was composed of seven deputies from KPRF and eight who ran as part of the *Blok Narodno-patrioticheskikh Sil* (some of those deputies overlap) out of the 15 total deputies (Ramazanov and Myasnikova, 2009, Afanaseva et al., 1997). This structure was institutionalized in Volzhskiy's City Charter, passed in 1998 (Volzhskii Gorodskoi Sovet Narodnykh Deputatov, 1998). This democratization was done by an overwhelmingly communist local government during a deep economic depression. From there, the city took its final step, increasing the size of the City Duma and introducing a PR electoral system in a new City Charter, passed in 2005. Unfortunately, there is no "smoking gun", which explains the shift to a PR elected City Duma, but it seems likely that this decision was a win-win for the local United Russia, KPRF, and LDPR chapters.

Conclusion

This paper is a call for a more nuanced understanding of sub-national politics within hybrid regimes. Particularly, recent scholarship has focused on the more authoritarian aspects of sub-national politics in the postcommunist world (Gel'man and Ross, 2010, Radnitz, 2010, Robertson, 2011, McMann, 2006). While this research is of high quality and highlights many of the worrisome aspects of hybrid regimes, we risk missing a more complete understanding of how sub-national politics works and possibilities for encouraging local democratic outcomes. Using Volzhskiy as a case study, we see that cities that have economic pluralism and strong opposition (such as KPRF) can create democracy friendly environments that can and do exist within hybrid regimes. By following the economic and political dynamics of Volzhskiy's postcommunist history, it becomes obvious that local power configurations and actors actually can play significant roles in local political outcomes. In short, local level politics matters in ways that aggregate data and national politics fail to capture.

Bibliography

- 1992a. Direktoram o S"езде. *Volzhskaya Pravda*, 12/26/1992, p.1.
- 1992b. Ustav o samoupravlenii. *Volzhskaya Pravda*, 3/26/1992, p.1.
- 1996. Soyuz otchityvaetsya. *Volzhskaya Pravda*, 12/15/1996, p.1.
- 1999a. Truby poedut v Indiyu. *Volzhskaya Pravda*, 10/5/1999, p.1.
- 1999b. Volzhskii trubniy--pobeditel' tendera. *Volzhskaya Pravda*, 7/8/1999, p.1.

¹1996. Soyuz otchityvaetsya. *Volzhskaya Pravda*, 12/15/1996, p.1.

Afanaseva, M.R., Bogdanenko, U.V., Beliaev, S.V., Zykov, V.V., Isakov, E.A., Lutsenko, V.A., Rogozhkin, V.M. & Shitikova, L.I. 1997. Obrashchenie. Volzhskaya Pravda. 1/10/1997, p.1.

Bielasiak, J. 2006. Regime Diversity and Electoral Systems in Post-Communism. Journal of Communist Studies and Transition Politics, 22, 407-430.

Blagodarov, S. 1999. Korruptsiya krasneet... Volzhskaya Pravda, 6/3/1999, p.2.

Colton, T. 2000. Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia, Cambridge, MA, Harvard University Press.

Gel'man, V. 2010. The Dynamics of Sub-Naitonal Authoritarianism: Russia in Comparative Perspective. In: GEL'MAN, V. & ROSS, C. (eds.) The Politics of Sub-Naitonal Authoritarianism in Russia. Brulington, VT: Ashgate Publishing Company.

Gel'man, V. & Lankina, T. 2008. Authoritarian Versus Democratic Diffusions: Explaining Institutional Choices in Russia's Local Government. Post-Soviet Affairs, 24.

Gel'man, V. & ROSS, C. (eds.) 2010. The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia. Burlington, VT: Ashgate Publishing Company.

Gorodskoi Otdel Statistiki. 1993. Vse nizhe i nizhe. Volzhskaya Pravda, 2/20/1993-2/24/1993, p.2.

Gorodskoi Otdel Statistiki. 1994. V usloviakh inflatsii. Volzhskaya Pravda, 2/9/1994. p.2.

Grzymala-Busse, A. 2007. Rebuilding Leviathan: Party Competition and State Exploitation in Post-Communist Democracies, New York, Cambridge University Press.

Martynova, E. 1998. Menyaem status GES? Volzhskaya Pravda, 9/22/1998, p.1.

Martynova, E. 2000. Gorod zhivet blagodarya proizvodstvennikam. Volzhskaya Pravda, 3/21/2000, p.1.

Mcman, K. 2006. Economic Autonomy and Democracy: Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. Cambridge, UK, Cambridge University Press.

Nekrasov, A. 1998. Eletronakhlebniiki. Volzhskaya Pravda, 8/4/1998, p.1.

Radnitz, S. 2010. Weapons of the Wealthy: Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia, Ithaca, NY, Cornell University Press.

Ramazanov, S.P. & MYASNIKOVA, O.N. (eds.) 2009. Istoriya goroda Volzhskovo. Volgograd: Pechatnii dvor.

Robertson, G.B. 2011. The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia, New York, NY, Cambridge University Press.

Shiryayev, A. A. 1999. Chinovnik ot partii--eshche ne vsya partiya. Volzhskaya Pravda, 6/3/1999, p.2.

Stoner-Weiss, K. 1997. Local Heroes: The Political Economy of Russian Regional Governance, Princeton, NJ, Princeton University Press.

Volzhskii Gorodskoi Sovet Narodnykh Deputatov. 1998. Ustav goroda Volzhskovo Volgogradskoi oblasti. Volzhskaya Pravda, 7/14/1998, p.1.

Аннотация*

Автор данной статьи на основе проведенного контент-исследования публикаций в местной прессе, анализирует демократические процессы, проходившие в одном из регионов России в 1990-х годах, а именно – в городе Вожский Волгоградской области. Используя описание демократических процессов в г. Волжском в качестве некоего слепка тех общих процессов, что проходили и в других малых городах России, автор приходит к выводу, что характер политических преобразований, проходивших в такого рода городах, заметно отличался от характера процессов, проходивших в столичных городах России. Как отмечает автор, в г. Волжском органы власти проводили более активную политику экономического плюрализма, чему способствовала и деятельность пользующейся активной поддержкой населения оппозиционной партии КПРФ. В результате, в городе сформировались более благоприятные условия для развития демократических процессов, что способствовало политическому и социально-экономическому развитию данного региона. Автор, таким образом, отмечает необходимость более глубокого изучения субнациональной политики (термин автора) в рамках общего гибридного режима, существующего в России. В частности, автор приводит в качестве подтверждения результаты исследования, сосредоточенного на более авторитарных аспектах субнациональных политик в посткоммунистическом мире¹. Это исследование, по мнению автора, имея высокое качество и описание многих тревожных аспектов гибридных режимов, все же не позволяет получить более полное представление о тех особенностях субнациональных политических процессов, которые составляют суть местных результатов демократизации. Используя богатый фактологический материал, основанный на анализе публикаций местных печатных изданий, выходивших в 90-е гг. XX века, автор приходит к выводу, что локальные факторы играли значительную роль в политических процессах и во многом определяли характер политической, социальной и экономической жизни индустриального города.

Примечание

¹См.: Gel'man, V. & Ross, C. (eds.) 2010. The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia. Burlington, VT: Ashgate Publishing Company; RADNITZ. S. 2010. Weapons of the Wealthy: Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia, Ithaca, NY, Cornell University Press.

* Составил Е.А. Марков.

Православная Церковь в Советской России

М.Г. Мальцев
г. Череповец, Россия

Леушинский Иоанно-Предтеченский монастырь и его монахини в 1917–1941 гг.

В последние годы наблюдается всплеск интереса к истории Леушинского монастыря. Количество книг и статей, посвященных этой теме, вышедших за последнее десятилетие, исчисляется десятками (а если включить сюда газетные публикации, то счет пойдет на сотни). При этом обращает на себя внимание отсутствие публикаций, в которых бы излагалась последовательная история обители в советское время. По-видимому, данное обстоятельство объясняется тем фактом, что исторические источники по послереволюционной истории Леушинского монастыря разбросаны по разным архивам. Значительные комплекты документов сосредоточены в Государственном архиве Новгородской области¹, Государственном архиве Вологодской области², Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга³, Череповецком центре хранения документации⁴. Интересный исторический документ хранится в архиве Череповецкого музейного объединения. Это «Книга для господ почетных посетителей Леушинского монастыря»⁵, позволяющая восстановить некоторые подробности монастырской жизни в переломные для обители 1920–1926 годы. Перечисленные источники позволяют получить достаточно целостную картину истории Леушинского монастыря в советское время, основные вехи которой мы и постараемся изложить в настоящей статье.

Если для русского государства переломным явился 1917 год, то для монастырей и церквей таким стал следующий 1918 год, когда был принят «Декрет об отделении Церкви от государства», определивший политику противостояния государства и Церкви на многие годы вперед. При этом в самом тяжелом положении оказались монастыри. В 1918–1919 гг. часть из них была закрыта, другие вынуждены были преобразоваться в коммуны и сельхозартели. В число последних попал и Леушинский монастырь. В 1919 году он принимает статус Леушинской женской

сельскохозяйственной трудовой артели. Членами ее стали монахини, а председателем – игуменья Агния Благовещенская.

Новый статус, конечно, накладывал некоторые ограничения на жизнь инокинь. Но фактически Леушинский монастырь продолжал жить прежней жизнью. Не прекращались богослужения в монастырских храмах, по-прежнему, а, может быть, и еще усерднее, возносились сестрами келейные молитвы⁶.

Интересно, что архивные источники почти не фиксируют серьезных столкновений между властями и монахинями в первые послереволюционные годы. Хотя и нельзя сказать, что их взаимоотношения складывались безоблачно.

Например, на 3 июня 1918 года был намечен грандиозный крестный ход из всех окрестных приходов в Леушинский монастырь. Власти, узнав о планах верующих, категорически запретили его проведение под угрозой применения силы.

Интересный эпизод из истории взаимоотношений местных чиновников и монахинь приводит в своих воспоминаниях Иван Борин⁷. Зимой 1918–1919 годов в Ольховской волости, к которой тогда относился монастырь, был большой голод. Располагая сведениями, что в Леушинской обители остаются запасы продовольствия, председатель волисполкома Д.В. Афонюшкин решил их конфисковать. Игуменья Агния, узнав о нависшей опасности, вышла навстречу председателю с крестным ходом, впереди которого 20 монахинь несли главную святыню монастыря – чудотворную икону «Похвалы Божией Матери», а монастырский хор непрерывно исполнял церковные песнопения. Д.В. Афонюшкин, увидев чудотворный образ, был настолько ошеломлен и поколеблен, что вышел из саней, встал перед иконой на колени, помолился, приложился к ней устами и, сев в сани, возвратился в волисполком, ничего не сделав монахиням.

Как видим, сестрам помогал тот факт, что успехи атеистической пропаганды на селе в первые послереволюционные годы еще не были значительны. И люди верующие встречались и среди советских чиновников.

Но даже не это главное. Местные власти столкнулись с парадоксальной ситуацией. Руководство страны всячески пропагандировало развитие сельхозпредприятий, основанных на полном обобществлении собственности, так как именно в нем видело залог успеха своей деятельности. Но большинство подобных организаций, активно создаваемых в то время, оказывались нежизнеспособны. Успешно развивались только коммуны и сельхозартели, образованные на базе монастырей. Поэтому чиновники

вынуждены были некоторое время закрывать глаза на религиозные убеждения их работников.

Не стала исключением и Леушинская сельхозартель. Ее хозяйство было образцовым: обитель содержала мастерские, больницу, приюты, богадельню, построила паровую электростанцию и мельницу, которая из-за кризиса мукомолья работала в усиленном режиме. И это в тот период, когда почти повсеместно в России наблюдались падение производства, разруха и голод. Стоит ли удивляться, что записи в «Книге для господ почетных посетителей Леушинского монастыря» первое время содержали похвалы и благодарности новых властей в адрес артели и ее руководительницы игумении Агнии.

Многочисленные проверяющие отмечали идеальную чистоту, порядок, безукоризненное ведение отчетности. Артель считалась лучшей в районе, а в некоторых отзывах отмечалось, что она может стать образцом не только для данной местности, но и для всего населения страны.

Конечно, не обходилось и без проблем.

Один из проверяющих (завгубземом Тимохин) был настолько восхищен положением дел в артели, что решил во чтобы то ни стало добиться переименования ее в коммуну. Фактически Леушинская артель и была коммуной в его понимании, так как вся собственность в ней была общая. Дело оставалось за малым – сменить вывеску и поменять формы отчетности.

20 августа 1920 года на общем собрании он разъяснил «сущность коммунизма и коммун» и постановил: артель переименовать в сельскохозяйственную коммуну. Правда, монахини не стали торопиться с проведением в жизнь этого решения. Поэтому очередной проверяющий, посетивший Леушино через месяц (24–25 сентября), вновь проводит общее собрание, где повторно разъясняет, «что такое коммуна и что такое артель». Но, как он пишет в отзыве, «по несознательности членов (слово Коммуна для них отрицательное)», все монахини за исключением членов совета «единогласно высказались против названия их организации Коммуной». Проверяющий настоятельно просил всех, посетивших Леушино, «рассказывать о значении коммуны, которой название ничуть не меняет их коренной хозяйственности, а лишь только перерождает в гражданском духе их существование»⁸.

Несмотря на неожиданное сопротивление монахинь, серьезного ухудшения отношения к ним со стороны чиновников не произошло. Отзывы о деятельности сельхозартели продолжают оставаться почти исключительно положительными.

Например, инспектор, посетивший Леушино 17 апреля 1921 года, написал, что руководитель артели (то есть игумения Агния) «стоит звания Творца Нового Светлого Будущего Нашего Социалистического Отечества. Честь и слава членам Леушинской трудовой артели, достойным труженикам в нашей Молодой С<оветской> Республике»⁹.

Еще более восторженно отзывался о работе монахинь другой высокопоставленный чиновник – Богданов, который сказал, что несмотря на то, что работницы «в черных клобуках ходят, а своей работой доказали, что они Красные Герои Труда»¹⁰.

В Леушино продолжают направляться делегации по обмену опытом. Так, 10 июля 1921 года артель посетили 13 делегатов Череповецкого уездного женотдела, которые также были восхищены увиденным и отметили, что собираются руководствоваться опытом Леушинской артели в своей работе в горсовете, «дабы иметь возможность привести наиболее сознательных женщин и прочих гр-н при исполнении возложенных на них обязанностей к точному и аккуратному ведению хозяйства всей Советской Республики»¹¹.

Между тем мирному существованию Леушинской артели подходил конец, так как центральное руководство страны готовило новую масштабную антицерковную кампанию. Поводом для ее начала послужил голод в Поволжье. В 1922 году проводятся массовые аресты духовенства, якобы за сопротивление изъятию церковных ценностей в фонд голодающих в Поволжье. Репрессиям подверглись патриарх Тихон, многие церковные иерархи, настоятели монастырей и рядовые священнослужители и миряне.

В 1922 году была арестована и настоятельница Леушинского монастыря игумения Агния. Череповецким народным судом она была приговорена к 5 годам высылки.

Ясно, что после ареста настоятельницы существование обители в прежнем виде становится невозможно. В 1922–1923 годах происходят новые неблагоприятные для нее изменения.

На базе монастыря образуется совхоз «Леушино», заведующим которого был назначен светский человек. Отношение нового руководителя к монахиням резко отличалось от того, которое было при игумении Агнии.

Заведующий совхозом ревностно следил, чтобы все монахини работали на равных. Недопустимым считалось, чтобы неработающие получали паек, высказывались предложения брать плату за проживание в монастыре с инокинь, не занимающихся общественно полезным трудом. Труженицы жаловались проверяющим на то, что заведующий совхоза очень груб, запугивал их, что снимет с пайка, терроризировал. Они про-

силы, чтобы за ведением хозяйства велся контроль и со стороны работниц, так как им совершенно непонятно, как используются плоды их труда.

Несмотря на возникшие трения между новым руководством и сестрами, инокини продолжали также усердно исполнять свои трудовые обязанности, вследствие чего совхоз «Леушино» продолжал оставаться лучшим в районе. Инспектор, посетивший его 27 ноября 1923 года, отметил: «В 7-й год Советов будем надеяться, что совхоз выйдет победителем по губернии»¹². Все проверяющие хвалили руководство хозяйства за исключительную чистоту и порядок, хотя некоторые из них и отмечали нарушения в отчетности и утрату части совхозного имущества.

В мае 1924 года происходит объединение совхоза «Леушино» и существовавшей при обители детской школы-коммуны «Новая жизнь».¹³ По-видимому, одной из целей их объединения было стремление руководства постепенно отказаться от услуг монахинь. Но это было практически невозможно, так как таких честных и добросовестных тружениц найти было очень сложно. Поэтому инокини продолжали трудиться даже на территории школы-коммуны. Одна из них служила там конюхом. Несмотря на это, проверяющие с удовлетворением отмечали «внимательное и добросовестное отношение детворы к хозяйству совхоза, ибо это их достоинство» и то, что «монахини же, наоборот, чувствуют, что их положение все дальше и больше становится не господствующим».

Тем временем антицерковная политика властей ужесточалась.

В 1928 году Ленинградским облисполкомом было принято решение о выселении монашествующих из всех совхозов, коммун и сельхозартелей Ленинградской области, образованных на базе монастырей. Так как с 1927 года Леушино находилось в составе Мясинского района Череповецкого округа Ленинградской области, указанное решение непосредственно касалось и Леушинского монастыря.

В 1928–1929 годах всех монахинь, проживавших на территории обители, заставили покинуть свои кельи. Исключение было сделано только для престарелых и немощных сестер, содержавшихся в монастырской богадельне.

Большинство изгнанных из родной обители инокинь поселились в монастырских скитах: Иоанно-Богословском (он назывался местным населением «хутор Крестик») и Успенском (называемом «Хутор Савинский»), располагавшихся в 1 километре от монастыря. Незначительной части инокинь разрешили проживать в непосредственной близости от обители (рядом с Троицким собором), но вне монастырских стен.

Такое достаточно лояльное отношение к ним со стороны местного руководства вполне объяснимо: своими успехами совхоз был обязан работе насельниц обители и отказываться от их услуг не собирался.

Несмотря на то, что, согласно постановлению облисполкома, в штат сельхозпредприятий монахинь включать было нельзя, выход найти удалось. Инокини работали в совхозе по найму в летнее время (в зимнее время они зарабатывали на жизнь рукоделием (вязанием, вышиванием и т.д.)).

Но такое половинчатое решение совершенно не устраивало руководство округа, проводившего в 1929–1930 годах ширококомасштабную работу по искоренению «религиозного дурмана» на подведомственной ему территории.

В начале 1930 года в Мяксу направляется письмо из Череповецкого окрадротделения с пометкой «Срочно. Секретно», в котором содержалось требование принять все меры к выселению монашек с территории совхоза «Леушино»¹⁴.

Не выполнить решения руководства мяксинские чиновники уже не могли.

4 февраля 1930 года всем монахиням, в том числе проживавшим в Успенском и Иоанно-Богословском скитах, было объявлено требование в 10-дневный срок оставить свои кельи и покинуть Леушинский край. (Всего монахинь на тот момент оставалось 154 человека). Причем руководство района отказалось предоставить выселяемым инокиням средства передвижения (лошадей и подводы).

Выполняя решение центрального руководства, местные чиновники столкнулись с неожиданной проблемой. В окрестностях Леушина проживало 29 больных и престарелых монахинь, которые сами передвигаться не могли. Поэтому председатель Мяксинского райисполкома послал в Череповецкую окружную администрацию письмо с просьбой разрешить вопрос с их выселением, а именно предоставить им средства передвижения, соответствующее помещение и обслуживающий персонал. При этом чиновник писал, что оставление этих монашек в совхозе недопустимо, так как они могут служить объектом паломничества «разного рода нежелательного элемента» и вокруг них будут ютиться здоровые монашки, обслуживая больных. По его словам, отношение рабочих совхоза и населения деревни Леушино к монашкам явно отрицательное, особенно бедняцкой части, которым они до сих пор являлись конкурентами в работе на полях совхоза. Безоговорочное их выселение и ликвидация церквей Леушина, безусловно, будет иметь громадный положительный результат в смысле дальнейшего экономического и политического состояния совхоза¹⁵.

Несмотря на столь веские доводы председателя райисполкома, дело с выселением монахинь растянулось на несколько месяцев. Но как бы то ни было, разрешить его удалось, и 1930-й год мы можем считать годом окончательного закрытия Леушинского монастыря.

Вопреки словам председателя райисполкома, выселение монахинь отнюдь не способствовало процветанию совхоза, так как он в одночасье лишился всех своих лучших работников. Но районная администрация не растерялась, найдя новое применение монастырским корпусам. Здесь размещается Ленинградская областная школа для трудновоспитуемых (ЛОШТВ № 3).

После изгнания инокинь уже ничто не мешало поруганию и осквернению монастырских храмов, последний из которых (собор Похвалы Богородицы) был закрыт в 1935 году.

Рассмотрим историю закрытия церковью Леушинского монастыря.

Перед революцией в обители и двух ее скитах находились 3 часовни и 7 храмов (имевших в общей сложности 11 престолов):

1. Каменный собор Похвалы Богородицы (1891 г. постройки) с приделами Николая Чудотворца и архангела Михаила.

2. Каменный Троицкий собор (1906 г. постройки) с приделом Серафима Саровского.

3. Деревянная домовая церковь Спаса Нерукотворного при настоятельских кельях (1880 г. постройки).

4. Домовая церковь при богадельне.

5. Деревянная кладбищенская церковь Иоанна Предтечи (1862 г. постройки), положившая начало Леушинскому монастырю. Располагалась вне монастырских стен.

6. Деревянная кладбищенская церковь Успения Божией Матери в Успенском скиту (1891 г. постройки). Находилась в полутора километрах от монастыря.

7. Деревянная церковь во имя Иоанна Богослова (1899 г. постройки) в Иоанно-Богословском скиту («Крестик»). Располагалась в одном километре от монастыря.

Архивные источники¹⁶ позволяют установить обстоятельства закрытия всех монастырских храмов за исключением двух домовых (при настоятельских кельях и богадельне), специальное решение о закрытии которых, по-видимому, не принималось.

Первым еще в 1928 году был поднят вопрос о ликвидации деревянного храма Рождества Иоанна Крестителя. В ходатайстве мяксинских и череповецких чиновников о его закрытии отмечалось, что церковь требует срочного ремонта, выполнить который община отказывается. По словам

районных чиновников, указанный храм верующим будто бы не нужен, так как они пользуются еще четырьмя церквями, расположенными рядом. Административный отдел Леноблисполкома поддержал это ходатайство, и в 1929 году вышло постановление президиума Леноблисполкома о ликвидации храма¹⁷. Таким образом, церковь, давшая свое имя обители и с которой начинался Леушинский монастырь, была ликвидирована первой.

В том же 1929 году начинается кампания по закрытию остальных монастырских храмов. 16 августа специальная комиссия под руководством начальника Мяксинского РАО Пичугина проводит обследование их состояния и «обнаруживает», что Троицкий собор нуждается в срочном ремонте¹⁸. Этот ремонт верующих обязывают сделать в предельно сжатые сроки и в самый неблагоприятный для проведения строительных работ период. Невыполнение ремонта должно было стать одним из оснований для ликвидации леушинских церквей. Но начавшееся в следующем 1930 году выселение монахинь значительно упростило указанную задачу. (После удаления инокинь необходимость в таком большом числе церквей отпала сама собой).

6 марта 1931 года вышло постановление Леноблисполкома о закрытии сразу трех храмов: Троицкого собора, «Савинской домовой» (Успенской скитской) и «Крестиковской домовой» (Иоанно-Богословской скитской) церквей.

20 сентября 1931 года секретарь Мяксинского райисполкома послал в Леноблисполком отчет¹⁹, в котором сообщил, что ликвидация церквей бывшего Леушинского монастыря произведена, постройки переданы в распоряжение сельсовета для использования под мастерскую профшколы и для общежития учеников ШКМ (школы крестьянской молодежи). все остальное имущество (26 мест) направляется для реализации в Ленинград. Часть малоценного имущества реализована на месте.

В пользовании верующих (уже не монахинь, а простых прихожан) остался всего один храм – собор Похвалы Богородицы. Причем, по видимому, стремясь искоренить дух Православия на территории бывшей обители, власти передают этот главный монастырский собор обновленцам (в списке молитвенных зданий по Мяксинскому району, поданному в Леноблисполком в начале 1931 года, собор Похвалы Богородицы значится обновленческим²⁰).

Правда, в ведении раскольников он оставался недолго. Вскоре приход вернулся в юрисдикцию Патриаршей Церкви.

24 сентября 1934 года президиумом Мяксинского райисполкома было вынесено решение о закрытии последнего леушинского храма – собора

Похвалы Богородицы и направлено ходатайство об утверждении этого решения в Леноблисполком²¹. В ходатайстве указывалось, что собор расположен в центре территории школы для трудновоспитуемых, исполнительный орган религиозной общины отказался от пользования храмом. В настоящее время собор находится без надзора и никем не используется, имущество его расхищается воспитанниками школы. При этом было добавлено, что школа для трудновоспитуемых очень нуждается в этом помещении.

15 апреля 1935 года вышло постановление президиума Ленинградского облисполкома о ликвидации собора Похвалы Богородицы. А 22–23 мая специальная комиссия произвела реализацию его имущества, которое частично было сдано в Леушинский сельсовет и школу, весь металл передали заготконторе²². Некоторая часть перевезена в райфинотдел и сдана коменданту РИКа (районного исполнительного комитета) в кладовую. Иконы и прочее имущество, имевшее на себе позолоту, оставлены в соборе до прибытия представителя из Ленинградского ХОЗО (хозяйственного отдела) для съемки. Также были оставлены в соборе мраморные плиты с гробницы игумении Таисии.

Ликвидация последнего храма Леушинского монастыря совпала с историческим решением советского правительства, предрешившего как его судьбу, так и судьбу множества других монастырей и храмов. 14 сентября 1935 года на совместном заседании ЦК ВКП(б) и СНК СССР было принято решение о строительстве гидроузлов у Рыбинска и Углича. В 1941 году было начато заполнение Рыбинского водохранилища, постепенно скрывшего в своих водах Леушинский монастырь.

Примечания

¹ ГАНО. Ф. 138, 480, 481, 835, Р-131, Р-139, Р-2136.

² ГАВО. Ф.1010, 1129.

³ ЦГА СПб. Ф. 1000, 1001, 7179, 7383.

⁴ ЧЦХД. Ф. 1, 2, 5, 7, 11, 363, 830.

⁵ Архив ЧерМО. Ф.8. Оп.6. Д. 10.

⁶ В свое время игумения Таисия так охарактеризовала монастырские порядки: «Устав монастыря общежительный, заключающийся в том, что все сестры имеют общее келейное положение, общее молитвенное правило и проходят общие послушания, которые с этою целью и подразделяются следующим порядком. Для старих и немощных – неусыпное чтение псалтири в скиту и акафистов Богоматери пред Ее иконою в обители. Рукоделие для них прядение шерсти и льна. Для певчих и более интеллигентного сословия разного рода рукоделия» (Историческое описание Иоанно-Предтеченского первоклассного Леушинского женского монастыря Череповецкого уезда, Новгородской

губернии. СПб., 1907. С. 118). По-видимому, игуменья Агния старалась даже в непростых условиях большевистского переворота придерживаться правил монастырской жизни, установленных ее знаменитой предшественницей.

⁷ Ольхово. Сборник воспоминаний о малой родине. Череповец, 2008. С.46.

⁸ Архив ЧерМО. Ф.8. Оп.6. Д. 10. Л.3.об.

⁹ Архив ЧерМО. Ф.8. Оп.6. Д. 10. Л.6.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л.6 об.

¹² Там же. Л.10 об.

¹³ В 1918 году школы-коммуны образуются повсеместно. Они делились на два типа. Первый – это будущие школы-интернаты, второй – колонии для беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей, порядки которых известны из произведений А.С. Макаренко. К концу 1920-х годов большинство из них утратили свое громкое наименование «школа-коммуна» и стали называться уже привычным для нас словом «колония». Интересно, что многие из подобных воспитательных заведений создавались при монастырях. В частности, в 1918 году школа-коммуна была открыта при Филиппо-Ирапской пустыни. По-видимому, примерно в то же время создается школа-коммуна и близ Леушина. Впоследствии она дважды изменяет свое название и организацию: преобразовывается сначала в детскую колонию, а затем – в 3 отделение Ленинградской областной школы для трудновоспитуемых (ЛОШТВ № 3). Причем с каждым разом детское воспитательное учреждение отвоевывает себе все новые и новые монастырские корпуса. В сентябре 1920 года детской школе-коммуне передаются здания старой и новой монастырских гостиниц. В 1930 году во владении детской колонии значится обширный северо-восточный корпус обители. А в середине 1930-х годов Ленинградскому отделению школы для трудновоспитуемых № 3 принадлежит уже значительная часть монастырских зданий, в том числе и закрытый в 1935 году собор Похвалы Богородицы.

¹⁴ ЧЦХД. Ф. 2. Оп. 6. Д. 6. Л. 100.

¹⁵ Там же. Л. 101.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 610; Оп. 13. Д. 22; Оп. 48. Д. 48; Оп. 51. Д. 35; Ф. 7179. Оп. 10. Д. 281, 283, 237, 791, 902, 1159; Ф. 7383. Оп. 1. Д. 64; ГАНО. Ф.Р. 131. Оп. 1. Д. 84; Ф.Р. 139. Оп. 1. Д. 74; Ф.Р. 2136. Оп. 3. Д. 4; ЧЦХД. Ф. 11. Оп. 1. Д. 97.

¹⁷ ГАНО. Ф. Р. 139. Оп. 1. Д. 74. Л. 77 об.; ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 12. Д. 610. Л. 164об.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 64. Л. 24.

¹⁹ Там же. Л. 25.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 72. Л. 164.

²¹ ЧЦХД. Ф. 11. Оп. 1. Д. 97. Л. 8.

²² Там же. Л. 7-7об.

Город как социокультурный феномен

З.В. Антонова

г. Череповец, Россия

Английские города во второй половине XIX века

Деятнадцатый век был веком расцвета Великобритании, которая, являясь империей, контролировала большие территории по всему миру. До последней четверти столетия она производила больше товаров, чем любая другая страна мира, контролировала мировые перевозки и мировые рынки.

Быстро росло британское население: в 1815 году Великобританию населяло около 13 миллионов человек, к 1871 году это число удвоилось, а к 1914 году численность населения была уже более 40 миллионов. Этот рост и перемещение людей из провинции в города изменили политический баланс, и к концу века большинство мужчин имели право голосовать. Политика и государственные дела стали прерогативой среднего класса.

Между 1815 и 1835 годами Британия из деревенской страны превратилась в страну, где большинство населения жило в городах. В первые тридцать лет девятнадцатого века население таких городов, как Лидс, Манчестер и Глазго, увеличилось более чем вдвое. Лондон, однако, по-прежнему оставался самым большим городом Великобритании.

Необходимо было провести реформу общественной системы. Тори хотели, чтобы парламент представлял крупных собственников, радикалы – большинство населения. Виги, или либералы, были в середине, желая достаточных изменений, чтобы избежать революции. В 1832 году закон о реформе наконец был принят. В результате количество электората в Шотландии выросло с 5 до 65 тысяч. Сорок один английский город, включая Манчестер и Лидс, были представлены в парламенте в первый раз. Общее количество голосующих увеличилось на 50%. Однако Англия, насчитывающая только 54% населения Великобритании, имела более 70% мест в парламенте. Несмотря на эти недостатки, реформа в целом соответствовала процессам урбанизации в британском обществе.

Следствием реформы стал резкий рост партий, особенно местных отделений. Это, наряду с развитием газетной промышленности, в особенности популярных газет для полуобразованного населения, способствовало повышению значимости общественного мнения, распространению принципов демократии. Определилась политическая карта Великобритании: Англия (особенно её юг) была консервативной, в то время как Шотландия, Ирландия, Уэльс и северная Англия придерживались радикальных взглядов. Палата общин выросла до более чем 650 членов, а Палата лордов потеряла остатки своего влияния и теперь лишь препятствовала реформам, продвигаемым Палатой общин. Была, наконец, отменена система продажи государственных постов¹.

Уже в это время наблюдался отток среднего класса из городов в пригороды. Города были перенаселенными и грязными. Каждый четвертый младенец не доживал до года. В 1832 году вспышка холеры, болезни, распространявшейся с грязной водой, унесла жизни 31 тысячи человек.

В середине века города стали назначать чиновников, отвечающих за санитарную обстановку, что быстро снизило количество заболеваний, особенно холерой. Эти чиновники также пытались следить за тем, чтобы новые дома не были перенаселены, но все же продолжали существовать трущобы, где рабочие жили в довольно стесненных условиях. Лучшие из городских советов разбивали парки, строили библиотеки, бани и даже концертные залы.

В Уэльсе было меньше проблем, чем в Шотландии и Ирландии. За XIX век его население увеличилось вчетверо и достигло 2 миллионов человек. На юге Уэльса были богатые залежи каменного угля, которые способствовали развитию быстро растущих угледобывающей и металлургической промышленности. В результате почти две трети населения Уэльса переместилось на юг в поисках работы. К 1870 году в Уэльсе сложилось в основном промышленное общество, однако на севере страны остались территории, где уклад жизни не изменился и большинство жителей были крестьянами или небогатыми фермерами.

Реформы парламента в XIX веке дали уэльсцам шанс избавиться от семей богатых землевладельцев, которые представляли их в парламенте 300 лет.

Шотландия также была разделена на промышленную зону (возле Глазго и Эдинбурга) и провинциальные территории. Особенно сильный удар индустриальная революция нанесла по жителям горных районов, которые так никогда и не оправались от краха системы кланов.

Хуже всего пришлось Ирландии. Битва ирландцев за свободу от власти англичан вылилась в борьбу между католиками и протестантами. В

1829 году католикам было разрешено участвовать в выборах в парламент, что еще более усилило чувство национального самосознания ирландцев.

1845-1847 гг. были временем ужаснейшего голода в Ирландии. От него умерло полтора миллиона ирландцев, в то время как ирландская пшеница шла на экспорт в Англию. Правительство недооценило серьезность ситуации. Многие ирландцы были вынуждены покинуть родину. В основном они обосновались в США.

За период с 1875-го по 1914 г. жизнь бедняков в Великобритании значительно улучшилась, главным образом потому, что цены упали на 40%, а реальные заработки увеличились вдвое.

В 1870 и 1871 гг. были приняты законы о всеобщем образовании. Согласно этим законам, все дети до тринадцати лет должны были ходить в школу.

До начала XIX века большинство школ страны работало при Церкви Англии (англиканской церкви), но во второй половине XIX века в стране стали создавать систему обязательного бесплатного начального светского образования². Развивалась и сфера высшего и специального образования; в столице были открыты Университетский колледж Лондона, а затем Королевский колледж – два учебных заведения, составляющие ныне Лондонский университет. Также в начале XIX века был основан Даремский университет. Кроме того, в конце века в крупных городах были открыты так называемые «Университеты из красного кирпича» (англ. redbrick university) – учебные заведения, в которых изучали прикладные или инженерные дисциплины. Это – Бирмингемский университет, Бристольский университет, Ливерпульский университет, Викторианский институт в Манчестере, Лидский университет и Шеффилдский университет.

Всего в 1893 году в Англии и Уэльсе при населении в 29 731 100 человек было 19 577 народных школ, рассчитанных на 5 762 617 учащихся, которые ежедневно посещали в среднем 4100030 учащихся. Помимо них, работали ещё 1604 вечерние школы. В Шотландии (населением в 4 093 959 душ) работало 3004 школы, рассчитанных на 737 797 учащихся. Их ежедневно посещали в среднем около 542 851 учеников³.

Власть переместилась в города. Была введена в действие существующая до сих пор система местного самоуправления. Власть Церкви пошатнулась, к 1900 году только 19% жителей Лондона посещали церковь по воскресеньям, остальные же горожане находили другие, более привлекательные способы проведения выходных. Среди таких способов были посещение театра, библиотеки, различных обществ. Появление же-

лезной дороги и велосипеда также привело к переменам в жизни общества.

Особого внимания в крупных городах требовала транспортная система. В качестве транспорта в Лондоне использовали кэб, омнибус, конку или метро. Кэб – наемный экипаж на конной тяге. Помимо кучера (кэбмена) кэб вмещал от одного до четырех пассажиров. Двухколесные кэбы (хэнсомы) вмещали всего двух пассажиров и обладали большей маневренностью, чем четырехколесные (брумы). Однако последние были наиболее комфортабельны и значительно крупнее по размерам. Поездку в таких кэбах могли позволить себе только более состоятельные пассажиры.

Чтобы вызвать кэб, достаточно было окликнуть мимо проезжавший или посвистеть в специальный свисток. Такой свисток был практически в каждом доме Лондона, некоторые носили их с собой. Если свистели один раз – подъезжал брум, если два – хэнсом.

Кэб можно было нанять по расстоянию или по времени. Это нужно было уточнить у извозчика заранее. Если брали кэб в зависимости от времени, то расценки были примерно следующие: для хэнсома стоимость составляла – 2 шиллинга 8 пенсов за час, для брума – 2 шиллинга. Если брали кэб в зависимости от расстояния, то стоимость пути была следующая: 1 шиллинг первые две мили и 6 пенсов за каждую последующую. Простои оплачивались отдельно.

Омнибус – городской общественный транспорт, представляющий собой многоместную (15–20 мест) повозку на конной тяге. Омнимбус являлся маршрутным транспортным средством. Он двигался не слишком быстро – в среднем на пять миль пути уходил час. Проезд в омнибусе стоил 1 шиллинг, что являлось не по карману большинству рабочих. Чтобы сесть в омнибус, нужно было окликнуть его с тротуара, а чтобы выйти позвонить в специальный колокольчик. Входная дверь в омнибусе располагалась сзади, а лавки для сидения – по обоим бортам повозки.

Конка представляла собой открытый или чаще закрытый экипаж, иногда двухэтажный с открытым верхом (империал). Вагон по рельсовым путям тянула пара лошадей, управляемая кучером. В местах, где линии конки пересекали крутые подъёмы, экипажи поджидали форейторы (обычно мальчишки-подростки), которые подпрягали ещё 1–2 пары лошадей и помогали преодолеть трудное место, затем на ровном участке выпрягали дополнительных лошадей. Повозка могла вместить до 50 человек, при этом проезд в таком транспорте стоил значительно меньше по сравнению с омнибусом – всего 3–4 пенса. Конка пользовалась большой популярностью среди рабочего класса. В Лондоне было около 24 рельсо-

вых путей для конок, сосредоточенных в основном в бедных районах, так как среднему классу были предпочтительней omnibusy.

Лондонский метрополитен – старейший в мире. Его первая линия, которая называлась Метрополитен-рейлуэй, открылась в 1863 году. Сегодня она является частью линий Хаммерсмит-энд-Сити, Кольцевой и Метрополитэн. В 1890 году Лондонский метрополитен стал одной из первых железнодорожных систем, где начали эксплуатироваться поезда на электротяге. В XIX веке основными пассажирами метро являлись рабочие, хотя вагон поезда был разделен на три класса. Представители среднего класса и аристократии пользовались метро лишь в крайних случаях, считая его небезопасным. Из-за отсутствия вентиляции в метро было очень душно, поэтому поездку в нем нельзя было назвать приятной. Поездка стоила 3 пенса.

Итак, в английских городах решались разные проблемы – от санитарного состояния до проблем транспорта, образования, культуры. К концу XIX века, когда экономические проблемы были не столь остры, на первое место стали выходить проблемы, связанные с культурой и отдыхом.

Примечания

¹ См.: Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии. 1815–1917. М., 1959.

² См.: Aldrich Richard Apprenticeships in England (ch. 13) // Lessons from History of Education. Routledge, 2005. P. 195–205.

³ Фальборк Г., Чернолуцкий В. Начальное народное образование // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Цитир. по: История народного образования в Англии. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата обращения: 17.05.2015.

Э.П. Риммер

г.Череповец, Россия

Постоянная повинность

(г истории строительства воинской казармы в Череповце)

Мы русские. С нами Бог.

А.В. Суворов

В 1872 году в статье, посвященной предстоящей воинской реформе, И.А. Милютин писал: «...русский народ способен на любые самопожертвования, если речь идёт о защите Царя, религии и Отечества»¹.

«Православие, самодержавие, народность» – эту крылатую формулу, как известно, впервые употребил автор «теории официальной народности» граф Сергей Семёнович Уваров (1786–1855). Составляющие формулы он считал характерными чертами России, отличавшими её от Европы и служившими основой её мощи и величия.

«Мы русские. С нами Бог», – учил солдат великий русский полководец Александр Васильевич Суворов. А классик военной литературы, «пламенный монархист» Антон Антонович Керсновский (1907–1944) утверждал: «В троичности «Вера, Царь, Отечество» недаром понятие, выражающее идею Родины, поставлено не на первом, а только на третьем месте. Для Русского Народа оно является лишь результатом первых двух, своего рода производной их. Понятие «Россия», не осмысленное предварительно понятием «Вера», не оплодотворенное понятием «Царь», является чуждым, абстрактным, лишённым внутреннего содержания и смысла. И далеко не случайность, что когда при советском владычестве не стало ни веры, ни Царя, – то само собой отпало и понятие Россия, уступив место сочетанию административных инициалов»².

В четырёхтомной «История русской армии», написанной и изданной в эмиграции накануне Великой Отечественной войны, Керсновский писал о том, что «история русской армии – это история жизни русского государства»³. Армия как составная, нераздельная часть национального организма имеет большое значение в жизни русского народа, одним из достоинств которого является высокий патриотизм и жертвенность. Во время войны они охватывают массы, которые становятся неодолимой силой.

В Череповце и его окрестностях с большим уважением относились к возвратившимся со службы солдатам. «Ведь они служили Богу и великому Государю!»⁴ – считали крестьяне. «Христолюбивое воинство» вспоминали на молитве в церквях, а службу в армии называли царской службой. Про врагов России говорили: «Они завидуют нашему Государю, что у него такое большое царство»⁵.

В основу русской военной системы испокон веков положен был принцип долга для каждого защищать Русскую землю. Устав о воинской повинности от 1 января 1874 года определил защиту Престола и Отечества как священную обязанность каждого русского подданного.

По мнению И.А. Милютинина, всякая обязанность, какой бы священной она ни была, налагает на исполнителя её некоторую тягость. «Политика государства в том и состоит, – писал он, – чтобы соразмерять тягость, которую несёт гражданин, с пользой, которую эта тягость доставляет государству»⁶. В своих трудах, посвящённых предстоящей воинской ре-

форме, Иван Андреевич предлагал узаконить выкуп от армии для представителей торгово-промышленного сословия. А средства от выкупа употребить на улучшение быта солдат, устройство казарм и прочего.

Военной теме, военной реформе И.А. Милютин посвятил немало своих трудов, личного времени и личных средств. Это было по достоинству оценено горожанами. В 1886 году они торжественно отмечали 25-летие служения его на посту городского головы. В приветственной речи горожане благодарили Ивана Андреевича за то, что сделано в городе под его управлением и руководством и отчасти на его личные средства. В числе наиболее важных сооружений были названы воинские казармы⁷, «избавившие обывателей от постоянной повинности»⁸.

В ответной речи Милютин сказал: «Вы чествуете меня, я думаю, еще и потому, что я в былое время, первые 5–10 лет моей службы, руководствовался простым добрым чувством и часто прикладывал своё сердечное ухо к общественной груди, старался познать те боли, те хотения, которые выражались преимущественно в немых движениях души и которые старики наши смиренно носили в себе целые века»⁹.

И это было действительно так. Не только умом, но и сердцем воспринимал Иван Андреевич беды горожан, для которых воинский постой был сущим наказанием. Будучи выходцем из мещанской семьи, он испытал это на себе.

Известно, что до 1861 года житель города – мещанин – платил подушную подать и должен был выполнять натуральные земские повинности, к которым относились дача рекрут, содержание дорог, мостов, городских служб и принятие на постой войск.

Особенно обременительной была постоянная повинность. В Новгородской губернии она распределялась неравномерно. Были селения, которые вовсе не знали постоя, потому что расположение войск по квартирам основывалось на особых военных соображениях, в которые не всегда могла входить заботливость об уравнительности постоя. Только общий по государству сбор мог уравнивать эту повинность¹⁰.

В Череповце как городе, стоявшем на важном в стратегическом отношении Мариинском водном пути, и в мирное время постоем были заняты почти все жилые дома.

«Военно-статистическое обозрение России за 1849 год» свидетельствует, что в Череповце из 340 домов (каменных 12, деревянных 328) – домов, несущих постой – 323, а свободных от него всего лишь 17. Жителей же считается до 2205 (1060 – муж., 1145 жен.)¹¹.

Постоянная повинность чувствительно сказывалась на интересах и удобствах черепан, но они, по-видимому, стойко сносили все неприятности. Во всяком случае, никаких бунтов по этому поводу в истории города не известно.

О том, что такое воинский постоя и какие ужасные притеснения от расквартировываемых солдат терпели жители России, – рассказал наш земляк историк Н.Д. Чечулин в книге «Русская провинция во второй половине XVIII века». При создании книги он использовал материалы наказов городских жителей в Екатерининскую комиссию 1767 года, опубликованные Российским историческим обществом (т. 93).

Отвод помещений лицам, « проезжающим по казённой надобности » и расквартировываемым воинским частям, по закону был определён особыми правилами и нормами и осуществлялся квартирными комиссиями в составе председателя – городского или полицмейстера, а также членов и депутатов – от купечества и дворянства. На деле же постановления городских властей совершенно не соблюдались. Офицеры помещения себе выбирали сами, занимали квартиры более просторные, чем полагалось, произвольно меняли их.

Солдаты, помещались большей частью в домах беднейших жителей и часто в одной комнате с хозяевами. В наказах говорилось, что солдаты «расположением своего мундира и прочего и для себя постелей» занимали больше половины покоя, и хозяин, ежели у него особого покоя нет, рукомерла своего за теснотою отправлять не может, и оттого многие пришли и приходят в крайнее убожество и тесноту».

Офицеры не только занимали лишние покои, но и амбары, и сарай под свои экипажи, под своих лошадей, коров, домашнюю птицу и даже под своих охотничьих собак. Обучая солдат военным приёмам, они не смущались тем, что от ударов прикладами портились полы, а иногда и печи, не стеснялись переделывать занимаемые помещения, прорубали для своего удобства новые окна и двери, заставляли хозяев делать пристройки или делали всё это сами, а, уходя с постоя, «взыскивали за них усильно немалые деньги».

Угрозами и даже побоями офицеры принуждали хозяев устраивать печи в таких покоях, которые вовсе не были приспособлены к зимнему жилью. В результате для отопления их требовалось очень много дров. Чрезвычайно много жалоб было на крайне неосторожное и чуть ли не умышленно большое расходование топлива. Если у хозяина не хватало дров, такие постояльцы не затруднялись разломать и «попалить» заборы или надворные постройки – бани, амбары. Все это создавало и большую опасность пожара, не говоря уже о том, что расход на топливо достигал,

по словам хозяев, рублей до 50 в год, что составляло тогда сумму очень не маленькую.

Постояльцы иногда забирали силой у хозяев свечи, съестные припасы, опустошали огороды, постоянно появлялись в тех покоях, которые оставлены были для жительства хозяина и его семьи. В случае неудовольствия, расправлялись и с самим хозяином, и с его домашними, доходя даже до того, что, «раздев хозяина», держали его в зимнее время в одной рубахе на морозе¹².

Надо сказать, что от невыгодных условий расквартирования войск немало страдала подготовка офицерского состава. Негде было устроить офицерские собрания, полковые библиотеки, нельзя было производить офицерские занятия¹³.

Кроме того, в городах солдат донимала караульная служба и исправление полицейских обязанностей. Они поглощали третью часть наличного состава войск. «Полиции в те времена, – писал Керсновский, – можно сказать, совсем не водилось, и города по ночам делались чрезвычайно опасны»¹⁴.

В наказах в Комиссию 1766 года отмечалось, что в Москве, Петербурге, Киеве постоянно бывали ночные грабежи и убийства. И случаи их учащались, как только уменьшалось в городах число войск¹⁵.

Воинский устав при отводе войскам квартир требовал, чтобы на трёх человек была одна кровать из расчёта, что двое будут на ней спать, а третий – занят караулами.

«Армия и народ – едины!» – говорили в те времена.

Фельдмаршал русской армии Бурхардт Христоф (Христофор Антонович) фон Миних (1683–1767) боролся с чрезвычайным возрастанием количества нестроевых, но вместе с тем в видах экономии требовал возможно большей «самокупаемости» армии. «В связи с этим солдаты стали изучать всевозможнейшие ремёсла: столярное, сапожное, портняжное и разные иные, что невольно вело за собой упущения в главном их ремесле – военном. <...> Две трети солдат уходили на вольные работы, а оставшаяся треть расписывалась по караулам, никого не оставалось для обучения воинскому артикулу»,¹⁶ – отмечал А.А.Керсновский.

Н. Чечулин в своей книге привел слова из донесения графа Г.Г. Орлова императрице Екатерине Великой, который писал ей из Москвы во время своего пребывания там после чумы: «Также московские военные команды – гвардейские, отставные, гарнизонные: они до того развратны, что способу поправить их не будет, разве перевести (т.е. уничтожить – Э.Р.) их совсем; ибо их повиновение и дисциплина – слово в слово, как чума. Я видел пример: где стояли на карауле великолуцкие солдаты

(т.е. солдаты Великолуцкого полка – Э.Р.) с ними вместе, то и их узнать стало не можно. Они почти все имеют свои дворы, все торгуют; никто за ними не смотрит; перероднились с фабричными и с прочими жителями Москвы; только тем хуже (их), что они менее полиции боятся. Полиция московская также, кажется, не в лучшем состоянии и в рассуждении офицеров и их услуг»¹⁷.

Санитарное состояние войск также было очень плохим. Заболеваемость и смертность в войсках вдвое превосходили таковые в западноевропейских армиях и втрое – в соответствующих возрастных категориях гражданского населения. Например, в 1830 году эпидемия холеры и другие болезни вырвали из рядов русской армии 110 058 человек¹⁸.

Серьезное внимание на улучшение быта солдат, как отмечал А.А. Керсновский, было обращено при императоре Павле I. «Постройка казарм стала избавлять войска от вредного влияния постоя, – писал он. – <...> Вольные работы, широко до тех пор практиковавшиеся, были строго воспрещены, дабы не отвлекать войска от их прямого назначения»¹⁹.

Император Николай I стремился в начале своего царствования соорудить казармы для всей армии. Однако учрежденный им комитет нашел, что для этого необходим миллиард рублей. Пришлось сооружение казарм рассрочить на несколько десятилетий. Работа эта завершилась лишь в 90-х годах XIX в. при императоре Александре III²⁰.

Строительство казарм стало важным шагом в обновлении армейской жизни. Появляется возможность круглогодичного обучения военнотружущих, усиливается контроль за поведением солдат. И, пожалуй, самое главное: население России избавляется от опостылевшей «квартирной повинности».

Всесословный принцип комплектования армии, действовавший с 1 января 1874 года, сокращение сроков службы нижних чинов привели к тому, что и сама воинская повинность перестала быть ужасающей для местного населения.

Корреспондент Тенишевского бюро Василий Антипович Антипов писал из Уломы: «Нет бесшабашного разгула с отчаяния самих призываемых парней, нет раздирающих душу плача и рыданий родителей. Все успели освоиться с тем взглядом, что эта повинность есть ни что иное, как временная отлучка. Правда, отлучка довольно продолжительная, года 3-4 и не по своей воле, и все-таки остается большое утешение, что три года не весть как долго, не 30 лет, как было прежде. Три года пройдут, и не заметишь»²¹.

В.А. Антипов рассказывает о том, как проходил призыв. Все призываемые и их провожатые должны были явиться на призывной участок в

воинское присутствие, которые располагались в селе Улома Череповецкого уезда. Туда для поддержания порядка пригонялась целая армия полицейских. Рекрута, замеченного в буйстве, после забривки сразу отправляли в город, в казармы. А казарма новобранцу в это время была хуже, чем острог.

На проводы новобранца собирались родные, близкие, соседи. Все призываемые и их провожатые размещались на квартирах по соседним деревням. Состоятельные рекруты и провожающий их волостной старшина занимали избы получше, а остальные размещались, где придется. Дальше был Череповец, где располагалось уездное по воинской повинности присутствие.

О том, что происходило в Череповце, рассказывает рекрутская песня:

К Косте Глыбину во двор,
 Ко Гусихе в круглый дом.
 Уж мы ужинать попросим,
 Нам ведёрная на стол,
 Мы попьём, да закусим,
 Во трактир гулять пойдём. ...
 По утренней заре
 Писаря за нами пришли,
 Во присутствие повели,
 Во рекрутский во набор, ...
 Полетели русы кудри
 Против белого лица.
 Погонили как овец, ...
 Кого в город, кого в Питер,
 Кого в камену Москву,
 Забывай горе-тоску²².

Случаи уклонения от воинской повинности, как писал Антипов, были очень редки.

Военная, оборонительная функция городов, свойственная им в глубокой древности, определила наличие в городской среде солдат и отставных воинских чинов. Несмотря на то, что доля этой группы в среде мелких промышленников уменьшалась по мере сокращения роли военной функции городов в пользу административной и торгово-экономической, в середине XIX века она составляла почти 3%.

Судя по наличию воинских чинов в составе московских ремесленников в 1887 году (7%), численность их в ремесленном населении во вто-

рой половине XIX века оставалась значительной, особенно в окраинных городах – по причине их удалённости от экономических центров империи и сохранения за ними в какой-то мере оборонительного значения²³.

«Памятная книжка Новгородской губернии на 1873 год» свидетельствует, что в Череповце бессрочно отпусковых было 40 мужчин и 36 женщин; отставных нижних чинов 71 мужчина и 84 женщины; войска 105 мужчин и 31 женщина; солдатских детей 39 – все мужского пола. Всего вместе с детьми 406 человек на 2394 жителей города²⁴.

Кроме того, в Череповце нередко размещались воинские части. Например, в 1907 году в доме у Источницкой часовни, где находилось управление воинского начальника, временно пребывали части нижних чинов Петровского, Свирского и Нейшлотского полков²⁵.

Череповец не раз навещали представители царского дома. Будучи, как правило, людьми военными, они во время своих визитов посещали воинские казармы. Один из таких визитов состоялся в июне 1896 года. В город по Мариинской водной системе прибыл Великий князь Владимир Александрович Романов в сопровождении начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерал-лейтенанта Н.И. Бобринского, полковника И.Л. Татищева и других лиц. Они посетили воинскую казарму и произвели смотр государственному ополчению и местной воинской команде.

Может быть, благодаря таким визитам построенная ещё в середине XIX века и изрядно обветшавшая милютинская казарма была сломана в 1907 году. Ещё в 1880 году И.А. Милютин в письмах к согражданам писал, что воинские казармы в городе требуют перестройки и что это может быть осуществлено только при содействии казны. И вот по Высочайшему повелению деньги на строительство были получены. Это была ссуда, рассчитанная на 20 лет из 4% годовых. Новые казармы решено было построить двухэтажными полукаменными. А пока для размещённых в городе солдат было устроено временное помещение с кухней и навесом. При закладке нового здания состоялся молебен. Долг по ссуде всё время рос и к 1914 году составил 20000 рублей плюс проценты в сумме 4996,66 рублей²⁶.

Денежные отчёты городской управы свидетельствуют о том, что воинский постой недёшево обходился городу. Немалые суммы шли на содержание городских общественных казарм (отопление, освещение, ремонты, страхование здания, мытье полов и пр.), наём помещений для войск, наём квартир в частных домах для новобранцев, ратников и запасных нижних чинов, на отопление и освещение помещений, занятых войсками.

Примечания

¹ Мнение И.А. Милютинина, по вопросу о том: следует ли, отвергнув в принципе выкуп и замещение при отбывании всеобщей воинской повинности, допустить один выкуп временно в виде переходной меры, вызываемой особыми условиями народной и государственной жизни? 28 января 1872 года. С. 2. // Архив ЧерМО. Отд. оттиск.

² Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700–1814 гг. М., 1999. С. 10.

³ Керсновский А.А. Указ. соч.: Т. 4. 1915–1917 гг. М., 1994. С. 329.

⁴ Русские крестьяне. Жизнь, Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т.7. Новгородская губерния. Ч. 3. Череповецкий уезд. СПб., 2009. С. 275. Корреспондент Адриан Никитич Власов. 1899. Шухтовская волость. С. Покровское.

⁵ Там же: Т. 7. Часть 2. Череповецкий уезд. 2009. С. 42. Корреспондент Василий Антипович Антипов. 1898–1900. Уломский край.

⁶ Милютин И.А. Записка по поводу предстоящей воинской реформы. СПб., 1873. С. 18.

⁷ Слово «казарма» произошло от итальянского caserma – здание для размещения личного состава воинской части. В переводе с английского языка казарма означает барак (barrack).

⁸ Цит. по: Э. Риммер, М. Бородулин. Город и река. Рыбинск., 2006. С. 64.

⁹ Там же. С. 68.

¹⁰ Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. СПб., 844. Т.1. Тетрадь первая. Новгородская губерния. С. 102.

¹¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.III. Ч. 3. Новгородская губерния. СПб., 1849. С. 131.

¹² Чечулин Н.Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010. С. 292–294.

¹³ Керсновский А.А. История русской армии. Том 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии. 1814–1881 гг. М., 1999. С. 188.

¹⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 1. М., 1999. С.72.

¹⁵ См.: Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 100.

¹⁶ Керсновский. Указ. соч. Т. 1. С.72.

¹⁷ Цитир. по: Чечулин. Н.Д. Указ. соч. С.100.

¹⁸ Айрапетов О. Как восстание войной обернулось // Родина. 2013. № 3. С. 27.

¹⁹ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 180.

²⁰ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 47.

²¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы... Т. 7. Ч. 2. С. 38. Корреспондент В.А. Антипов. Уломский край.

²² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы... Т. 7. Ч. 3. С. 422–423. Корреспондент М.К. Герасимов.

²³ См.: Егоров В.Г. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX века // Вопросы истории. 2011. №1. С. 35.

²⁴ Памятная книжка Новгородской губернии на 1873 год. Новгород, 1873. С. 10.

²⁵ Отчет Череповецкой городской управы за 1907 г. Череповец, 1907. С. 81.

²⁶ Отчет Череповецкой городской управы за 1914 год. Череповец, 1915.

С.С. Касаткина
г.Череповец, Россия

Проблемы повседневной жизни индустриальных городов России*

Повседневный мир города – среда обитания большинства современных людей. Многие жители России озабочены вопросом выбора наиболее благоприятной территории проживания. Идеального места для жизни в нашей стране нет. Предпочтения современных россиян, как и уровень жизни в разных регионах, различные. Среди большинства городов особого внимания заслуживают индустриальные центры. Особенности их быта можно назвать специфичные черты. С одной стороны, присутствует большой шанс найти работу по душе, которая достойно оплачивается; имеется довольно развитая инфраструктура; досуг интереснее и разнообразнее; широкий выбор товаров и услуг; есть возможность развиваться духовно и получать достойное образование. В таких городах для жителей, как правило, характерны отчетливо выраженная гражданская позиция и социальная активность. Люди принимают непосредственное участие в жизни своего города. С другой стороны, в индустриальных центрах, чтобы обеспечить себе достойную жизнь, нужно много работать. Во время кризисов и неустойчивых экономических ситуаций крупные города могут серьёзно пострадать. Проблемы с жильем, жилищно-коммунальные трудности вызывают депрессию как у коренных горожан, так и у мигрантов. Существует высокий уровень преступности. Густонаселенность, шум, пробки и загазованность. Экологическая ситуация более чем критична. Большие расстояния городского пространства приво-

* Работа выполнена в рамках реализации проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.» соглашение № 14.В 37.21.048

дят к тому, что многие люди тратят по несколько часов в день, чтобы с пересадками добраться до работы и обратно домой.

Разновидностью современных крупных городов можно назвать индустриальные парки. «Индустриальный парк» – это специально организованная для размещения новых производств территория, обеспеченная энергоносителями, инфраструктурой, необходимыми административно-правовыми условиями и управляемая специализированной компанией¹. Расположение индустриальных парков зависит от рынков сбыта продукции, концентрации населения, транспортной инфраструктуры и т.д. Подавляющее большинство индустриальных парков расположено в европейской части России и на юге страны. Экономический эффект изменения повседневной жизни регионов в ходе строительства индустриальных парков отмечен в высказывании президента фонда «Центр стратегических разработок» Михаила Дмитриева. «Особенностью России являются недоразвитые крупные города 2-го эшелона (крупные города после Москвы и Санкт-Петербурга), – заметил он. – Они слишком малы по численности населения и экономической плотности. Простое перемещение рабочей силы и инвестиций поблизости от этих городов из малых и средних городов, где производительность гораздо ниже, позволит добиться скачка производительности на 20–30% в течение ближайших 10 лет. Это реальная перспектива, она отражает уже сложившийся уровень производительности в крупнейших российских городах»². Индустриальный парк – пример идеального развития индустриального города.

С момента промышленного переворота большие города традиционно являются зоной экологического неблагополучия. Взаимоотношения природной и техногенной сред, развитие социокультурного пространства в них складывается довольно противоречиво. Как правило, многие индустриальные центры развиваются за счет градообразующих предприятий. Поэтому отказаться от источников экологических загрязнений практически невозможно. Однако современное общество пытается разработать программу мероприятий, сглаживающих соотношение развития производства и сохранения ключевых позиций жизнеустройства любого города. Эту попытку можно расценивать как элемент эволюции жизни, один из ведущих факторов развития планеты в наше время. «В 80-х годах прошлого века Европейское региональное бюро ВОЗ предложило проект «Здоровые города». В 1987 году в Европе возникла первая сеть «здоровых городов», которая состояла из 11 муниципальных образований. Сегодня «Здоровые города» – это международное движение, объединившее 1800 городов из 55 стран»³. «Обеспечить экологическое равновесие можно только экологизацией сознания населения, экологизацией самих

потребностей, согласовывая образ жизни с экологическими возможностями города, региона, их природно-ресурсным потенциалом, обеспечивая удовлетворение только экологических потребностей, экологизацией товаров, услуг, промышленности, перестраивая на урбанизированных территориях отраслевую структуру экономики, улучшая условия отдыха горожан, реконструируя и развивая город на основе принципов экологизации»⁴, – пишет современный исследователь.

В развитии индустриального города должны стать приоритетными вопросы согласования качества жизни у всех представителей городской среды с учетом транснационального развития и глобального взаимодействия. Для этого необходима особая городская политика, основанная на технологии городского управления в рамках экологии.

На данный момент современный российский крупный город представляет собой уникальное образование в экономическом, экологическом и социокультурном аспектах своего развития. Общими проблемами их повседневной жизни являются тяготы депрессивности монопрофильных городов, экологическое неблагополучие территорий, маргинальность населения, противоречивые возможности организации досуга, проблемы занятости. Направления в решении отмеченных проблем многоаспектны. Развитие благополучной повседневной среды зависит в первую очередь от целевой программы развития города, разработанной муниципалитетом. Качество городской жизни зависит от доступности сферы услуг и товаров повседневного спроса, что невозможно без частных бизнес-инвестиций в городе. Комфортность жизни горожан, сфера труда и досуга должны обеспечиваться силами градообразующих предприятий. Поддержка основных отраслей промышленности, приоритетных для города, – задача федерального уровня. Таким образом, без комплексного и стратегического планирования развития повседневной жизни промышленных городов нашей страны благополучная жизнь горожан может быть невозможной.

Примечания

¹ Яшина Г.А. Индустриальные парки и развитие российской экономики // Капитал страны. Федеральное интернет-издание. URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/183749/>. Дата обращения: 12.09.2012.

² Там же.

³ Долгосрочная целевая программа г. Череповца Вологодской области «Здоровый город» на 2009–2012 годы. URL: <http://zgorod.ru/program>. Дата обращения: 30.09.2011.

⁴ Колокольчикова Р. С. Череповец как феномен индустриального города (сер. 1960 – сер. 1980-х гг.): Монография. Череповец: ЧГУ, 2009. С. 248–249.

О.В. Козлова

г. Череповец, Россия

Противоположности мультикультурного пространства мегаполиса

До недавнего времени город по преимуществу являлся предметом гносеологического интереса представителей исторических наук (исследовались история возникновения городов, специфика их социального пространства, особенности субкультуры ремесленников и т.д.) и социологии (изучались особенности городской культуры, ее структура, отличительные особенности этногородов и т.д.). В современном научном знании город представляет гносеологический и практический интерес для архитектурных и строительных изысканий, дизайнерских и ландшафтных проектов и практик, социальной психологии, урбанистики, а с середины XX столетия и философии общества и культуры. Проблема осмысления тенденций развития и сущности процессов формирования современных городских пространств для российской действительности становится сегодня наиболее актуальной в связи с качественно изменяющимся топографическим пространством. Первый этап кардинального изменения топографии населенных пунктов в СССР начался в конце 70-х – начале 80-х годов XX века в связи с большой миграцией сельского населения в город, что явилось результатом как объективных процессов, так и ошибок в сельской политике правящей элиты. В годы перестройки произошла вторая волна урбанизации, которая захватила не только сельских, но и городских жителей (особенно из моногородов с разрушенной экономикой), и была отягощена развалом страны и широкомасштабной миграцией представителей различных этносов в российские регионы в связи, прежде всего, с межэтническими конфликтами и напряженностью. Этот процесс, продолжающийся и сегодня, отличается тем, что ему свойственна миграция прежде всего в крупные города, с большим числом предприятий, организаций, с возможностями для развития (или участия) бизнеса, с развитой инфраструктурой, возможностями для получения достойной заработной платы, разнообразием досуга и т.п. Переселенные в мегаполисы, которые «всасывают» большинство, стремящихся туда жителей, а часть «выплевывают» из своего душного, смрадного, на-

полненного пробками из машин горнила, также обусловлено объективными и субъективными причинами. Мегалополис – значительная пространственно и функционально единая группировка городов или поселений городского типа, составляющая общую социально-биологическую, экологическую и экономическую систему. Однако это единство не распространяется на культуру. Культура мегалополисов представляет собой, скорее, конгломерат различных субкультур, важнейшей особенностью которого является этническое мультикультурное многообразие, осложняемое в современных мегалополисах наличием ряда субкультур, проявляющих в своих действиях свойства контркультуры. Мегалополис часто рассматривают как особенность и феномен техногенной цивилизации, концентрированно выражающий ее противоречия. Однако мегалополисы существовали в той или иной форме и в древних цивилизациях, а топографическая их точка по сегодняшние дни притягательна для населения Земли. В первую очередь, мегалополисы отличаются численностью населения, а это приводит к значительным проблемам, начиная с создания сложной системы канализации, безопасности (правовой, экологической, эпидемиологической), транспортной, продовольственной, водоснабжения и т.д. Известно, что на сегодняшний день в крупных мегалополисах и городских агломерациях сосредоточено более половины человечества, следовательно, мегалополис создает для большинства людей ряд ценностных преимуществ и, прежде всего, это большее число рабочих мест, большая трудовая востребованность.

Изучение мегалополиса осуществляется с использованием различных методов; феноменологического (его использует, в частности, А.В. Фролов, рассматривающий мегалополис как некоторое интересубъективное сообщество), коммуникативного (применяется в трудах М. Кастельса, по мнению которого, мегалополис предстает как глобальное, постоянно расползающееся горизонтально и концентрирующееся одновременно, гибридное коммуникативное пространство, дающее возможность индивидуальной адаптации), синергетического (используют В.В. Памятушева, З.Т. Фокина; для метода характерен учёт интегрального характера элементов системы (предприятий, торговых, коммуникационных, энергетических сетей, политических структур, культурных и конфессиональных объединений, финансовых потоков и т.д.), а также акцентирование внимания на первостепенном значении систем информации, использование математических методов для принятия решений, планирования и контроля). Всё это даёт возможность интегрально, комплексно оценить любую производственно-хозяйственную деятельность предприятия и другие виды общественной деятельности, выявить дефекты в процессе функциониро-

вания и изменения любого элемента мегаполисной системы или разработать рекомендации, направленные на совершенствование деятельности¹. Каждый метод оправдан в зависимости от целей и задач исследования автора, однако в практике управления городом, принятия решений в плане кардинального улучшения жизни мегаполиса, решения конкретных проблем его населения более адекватно и эффективно применение системного метода. Социально-философский подход диалектически синтезирует темпоральные и пространственные характеристики изменений, происходящих в мегаполисной, а значит, и социальной культуре в целом. Формирование мегаполисов в культурно-топографическом пространстве страны оказывает влияние на изменения как пространственных, так и временных его параметров. Необходимо отметить, что существует целый ряд отличий в бытии мелких и средних населенных пунктов и мегаполисов: это, например, «сжатость» длительности мегаполиса и замедленность, растянутость провинциальной; более единая, общая и известная жителям пространственная протяженность первых и разноуровневая, растянутая горизонтально вторых (жители центральных, более благополучных районов города не знают часто о разнообразной неприглядности окраин), в том числе и в культурном плане. (Так, приращение городской территории за счет близлежащих поселков и городов, особенно в России, сопровождалось формированием пригородной культуры, сохранявшей потребность в приусадебном хозяйстве, более строгие нравы и т.п.). Мегаполисы, захватывая все большие пространства, словно превращаясь при этом в неких Левиафанов, постоянно испытывают потребность в социально-экономических территориях, что приводит к росту напряженности среди горожан, которая выражается в конфликтах по поводу квартирной площади, в нечестной конкурентной борьбе (в последней в российской действительности побеждает всегда чиновник и его родственники) по поводу тендеров на землю для бизнеса, а сегодня резко актуальной стала борьба между организациями и гражданами за парковочные места (имеются случаи насилия по отношению друг к другу автолюбителей и даже убийств). Эти проблемы требуют от управленческих структур мегаполиса серьезной и ответственно проводимой политики по формированию городской структуры, а население, стремящееся к удовлетворению престижных и комфортабельных потребностей, должно само понимать, что рост количества автовладельцев не может опережать темпы расширения городского пространства. В современных российских мегаполисах эта проблема достигает наибольшей остроты в последние десятилетия, в них еще острее ощущается необходимость более широкого освоения подземного пространства, более глобального развития подзем-

ных транспортных систем, а также подземной инфраструктуры. Данная тенденция получает распространение, например, в Москве. «Не исключено, что в будущем она станет одной из важнейших задач по ограничению пространственного расползания городов, учитывая дефицит земель для сельского хозяйства и возрастание стоимости городских территорий»², – подчеркивает в своем исследовании И.В. Тулиганова.

На важную особенность современного мегаполиса обращает внимание С. Ромашко, отмечающий трансформирование социальной основы города. «Современный город все больше утрачивает свою традиционную социальную опору, становясь городом без горожан: значительная часть людей, участвующих в жизни мегаполиса, не является его «настоящим», коренным населением, – пишет он. – Миграционные потоки разной скорости (от приезжающих на день до приезжающих на неопределенный срок) определяют все стороны городской жизни. Город заинтересован в постоянном привлечении людей, он, в сущности, уже не может без этого существовать. Это предполагает создание дополнительных и разнообразных адаптационных механизмов, начиная от знаков, облегчающих ориентацию в городском пространстве, и заканчивая культурно-образовательными программами, направленными на интеграцию прибывших в сложившуюся среду»³. Это приводит к осознанию проблемы отсутствия в городской среде мегаполиса единого культурного пространства. В одном городе онтологизировано многоязычие, разнообразие диалектов, общающиеся граждане могут плохо понимать язык друг друга или совсем не знать его; горожане, осуществляя трудовые действия, могут ограничиваться кругом общения меньшим, чем в деревне. Языковое, культурное и даже пространственное разнообразие приводит к размыванию культурной городской идентичности, которая объективно необходима для «цементирования» культурной городской среды, для более гармоничного и менее конфликтного, значит, более безопасного существования граждан Левиафана. «Быстрые темпы социокультурных преобразований, изменение самих механизмов коммуникации внутри городского пространства между индивидами делают особенно актуальной проблему ценностных ориентаций горожанина»⁴, – отмечает тот же автор. На Западе исследования социокультурной коммуникации как одной из основных характеристик современного общества осуществлялись Г. Гербнером, П. Лазарсфельдом, Г. Лассуэллом, Э. Личем, Н. Луманом, Г. Маркузе, Р. Мертоном, А. Модем, Ю. Хабермасом и др. Среди отечественных изысканий следует выделить работы таких авторов, как Г.П. Григорян, В.П. Конецкая, О.В. Костина, И.А. Манкевич, М.М. Назаров и др. Коммуникационная структура города является важнейшим элемен-

том городской структуры и культуры, и роль ее постоянно возрастает: мегаполис как феномен держится на системе коммуникаций, от информационной до канализационной. Если раньше город можно было уничтожить, построив запруду на реке, то сегодня может уничтожить город как систему – разрушение, выведение из строя многих систем коммуникаций: долгий сбой подачи электроэнергии, блокирование систем электронной связи, выход из строя канализационной системы. Гибель мегаполиса как системы в тенденции можно наблюдать и из-за нарушения культурной городской среды и формирования ее мультикультурного пространства: население городов должно найти способы договориться либо о стремлении к культурной идентификации мегаполиса, либо о глубоко внутренней, искренней по отношению ко всем субкультурам толерантности. Какие тенденции победят, покажет время, однако субкультурное, резко дифференцированное, агрессивное выделение своего культурного начала в качестве лучшего по отношению к другим не будет способствовать длительному существованию мегаполиса. В таком случае он прекратит свое существование в качестве такового. «В этой ситуации все сложнее становится поддерживать некоторый единый тип коммуникативного поведения, единую коммуникативную среду, а следовательно, и базовые механизмы восприятия и образцы поведения, без которых виртуальное единство города, уже не поддерживаемое традиционным социокультурными механизмами, грозит превратиться в неуправляемый хаос»⁵, – подчеркивает С. Ромашко. Единый тип коммуникативного поведения как базовый фундамент для формирования некоей городской ауры (например, петербуржцев и москвичей) размывается не только в результате широкомасштабной урбанизации, нерегулируемой, часто нелегальной, трудовой миграции, но и формированием в рамках единого, но не равнозначного пространства мегаполиса некоего конгломерата этнических, конфессиональных субкультур, культуры старожилов и субкультур «понаехавших», а также отчужденно существующих культур индивидов. Если городская культура даже начала XX века усредняла человека, стремясь к общегородской идентификации, предъявляя к индивидам строго определенные правила поведения как нормы общежития, то сегодня в результате различных процессов глобализации и развития миграционных процессов человек попадает в мультикультурное многоязычие, часто еще глубже ощущая и переживая свое одиночество в нем. Дэвид Фрисби, анализируя противоречия между индивидуальной и идентификационной городской культурами, пишет: «Атрофия индивидуальной культуры вследствие гипертрофии объективной культуры является одной из причин той непримиримой ненависти, которую проповедни-

ки самого крайнего индивидуализма, в первую очередь, Ницше, питают к мегаполису. В этом же заключена и причина того, почему эти произведения, столь страстно любимы в мегаполисе и почему в глазах обитателя мегаполиса они представляются пророками и спасителями его (или ее) неудовлетворенных вожеланий»⁶. Однако индивидуальности стремятся в городскую толпу, пытаются слиться с ней, жить ей на потребу, или, формируя в ней, благодаря определенной воле к власти, ее вкусы, идеалы в своих интересах, а значит, также стандартизируя, зомбируя массового горожанина. В этом особенность социального пространства мегаполиса: всеобщая стандартизация есть основа для проявления крайних форм индивидуализма, что находит выражение в произволе «сильных» мира сего. Не достигнув социальной ноосферности, человечество пока не нашло способов гармонизации общего и индивидуального или не может договориться об их реализации, а может, просто не хочет договариваться.

Примечания

¹ Кривых Е.Г. Философско-методологические проблемы мегаполиса // Вестник Российского философского общества. 2011. №4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-4-60-2011/13182-filosofsko-metodologicheskie-problemy-megapolisa.html>. Дата обращения: 12.12.2015.

² Тулиганова И.В. Город как культурный ландшафт // Вестник Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина. Саратов. 2007. №13. С.165.

³ Ромашко С. Пространство диалектики. Коммуникативная среда мегаполиса // Российское экспертное обозрение. 2006. №2. URL: <http://pressuha.ru/release/54594-rossijskoe-ekspertnoe-obozenie-2-16.html>. Дата обращения: 12.12.2015.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Фрисби Д. Разрушение города: Социальная теория, мегаполис и экспрессионизм // Логос. 2002. №3-4. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_03-04_34.htm. Дата обращения: 12.12.2015.

Культурное пространство современного российского города

В.И. Филиппова
г. Череповец, Россия

Роль В.А. Ветрогонского в формировании и развитии художественных традиций в Череповце во второй половине XX века

Художественная культура не может существовать без традиций, которые являются важным условием жизнеспособности художественного творчества. Важную роль традиции играют и в жизнедеятельности общества, являясь одним из основных факторов стабильности и сплоченности общества. По определению Д.И. Варламова, «традиции – это исторически сложившиеся и передаваемые от поколения к поколению социально значимые обычаи, обряды, общественные установления, нормы поведения, образцы действий, идеи, взгляды, знания, умения, ценности и т.п.; элементы социально-культурного наследия, устойчиво сохраняющиеся в обществе или в отдельных социальных группах в течение длительного времени»¹.

Художник В.А. Ветрогонский

Процесс создания того или иного художественного образа начинается с восприятия чего-либо или кого-либо и вдохновения от этого момента. Вдохновение, как правило, служит тем импульсом, который задает движение следующему этапу творческого процесса, направленного на создание художественного образа. Основным источником вдохновения для вологодских художников всегда оставался замечательный северный край. Русский Север – это и красивый, мужественный народ, проживающий на его просторах; его история, наполненная героическим величием; это и плоды труда человеческого, прославляющие северный край; его традиции, сложившиеся веками, сама северная природа. Эти районы России всегда вдохновляли графиков своей самобытностью и суровой, неповторимой красотой.

Вологодская земля стала родиной одного из популярнейших иллюстраторов России XX века – А.Ф. Пахомова (1900–1973). Прототипами героев многих его произведений были жители родной вологодской деревни Варламово, куда художник неизменно приезжал каждое лето в течение всей жизни.

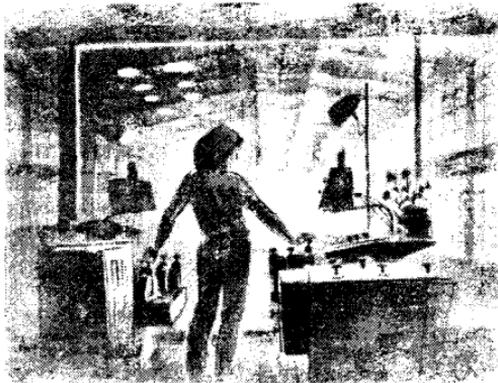

Ветрогонский В.А. Ковш и миксер
(из серии «Северная Магнитка»)
Б., литогр., 49х63, 1980

Свою любовь к Русскому Северу на протяжении всего творческого пути отражал в своих произведениях и ученик А.Ф. Пахомова – В.А. Ветрогонский (1923–2002)², который родился на вологодской земле, а затем вместе с родителями переехал в Ленинград. Вклад Владимира Александровича Ветрогонского в формирование и развитие вологодской гра-

фики и художественных традиций на вологодской земле велик и многогранен. Весь свой жизненный и творческий путь он был до самозабвения влюблен в Русский Север. Уже в первых графических работах этого автора можно отметить стремление отразить красоту северной природы, трудовой пафос рабочих будней Череповецкого металлургического комбината, романтику мощной индустрии. Основными художественными образами многочисленных серий линогравюр, литографий и акварельных работ В.А. Ветрогонского становятся сталевары и строители, доменные печи, огромные ковши расплавленного металла, фантастические конструкции заводских сооружений, природа Русского Севера. Графические серии «Заводские будни» (1953–1957), «Северная Магнитка» (1959–1971), «По родному Северо-Западу» (1953–1971) и многие другие серии этого автора являются интереснейшими повествованиями, острыми и выразительными, созданными мастером наблюдательным, влюбленным в окружающую жизнь. О графическом стиле, об особой совокупности выразительных средств В.А. Ветрогонского писал в 1967 году народный художник СССР Ю.М. Непринцев. «Смотря на мир пытливыми, широко открытыми глазами, добрым взглядом художника-современника, отмечал он, – Владимир Ветрогонский, в каких бы материалах он ни работал – будь то акварель, линогравюра или литография, – везде сохраняет ясность композиции, динамичность и выразительную форму рисунка». Часто в журнальных статьях, отзывах, каталогах выставок графические серии В.А. Ветрогонского называли «мажорными графическими сюитами», «огненными симфониями».

Заметим, что художественные коллекции собрания Череповецкого музейного объединения начали формироваться еще в 1920–1930-е годы. Первые поступления графических произведений были из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда, Государственного Русского музея, расформированного в эти годы музея Академии художеств и частных коллекций. В акте передачи, датированном 4 августа 1930 года, есть такая запись: «...зам. директора института Пролетарского образительного искусства т. Тяткин с одной стороны и зав. культурно-историческим сектором Череповецкого музея Бухарина К.М. с другой стороны составили настоящий акт в том, что при ликвидации музея б. Академии художеств, мною, Тяткиным сданы, а Бухариной К.М. приняты для Череповецкого музея местного края 12 нижепоименованных картин...»³. Эти работы, а также произведения, переданные в это же время Русским музеем, составляют лучшую часть экспозиции русского искусства конца XVIII – начала XX в. в художественного отдела Череповецкого музейного объединения.

Ветрогонский В.А. На посту №7
(из серии «Северная Магнитка»)
Б., литогр., 50x63, 1980

На формирование собрания графических произведений в череповецком музее в 1950-е годы оказало влияние его сотрудничество с Ленинградским институтом живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Начиная с 1959 года на территории Череповецкого металлургического комбината по инициативе В.А. Ветрогонского, который к тому времени уже преподавал в институте, ежегодно стала проводиться пленэрная практика студентов графического факультета, которая в последующие годы превратилась в традицию. Металлургический комбинат в Череповце привлек «репинцев» в первую очередь неповторимостью и актуальностью сюжетов. В этот период В.А. Ветрогонским была создана серия цветных линогравюр «Северная Магнитка» (1959–1960)⁴.

Традицией стал и регулярный отчетный показ графических работ, выполненных студентами и преподавателями в период проведения практики, в цехах металлургического комбината, в залах музея трудовой славы комбината, Череповецкого краеведческого музея. Часть графических работ с целью пополнения коллекций передавалась художниками в эти музеи и – с целью украшения интерьеров – в цеха металлургического завода. Кроме того, педагоги и студенты института им. И.Е. Репина регулярно организовывали творческие поездки по северо-западным районам России. Членов творческих групп привлекала удивительная природа этого края, памятники древнерусской архитектуры, водная магистраль и прилегающая к ней местность Марининской системы и Волго-Балта, индустриальная тема. На этом материале у В.А. Ветрогонского рождаются серии гравюр, литографий, рисунков, акварелей.

Ветрогонский В.А. Церковь в Девятинах.
Б., литогр., 38x51, 1971.

«25-летию дружеских связей Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина с Череповецким металлургическим комбинатом и практики студентов графического факультета на предприятии было посвящено выездное заседание Ученого совета института, состоявшееся в 1983 году, – пишет Т.П.Соболева в статье, посвященной истории сотрудничества института и музея. – В Череповец прибыли ректор института Б. Угаров, проректоры И. Бертенев и О. Еремеев, профессора И. Пентешин, Б. Пленкин и В. Пименов, доценты Ж. Вержбицкий, Н. Репин, В. Песиков. В расширенных заседаниях Ученого совета, встречах с рабочими коллективами, открытии юбилейной выставки приняли участие руководители города, ЧерМК, Череповецкого краеведческого музея. Юбилей творческих связей ленинградцев с Северной Магниткой стал большим событием в жизни института, предприятия»⁵. Одним из мероприятий, посвященных этому событию, стала выставка произведений ленинградских художников-преподавателей и студентов в новом выставочном зале музея. В экспозицию выставки вошли работы А.Ф. Пахомова и его учеников В.А. Ветрогонского, В.М. Звонцова, А.А. Пахомова (сына художника), работы таких студентов – учеников В.А. Ветрогонского – как Ю. Башкирцев и Клим Ли, которые также стали преподавателями института. Таким образом, выставочная экспозиция явилась наглядным свидетельством преемственности поколений творческого коллектива института, сложившихся в ленинградской школе изобразительных искусств. Авторами графических произведений было передано с выставки в дар городу шестьдесят работ, которые дополнили коллекцию изобразительного искусства череповецкого музея.

Начиная с 1959 года и на протяжении последующих тридцати лет, В.А. Ветрогонский периодически представлял свое творчество в выставочных залах череповецкого музея. В результате этих мероприятий собрание графических работ музея пополнилось произведениями этого автора. На сегодняшний день собрание Череповецкого музейного объединения насчитывает более двухсот произведений народного художника России В.А. Ветрогонского. Большую часть этой коллекции составляют литографии и линогравюры, акварельные работы, рисунки карандашом и фломастером. Среди них оказались и серия графических листов «Северная Магнитка», отображающих панорамы индустриального пейзажа и трудовые будни металлургов, серии «Волго-Балт», «Река работает», «Клюевские места на Вытегре» и др. Работы В.А. Ветрогонского отличаются световоздушностью, поэтизацией художественных образов, тонкими цвето-тоновыми отношениями, внутренней гармонией.

Одним из лучших учеников В.А. Ветрогонского стал выпускник графического факультета Института им. И.Е. Репина, золотой медалист Владимир Викторович Паскин, приехавший на учебу в Ленинград из Череповца. Его замечательные графические листы, исполненные в технике акварели, украшают сегодня выставочные экспозиции многих стран мира. Одной из лучших серий этого автора можно назвать работы, посвященные Русскому Северу, прославляющие его природу и человека.

В 1970-е годы тему индустриального пейзажа и человека труда активно прорабатывали художники, вошедшие в состав творческой, так называемой, индустриальной группы, которая работала на территории доменного цеха Череповецкого металлургического комбината. Для работ членов этой группы был характерен новаторский подход к решению творческих задач: разнообразие творческих концепций, индивидуальный подход к выбору сюжета будущего произведения и эксперименты в процессе творческо-технических воплощений.

В.А. Ветрогонский внес серьезный вклад в развитие и пропаганду графического искусства, в создание художественного образа Русского Севера второй половины XX века, в зарождение и сохранение художественных традиций на вологодской земле. Художественные традиции, заложенные им, нашли свое продолжение и развитие в:

- формировании музейных фондов (работами В.А. Ветрогонского и его учеников);
- во влиянии академической школы на творчество других вологодских художников (В.В. Паскина и многих других);
- в сюжетных особенностях произведений, обращенных к красоте природы и человека Русского Севера;

- в проведении научно-практических конференций по данной тематике и подготовке научных публикаций (студентами, преподавателями, искусствоведами и т.д.);

- в проведении с 2002 года пленэрных практик «По Вологодчине» (в совхозе «Новокемский», на ЧМК и др.) со студентами специальности «Изобразительное искусство» ЧГУ (руководитель творческой группы – доцент кафедры изобразительного искусства В.И. Филиппова);

- в организации тематических выставочных экспозиций студентами и преподавателями, посвященных индустриальному пейзажу и людям труда («Я всего один из вас – меня зовут рабочий класс!..», «Творчество В.А. Ветрогонского» и др.)

Весь масштаб деятельности В.А. Ветрогонского, направленной на пропаганду и развитие культуры и изобразительного искусства на Русском Севере и, в частности, в нашем городе, на сегодняшний день сложно оценить. Личность этого уникального человека и его многоплановая деятельность достойны глубокого исследования, изучения и пропаганды.

Примечания

¹ Варламов Д.И. Онтология художественных традиций и инноваций // Скрипай А.А., Александрова Е.А., Варламов Д.И., Шаш Н.Н. и др. Развитие образовательного пространства художественного вуза: монография / Под ред. Е.А. Александровой, Д.И. Варламова. М.: Экшэн, 2008. С. 69.

² Ветрогонский Владимир Александрович (1923–2002) – академик, народный художник России, член-корреспондент Академии художеств СССР, действительный член Российской Академии художеств, профессор Института им. И.Е. Репина (с 1973 – декан факультета графики); член Союза журналистов СССР; кавалер многих отечественных и зарубежных орденов: польского ордена-знака «Гриф Поморский» (1969), болгарского ордена «Кирилл и Мефодий» (1970), ордена Отечественной войны II степени (1985), ордена Дружбы народов (1994), ордена Почета (1999) и др.; Почетный гражданин города Череповца.

³ Акт передачи от 4 августа 1930 г. // Архив ЧерМО.

⁴ Бродский В.В. Ветрогонский. Л., 1967. С. 28.

⁵ Соболева Т.П. Творческие связи Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина и Череповецкого музейного объединения // Традиции в контексте русской культуры. Вып. X: Межвузовский сборник научных работ. Череповец: ЧГУ, 2003. С. 289–290.

А.Е. Новиков
г.Череповец, Россия

Театр в культурной среде современного города

С появлением в начале XX столетия кино, а затем, спустя некоторое время, и телевидения, видео и Интернета, казалось бы, само существование театра оказалось под угрозой. Однако театр с его особой спецификой, основанной на непосредственности происходящего на сцене, «живом» действии, рождающемся и разыгрываемом непосредственно перед зрителями, выдержал конкуренцию со своими более технически оснащенными «соперниками» и сохранил место в культурном пространстве современного города.

Более того – наличие в городе своего театра является важным фактором, свидетельствующим о его зрелости, высоком культурном уровне его развития (так же, впрочем, как и существование в нем разветвленной сети музейных учреждений, симфонического оркестра, камерного хора, футбольной (или хоккейной) команды соответствующего уровня, высшего учебного заведения...)

Театр, таким образом, занимает важное место в культурной среде современного города. Велика может быть его воспитательная роль: театр способен пробуждать у зрителей «чувства добрые», учить думать, помогать глубоко осмысливать происходящее в обществе и влиять на сложившуюся в нем духовно-нравственную атмосферу. Театр, по словам Н.В.Гоголя, является «кафедрой, с которой можно много сказать миру добра»¹.

Современный российский театр, увы, далеко не в полной мере соответствует этому высокому предназначению. Так, некоторые ведущие театры культурной столицы страны Санкт-Петербурга, по замечанию Ю.Сидорова, охватила «эпидемия на порчу классического репертуара»² (можно увидеть, например, как помещица Онегина пьет горькую прямо из горла бутылки, чеховские дядя Ваня и Трелев ходят по сцене голыми и т.д. и т.п.). А, как отмечает М.Н.Любомудров, «мертвечиной и разложением»³ веет от спектаклей старейшего в России Александринского театра, поставленных лауреатом Государственной премии РФ В.Фокиным...

Провинциальные театры, на наш взгляд, в этом смысле имеют определенные отличия. По крайней мере, они более сдержанны по отношению к классике. В то же время они в принципе следуют той же установке на развлекательность, на коммерциализацию искусства, что и столичные

театры. По нашему мнению, не является исключением в этом отношении и Череповецкий камерный театр, возрожденный 1 июля 1993 года и возобновивший активную деятельность в 2007 году (после того как 4 ноября этого года театр вернулся в историческое здание, открытое после капитального ремонта).

В 2014 году, оценивая работу театра, мэр г.Череповца Ю.А.Кузин назвал его «культурообразующим»⁴ и отметил, что «Камерный театр формирует мощнейший пласт культуры в нашем городе»⁵. При этом вопрос о том, какую именно культуру формируют городские театры (прежде всего, Камерный театр), становится главным, ключевым. Этот вопрос самым тесным образом связан с репертуаром, который, по справедливому замечанию В.Каменева, определяет «лицо всякого художественного коллектива, в том числе и театрального»⁶.

В репертуаре Череповецкого камерного театра главенствующее место, без сомнения, занимают постановки любовно-эротического содержания по произведениям современных отечественных и зарубежных авторов, как правило, не выходящие за рамки семейно-бытовой проблематики («Мишель» В.Азерникова, «Любовь до потери памяти» и «Прелести измены» В.Красногорова, «Тектоника чувств» Э.-Э.Шмитта, «Дачный роман» и «Ход конем» Б.Рацера и В.Константинова, «Свободная пара» Д.Фо и Ф.Раме, «Мужской род, единственное число» Ж.Брикера и М.Ласега, «Приключения легкомысленного доктора» Ж.Фейдо и т.д.), отличающиеся, порой, откровенной фривольностью и имеющие установку на развлекательность. Вот, например, содержание одной из этих пьес, представленное на сайте Камерного театра. «Французская комедия о современности... Обаятельная, очень смешная, игривая. Даже человек с самой богатой и необузданной фантазией не может представить себе те невероятные сюжетные повороты, которые ожидают зрителей в этой бесконечно смешной, обаятельной и грациозной французской комедии»⁷, – читаем мы на сайте театра о комедии «Мужской род, единственное число»... Конечно же, в подобного рода текстах есть оттенок рекламности, направленный на то, чтобы привлечь зрителя. Но в то же время они в достаточной мере характерны и позволяют, на наш взгляд, составить представление и об особенностях драматургического материала, к которому обращается театр, и о категории зрителей, на которых рассчитывает театр, и, наконец, о специфике тех культурных традиций, которые своей творческой деятельностью «прививает» горожанам театр...

Определенное место в репертуаре Камерного театра занимают и постановки по произведениям классиков (по повести Н.В.Гоголя «Старосветские помещики», повести А.С.Пушкина «Барышня-крестьянка»), по-

вести Ф.М.Достоевского «Дядюшкин сон»...). Правда, нельзя сказать, что обращение театра к классике носит систематический характер и является отражением концептуальных установок на духовные и нравственные ценности, нашедшие, как известно, воплощение в русской классической литературе. Скорее, наоборот. Как это ни парадоксально звучит, но подобные постановки продолжают «генеральную» линию театра, о которой мы упомянули выше. Между прочим в значительной степени это находит отражение и в выборе произведений классического репертуара, и в их сценической интерпретации театром.

К примеру, представленная в октябре 2014 года на сцене Камерного театра повесть А.С.Пушкина «Барышня-крестьянка», по мнению рецензента, имеет «почти водевильное звучание»⁸, что не отрицается и театром: так в аннотации к спектаклю отмечается, что «В.Г.Белинский назвал «Барышню-крестьянку» вещь «неправдоподобно водевильной»⁹ (а это, соответственно, предполагает и некоторую «облегченность» содержания, и ориентацию на вкусы определенного зрителя...)

Другой спектакль театра – по повести Ф.М.Достоевского «Дядюшкин сон» (а, точнее, по пьесе Ю.Лоттина по мотивам указанной повести Федора Михайловича) – С.Г.Ясинская называет «удачным синтезом» трагикомедии, мелодрамы, водевиля, комедии, фарса и драмы¹⁰. Оставляя в стороне вопрос о возможной совместимости перечисленных жанров, хотелось бы заметить, что автор точно подмечает общую фарсово-комедийную природу спектакля, вполне органично вписывающегося в основную постановочную канву театра (здесь, кстати, необходимо заметить, что если театром и допускаются определенные «вольности» по отношению к классике, то во всяком случае они не идут ни в какое сравнение с теми, которые имеют место в некоторых столичных театрах¹¹).

Значительное место в репертуаре театра занимают также детские спектакли («Золушка» Е.Шварца, «Волшебное кольцо» Б.Шергина, «Снегурочка» Е.Баталиной и др.), на наш взгляд, неоднозначные по своему характеру и требующие отдельного рассмотрения...

Характерная для современного театра (в том числе и для Череповецкого камерного театра) ориентация на зрителей «с разными вкусовыми пристрастиями»¹², связанная во многом с «кассовыми» интересами, с необходимостью «зарабатывать», невольно заставляет вспомнить афоризм забытого ныне литератора XIX века Барона Брамбеуса, по словам которого «вкус – это прихоть беременной женщины, которая есть общество»¹³. Смысл этой фразы, на наш взгляд, в том, что следовать вкусам большинства (как правило, невзыскательным) бессмысленно – им невоз-

можно угодить. И театр не должен этого делать. Он должен вести зрителей за собой, возвышать их души своим искусством...

И это вполне по силам Камерному театру г.Череповца. Ведь совсем недавно его директором стал опытный организатор Л.В.Лавров, главным режиссером театра является талантливая актриса Т.Г.Макарова, а в театральном коллективе есть и талантливые постановщики, и яркие исполнители (Е.Баталина, М.Пирушкин, Т.Шестерикова, С.Павлов...), которые способны повести зрителей за собой и «вернуть на сцену благородный идеализм русской культуры»...¹⁴

Примечания

¹ Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т.6. М.: Художлитер., 1978. С.234.

² Сидоров Ю. Эпидемия бесстыдства // Отечественные записки (приложение к газете «Советская Россия»). №14 (261). 2012 г. 26 июля. С.2 (курсив автора цитаты).

³ Любомудров М.Н. Фейки Фокина. Что показывают на легендарной сцене Александринки под видом классики // Литературная газета. 5-15 августа 2015 г. №32 (6520). С.11

⁴ Камерный театр Череповца встретил свой праздник премьерой. URL: <http://cherepovec.bezformata.ru/listnews/kamernij-teatr-cherepovtca-vstretil/18816632/>. Дата обращения: 30.10.2015.

⁵ Швецов В. Юрий Кузин: «Каждой премьеры в Камерном театре жду, как ребенок ждет чуда». URL: <http://cherepovec.bezformata.ru/listnews/kazhdoj-premeri-v-kamernom-teatre/18837919/>. Дата обращения: 7.11.2015.

⁶ Каменев В. Любить театр – любить жизнь // Красный Север. 20 марта 1981 года. №67(19131). С.4.

⁷ Камерный театр. Афиша. URL: <http://www.kam-theater.ru/repertuar/muzhskoj-rod-edinstvennoe-chislo-2>. Дата обращения: 21.11.2015.

⁸ Васнецова Т. Нескучная классика в Камерном // Голос Череповца. 21 октября 2014 г. С.18.

⁹ «Барышня-крестьянка» / Камерный театр. Афиша. URL: <http://www.kam-theater.ru/repertuar/muzhskoj-rod-edinstvennoe-chislo-2>. Дата обращения: 21.11.2015. Правда, следует заметить, что слова В.Г. Белинского цитируются на сайте Камерного театра с искажением и вне контекста, так, что складывается впечатление, будто Виссарион Григорьевич положительно оценивает водевильный характер «Барышни-крестьянки». В действительности, увы, всё выглядит несколько иначе. Слова Белинского о «Барышне-крестьянке» являются частью его фразы о «Повестях Белкина» вообще, которую необходимо, на наш взгляд, привести полностью. «В 1831-м году вышли «Повести Белкина», холодно принятые публикою, и еще холоднее журналами, – писал Белинский в

одиннадцатой, заключительной, статье из цикла «Сочинения Александра Пушкина». – Действительно, хотя и нельзя сказать, чтоб в них уже вовсе не было ничего хорошего, все-таки эти повести были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то вроде повестей Карамзина, с тою только разницею, что повести Карамзина имели для своего времени великое значение, а повести Белкина были ниже своего времени. Особенно *жатка* из них одна – «Барышня-крестьянка», *неправдоподобная, водевильная, представляющая помещицью жизнь с идиллической точки зрения...*» (Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М.: Худож.литер., 1981. С.490) (курсив в цитате наш – А.Н.). Не разделяя в целом позицию великого критика, все же считаем недопустимым использование его слов в искаженном виде...

¹⁰ Ясинская С.Г. Сон и явь князя К., или Ярмарка тщеславия по-мордасовски Спектакль «Дядюшкин сон». Камерный театр. URL: http://lanasvet1991.blogspot.ru/2013/07/blog-post_4588.html. Дата обращения: 21.10.2015.

¹¹ О чрезмерно вольном, а порой – кощунственном – обращении с классикой см. указанные нами статьи Ю.Сидорова и М.Н. Любомудрова.

¹² Васнецова Т. Конец мертвого сезона // Голос Череповца. 11 августа 2015 г. № 31 (1755). С.18.

¹³ Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса): В 9 т. Т.8. СПб., 1859. С.25.

¹⁴ Любомудров М.Н. Фейки Фокина. Что показывают на легендарной сцене Александринки под видом классики // Литературная газета. 5–15 августа 2015 г. №32 (6520). С.11.

Школьный музей как явление городской культуры

С.Ю. Мокиевский

Руководитель: *Н.В. Мокиевская*
г. Вологда, Россия

История школьного историко-этнографического музея

Наша школа №11 г. Вологды на протяжении многих лет является экспериментальной площадкой по теме «Музейная педагогика как эффективное средство обучения в школе». В работе по этой теме важную роль играет школьный историко-этнографический музей.

Школьный музей служит тем, кто его создаёт. Те, кто создают музей (актив, учащиеся педагоги школы, совет старшеклассников и пр.), являются его основными потребителями и пользователями. Это отличает школьный музей от многих других музеев, включая государственные и ведомственные, которые создаются одной группой лиц (специалистами) для другой (аудитории). Другая особенность школьного музея – это адресность (он должен быть адресован детям и быть интересен для них). Ну, и ещё необходимо прямое участие детей в его создании (часть экспонатов для музея создаётся руками детей). Таким образом, можно сделать вывод, что главной чертой специфики школьного музея является то, что это музей «для детей и руками детей» (здесь имеется в виду участие школьников во всех видах деятельности музея и стремление учащихся видеть в музее экспонаты, изготовленные своими руками, собственные коллекции и находки).

В предлагаемой статье нам бы хотелось рассказать об истории создания историко-этнографического музея в средней школе №11 г. Вологды и на его примере показать, что работа детей в школьном музее позволяет развивать у них интерес к истории своей родины, своего края. А использование экспонатов школьного музея на уроках истории, сбор и архивация новых материалов для музея помогают ученикам лучше усваивать программный материал, более активно изучать историю нашего края.

Этнографический музей в нашей школе был открыт в октябре 1990 года. Появился он в результате деления на два самостоятельных про-

фильных музея бывшего литературно-этнографического музея, которым заведовала тогда учитель русского и литературы Наталья Михайловна Гасина. Литературному музею стало тесно в одном кабинете с этнографическим, да и в школу пришёл учитель-энтузиаст – Зинаида Георгиевна Быстроумова. Она была готова оборудовать новый музей. Помогать в организации музея стали также педагоги Мила Леонидовна Ненсберг и Наталья Александровна Чекмарёва: все вместе разработали проект экспозиции и программу музея. Вместе с учащимися школы они начали сбор экспонатов. Руководителем и организатором деятельности музея стала З.Г. Быстроумова. Она оформляла стенды и вела экспозиционные работы. Под её руководством стал работать кружок музея. Зинаида Георгиевна проработала в музее с 1990-го по 2000-ый год.

Позднее руководителями музея были учителя истории Марина Николаевна Канина и Наталья Викторовна Мокиевская. Они постарались продолжить работу, начатую З. Г. Быстроумовой. В настоящее время руководит музеем учитель истории и обществознания, выпускница нашей школы Н.В. Мокиевская.

При создании музея была разработана *его программа*, определены *его цели и задачи*.

Целью работы музея стало осуществление музейными средствами деятельности по воспитанию патриотизма, уважения к людям труженикам, любви к родному краю.

Отсюда проистекают и основные *его задачи*:

1. Документирование истории и культуры родного края путём выявления, сбора, изучения и хранения музейных экспонатов.
2. Организация культурно-просветительной и информационной деятельности, направленной на расширение кругозора школьников.
3. Пропаганда охраны памятников истории, культуры и природы края через учебную и внеклассную работу.
4. Знакомство с традициями, обычаями, промыслами Вологодского северного края.

Основными направлениями деятельности музея стали:

1. Поисковая работа (пополнение фондов музея, поиск и сбор информации).
2. Оформительская работа (оформление найденных материалов, подготовка экспозиции).
3. Исследовательская работа (привлечение школьников к научно исследовательской работе в рамках школьного музея, участие в конференциях различного уровня).

4. Экскурсоводческая работа (подготовка и проведение экскурсии силами учащихся).

Необходимый документооборот включает в себя опись экспонатов (инвентаризацию), журнал посещаемости, план работы музейного кружка, план экскурсионной работы, книгу отзывов, доклады и разработки экскурсий, сделанные членами музейного кружка.

Краткая характеристика музея. В нашем музее вся экспозиция выстроена на основе книги Василия Белова «Лад». Названия разделов экспозиции почти полностью повторяют названия глав книги Василия Белова:

1. Вологодская область.
2. Мастера и подмастерья.
3. Остановленные мгновения.
4. Спутники женской судьбы.
5. Рукодельницы.
6. Кружево Вологды.
7. Свидетельство минувших дней.
8. Будни и праздники.
9. Не словом единым.

Разделы экспозиции характеризуют жизнь и быт крестьян в XIX – начале XX века. Отражают нелегкий, но благодатный труд крестьян, их обычаи и традиции.

В фондах музея находится 230 экспонатов, в числе которых представлены:

- орудия труда и инструменты;
- посуда, предметы быта;
- одежда и обувь;
- памятники природы;
- монеты и бумажные деньги;
- фотографии и документы.

Практически все экспонаты являются подлинниками периода конца XIX – середины XX века. Каждый год их коллекция в музее пополняется новыми образцами.

Ученики школы и их родители, выпускники школы, учителя – ветераны школы – все приносят в музей новые экспонаты для хранения и исследования. Например, Нина Александровна Бойцова (бывший учитель школы, заслуженный учитель России) подарила одежду (сарафан, рубаху и шорты), Елена Владимировна Каталёва (бывший директор школы) подарила музею лапти. Много интересных экспонатов в музей принёс выпускник нашей школы Илья Плешков (изразец печки – лепнину, дорево-

люционный кирпич с фамилией производителя). Таня Меньшикова (ученица 11б класса) принесла в музей старинную прялку, Иван Копосов – ученик 11б класса – гвозди цельнолитые конца XIX века и часть (фрагмент) старинного чайника. Экспонаты музея используются на уроках истории и «Истоков», литературы и МХК как наглядный материал, иллюстрирующий жизнь и быт русского народа конца XIX – первой половины XX века.

На базе музея проводятся экскурсии и занятия, разработанные учителями Мариной Николаевной Каниной, Ольгой Васильевной Мелединой, руководителем музея Н. В. Мокиевской и самими детьми. Члены музейного кружка принимают участие в городских историко-краеведческих конкурсах и викторинах, научно-практических конференциях. В 2004 году наш музей принял участие в городском конкурсе школьных музеев и занял 3 место среди других школьных музеев в номинации «кабинет-музей». Также музей принимал активное участие в сборе и подготовке материалов для сборника «История Заречья» в 2 томах, авторами которого стали учитель истории, заслуженный учитель России – Мила Леонидовна Ненсберг и Алексей Ненсберг – выпускник нашей школы.

Ребята, которые являются членами музейного кружка, на многих конкурсах и викторинах в разное время занимали призовые места. Так, в 2001 году ученик 11 класса, а теперь выпускник школы Артём Витушечников под руководством своего учителя истории М.Л.Ненсберг написал работу о расквартировании до революции в Вологде в районе Заречья Александро-Невского полка и был награждён дипломом I степени на городском конкурсе «Мир через культуру». А в 2002 году в городском конкурсе «Мир через культуру» под руководством Н.В.Мокиевской теперь уже выпускник школы Георгий Варзин занял 2 место, Он провёл очень серьёзное исследование своей родословной. Призовые места были заняты нашими школьниками и на городской викторине по фольклору и этнографии «Бабушкины науки» в 2006 и в 2007 годах. В 2005 и 2006 годах команда школьного музея заняла 2 и 3 места в городской викторине «Морская история Вологодчины». А в 2012 году команда молодых музейведов поучаствовала в городском конкурсе «Символы России» (по материалам Вологодской области) и заняла 1 место среди школ города. В 2009 году на базе городского центра повышения квалификации города Вологды (ЦПК) был выпущен диск, в который включили все разработки мероприятий, экскурсий и занятий школьного историко-этнографического музея в рамках работы школы по музейной педагогике. Формы проведения экскурсий и мероприятий различные: это и путешествия по русским народным сказкам с использованием музейных экспонатов, это

и игра-путешествие, это и экскурсии-уроки, на которых звучат детские доклады, сообщения, зачитываются фрагменты рефератов по названным темам.

В заключение необходимо сказать несколько слов о значении деятельности школьного музея. У нас в школе был проведён опрос среди детей. Им был задан вопрос: «Какие преимущества вы видите в наличии в школе музея?» Большинство учащихся ответили, что считают преимуществом возможность увидеть «старинные» «давние», «древние», «исторические», а также «редкие» или «дорогие» экспонаты («предметы», «вещи», «памятники», «ценности», «достопримечательности»). Часть детей считают, что «музей помогает им лучше понять историю, обычаи и традиции наших предков». И почти все школьники отмечают, что наличие музея «помогает им в изучении истории своей родины».

Изучая историю нашего школьного музея, узнавая, как учащиеся школы занимаются сохранением и приумножением его фондов, мы пришли к выводу, что музей помогает воспитывать у школьников уважение и любовь к родной земле, к своим предкам. А это очень важно при формировании своей жизненной позиции. Хочется надеяться, что полученные в ходе изучения истории школьного музея знания помогут нам в дальнейшем и в изучении истории родной школы.

Сведения об авторах

Алексеева Надежда Викторовна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии Гуманитарного института ЧГУ (Череповец, Россия).

Антонова Злата Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков ГИ ЧГУ (Череповец, Россия).

Баранова Екатерина Михайловна, студентка факультета социального управления Института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д.Ушинского (Ярославль, Россия).

Баранова Ольга Анатольевна, учитель истории и обществознания МОУ «СОШ №2» г.Неи Костромской области (Россия).

Белановская Елена Вячеславовна, канд. техн. наук, доцент, зав. кафедрой дизайна архитектурной среды ЧГУ (Череповец, Россия).

Брежнев Сергей, обучающийся МБОУ «Шейбухтовская основная общеобразовательная школа» Междуреченского района Вологодской обл. (с. Шейбухта Междуреченского р-на Вологодской обл., Россия).

Всеволодов Антон Владимирович, хранитель отдела фондов МБУК «Череповецкое музейное объединение», старший преподаватель кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (Череповец, Россия).

Галунова Светлана Николаевна, канд. искусствоведения, доцент кафедры профессионального и технологического образования Института педагогики и психологии ЧГУ (Череповец, Россия).

Добровольский Евгений Сергеевич, учитель истории МБОУ «СОШ №30» г.Череповца, аспирант кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (Россия).

Егоров Андрей Николаевич, доктор ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии ГИ ЧГУ (Череповец, Россия).

Касаткина Светлана Сергеевна, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (Череповец, Россия).

Киселева Лада Александровна, обучающаяся МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №1 имени Максима Горького» (Череповец, Россия).

Киселева Наталья Николаевна, учитель обществоведческих дисциплин (Череповец, Россия).

Климина Ида Александровна, член литературно-краеведческого центра Н.М.Рубцова Дома знаний г.Череповца (Россия).

Козлова Ольга Валериевна, канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (Череповец, Россия).

Коробова Нина Валентиновна, учитель истории и обществознания МБОУ «Шейбухтовская ООШ» (с. Шейбухта Междуреченского р-на Вологодской обл., Россия).

Мальцев Михаил Геннадьевич, писатель-краевед, работник ПАО «Северсталь» (Череповец, Россия).

Маркевич Наталья Сергеевна, студентка ИПиП ЧГУ (Череповец, Россия).

Микитюк Владимир Петрович, старший научный сотрудник Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ) (Екатеринбург, Россия).

Мокиевская Наталья Викторовна, учитель истории, обществознания и «Истоков» МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №11» г. Вологды.

Мокиевский Сергей Юрьевич, учащийся МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №11» г. Вологды.

Молодов Олег Борисович, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия).

Новиков Алексей Евгеньевич, канд. филол. наук, доцент кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (Череповец, Россия).

Новикова Александра Алексеевна, обучающаяся 9^бкл. МБОУ «Женская гуманитарная гимназия» г. Череповца (Россия).

Новикова Анастасия Алексеевна, преподаватель Череповецкой районной детской школы искусств, студентка ИПиП ЧГУ (Череповец, Россия).

Орлова Татьяна Юрьевна, учитель обществоведческих дисциплин МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №1 им. Максима Горького» (Череповец, Россия).

Поверенная Светлана Алексеевна, учитель начальных классов МБОУ «Женская гуманитарная гимназия» г. Череповца (Россия).

Риммер Эльвира Петровна, советник МБУК «Череповецкое музейное объединение», заслуженный работник культуры РФ (Череповец, Россия).

Солодянкина Ольга Юрьевна, докт. истор. наук, профессор кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (Череповец, Россия).

Смирнова Ольга Вениаминовна, канд. филос. наук, профессор кафедры истории и философии ГИ ЧГУ (Череповец, Россия).

Сорочинская Анна Юрьевна, студентка ИПиП ЧГУ (Череповец, Россия).

Филиппова Вера Ивановна, профессор кафедры профессионального и технологического образования ИПиП ЧГУ, член СХ России, член Международной ассоциации искусствоведов и художественных критиков.

Чернов Александр Валентинович, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой связей с общественностью, журналистики и рекламы, директор ГИ ЧГУ (Череповец, Россия).

Шалашов Евгений Васильевич, канд. филол. наук, учитель истории и обществознания МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №17» г. Череповца (Россия).

Эванс Эллисон / Evans Allison, аспирантка Факультета политических наук Университета Пенсильвании (Пенсильвания, США) / PhD Candidate, Department of Political Science, University of Pennsylvania (Pennsylvania, USA).

МИЛЮТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Социально-экономическое и культурное развитие
России во второй половине XIX – начале XXI века

Сборник научных работ

Выпуск VII

Печатается в авторской редакции
Технический редактор М.Н. Авдюхова

Лицензия А № 165724 от 11.04.06 г.

Подписано к печати 29.12.15 г. Тир. 100 (1 з-д 29)
Уч.-изд. л. 11. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Усл. п.л. 11,5.
Гарнитура Таймс. Зак. 116.

ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»
162600 г. Череповец, пр. Луначарского, 5

[160p]